А. А. СОРОКИН

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

(1920-1939 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НАУКА И ТЕХНИКА"

МИНСК

1968

А. А. СОРОКИН

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

(*1920—1939 гг.*)

МИНСК 1968

С 65

Книга представляет собой исследование аграрных проблем и положения крестьянства в Западной Белоруссии в период ее вхождения в состав буржуазно-помещичьей Польши. В ней показаны крайне несправедливый характер распределения земельной собственности между помещиками и крестьянами, классовое расслоение землевладельцев и обнищание основной массы тружеников деревни. В работе рассматривается аграрная политика эксплуататорских классов Польши, прослеживается развитие классовой борьбы в деревне, рост классового сознания и организованности трудящегося крестьянства.

Рассчитана на научных работников, преподавателей и пропагандистов.

1-6-4
5-68

ВВЕДЕНИЕ

В 1919 г. Польша, подстрекаемая силами международного империализма, начала войну против Советской России. Нелегко было советским республикам вести войну против объединенных сил международного империализма. Но они выстояли. Война закончилась осенью 1920 г.

18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор. По условиям Рижского договора Западная Белоруссия и Западная Украина отошли к Польше. Пользуясь поддержкой иностранного капитала и слабостью Советского государства, Польша включила тогда в свой состав около 100 тыс. км² белорусских земель с населением около четырех миллионов человек, что составляло более 1/3 всей Белоруссии [1].

За годы первой мировой войны и интервенции в Западной Белоруссии численность населения сократилась почти на 1/3. Тысячи людей погибли, сотни тысяч в поисках спасения ушли в глубь России. Бегство на восток продолжалось и в годы польской интервенции.

После подписания Рижского мирного договора многие беженцы пожелали вернуться в родные места. Трудно было добиваться у польских властей разрешения на пересечение границы людям, видевшим Октябрьскую революцию. Имущие классы Польши боялись репатриантов как носителей революционных идей.

---

[1] Tablice statystyczne Polski, 1923. Warszawa, 1923, s. 19—25.

Но родина людям дорога и всегда влечет к себе. Преодолевая преграды, в Западную Белоруссию вернулось около полумиллиона бывших беженцев и солдат царской армии, мобилизованных еще в начале первой мировой войны [1].

Однако возвращенцев ждали новые лишения. В пожарах войн сгорело около 600 тыс. построек. Уцелевшие дома, оставаясь в течение 5—8 лет без хозяев, обветшали и нуждались в срочном ремонте. Многие репатрианты были вынуждены строить землянки, селиться в оставшихся от войны блиндажах. В течение ряда лет сотни тысяч людей жили в неприспособленных помещениях.

Поля, принадлежавшие беженцам, заросли бурьяном и кустарником. У крестьян не было ни скота, ни орудий труда, ни семян для посевов. Люди лопатами копали землю.

Экономика Польши оказалась разлаженной авантюристической политикой Пилсудского. Трудящимся негде было заработать на пропитание. Крайняя нищета, голод, эпидемические болезни — вот удел всех возвратившихся в Западную Белоруссию.

Впрочем, положение всех трудящихся в Западной Белоруссии было очень тяжелым. Господствующие классы Польши рассматривали завоеванные земли как свои колонии. В то время Польша условно делилась на две неравноправные части — этнографическую Польшу, которой предназначалась роль метрополии, и захваченные на востоке земли, с пренебрежением называемые «всходними кресами». Этнографическая Польша называлась «Польшей А», присоединенные территории — «Польшей Б» [2]. «Запад Польши — Европа, восток — Азия» [3],— заявляли надменные националисты. Подражая русскому самодержавию, завоеватели называли Западную Украину Восточной Малопольшей, а Западную Белоруссию — Белопольшей [4]. Слова «Украина» и «Белоруссия» изгонялись из употребления.

Чтобы закрепить за собой завоеванные земли, националисты сразу же начали полонизировать их население

---

[1] «Бальшавік Беларусі», 1928, № 2, стар. 7. (Орган ЦК КПЗБ).
[2] Владислав Гомулка. Статьи и речи. М., 1959, стр. 357.
[3] G. Olechnowski. Polska dziś a jutro. Warszawa, 1926, s. 67.
[4] «Наша будучыня», 1923, 14.II.

под лозунгом: «В Польше нет места для неполяков»[1]. Украинцев стали называть русинами, а белорусов — «тутэйшими». «Нет белорусов, есть только серая крестьянская масса тутэйших»,— заявляли поляки.

Осуществление колонизаторской политики на завоеванных землях начиналось с административных мер. Административно-территориальное деление Западной Белоруссии было перекроено, приспособлено к нуждам и целям польского капитала. Белорусские земли оказались разделенными между четырьмя воеводствами — Белостокским, Виленским, Новогрудским и Полесским. Только одно Новогрудское воеводство включало в себя чисто белорусские территории. В Виленском объединялись белорусские и литовские, в Белостокском — белорусские и польские, в Полесском — белорусские и украинские земли. Воеводства делились на уезды (повяты), а уезды — на волости (гмины).

Вся администрация сверху донизу назначалась вышестоящими властями. «Почти все войты занимают свои должности по назначению уездных старост, а не по выборам. В значительном большинстве — это люди специально подобранные, по национальности поляки»,— сообщала белорусская газета[2]. В одном из докладов о положении в Западной Белоруссии признавалось, что «войтами в волостях назначаются только поляки и католики, часто очень непопулярные среди местных жителей»[3].

Войт — самая низшая ступень административной иерархии, а что же можно сказать о более высоких? Все должности на государственной службе, начиная от воеводы и кончая полицейским или ветеринарным фельдшером, занимали польские националисты, члены реакционных партий, присланные из центральных воеводств. На окраины посылались люди проштрафившиеся, скомпрометировавшие себя, те, кого нельзя было больше держать на виду у общества. Газета «Белорусская доля» 1 апреля 1925 г. сообщала, что в северных уездах Виленского воеводства 60—70% полицейских были лицами дисциплинарно наказанными и сосланными на восточные

[1] «Przegląd wileński», 1927, 27.III.

[2] «Беларуская доля», 1925, 15.IV.

[3] Центральный государственный архив Литовской ССР (ЦГА ЛитССР), ф. 51/2, оп. 3, д. 1, л. 53.

окраины. В основе их деятельности лежали коррупция и преступность. Для них не существовало никаких норм поведения и человеческой морали. Недаром один из выдающихся деятелей белорусского национально-освободительного движения Б. Тарашкевич говорил в польском сейме, что органы государственной безопасности превратились в органы величайшей опасности.

Штат полицейских в завоеванных землях все возрастал. Польский коммунист Томаш Приступа назвал следующие цифры роста численности жандармерии. В Брестском уезде при царизме в 1913 г. содержалось 345 полицейских, а в 1925 г.—400, в Волковысском уезде ранее было 149, стало 203 жандарма [1]. Кроме того, существовала еще разветвленная сеть тайной полиции (дефензивы) с огромным штатом. Численность ее состава представляла государственную тайну. Но о ней можно судить по тем сведениям, которые сообщил в своем выступлении в сейме белорусский депутат С. Рак-Михайловский. Он заявил, что только «на Виленщине насчитывается до 660 штатных шпионов, кроме того, в восточных землях почти в каждой деревне содержатся конфиденты» [2].

В городах и селах Западной Белоруссии размещались также регулярные войска и подразделения пограничной стражи. Им помогали военные и гражданские осадники. Все они следили за белорусским населением, выискивая неблагонадежных. Всякий подписчик на белорусскую газету рассматривался как враг польского государства, принадлежность к компартии квалифицировалась как тяжкое преступление.

Повсюду бесчинствовали отряды карателей. Они устраивали повальные обыски и аресты, избивали и грабили людей, окружали и обстреливали населенные пункты. Это у них называлось пацификацией (успокоением) населения. Вот один из примеров пацификации. Карательные отряды, дополненные жандармерией из Пружан и Малеча, вооруженные пулеметами и даже пушкой, ночью окружили деревни Смольники, Бояры, Наробщина и Мельники. На рассвете они произвели повальный

---

[1] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935). Warszawa, 1961, s. 122.

[2] «Голас беларуса», 1924, 17.II.

обыск у жителей. Оказывавших сопротивление под конвоем отправляли в Пружаны. Арестованных избивали до потери сознания [1].

В апреле 1925 г. только на Новогрудчине подверглись аресту 1368 человек [2]. В мае 1925 г. в одну ночь в крае было схвачено и отправлено в тюрьмы более 3 тыс. жителей [3]. «В Западной Белоруссии только тот не арестован, кто ничего не читает и ничего нигде не говорит. Кто смеет читать или в публичных местах говорить по-белоруски, тому не гарантированы личная безопасность и жизнь» [4],— говорил в сейме белорусский депутат Павел Волошин. «Признание себя белорусом равнозначно объявлению врагом государства» [5]. Тысячи людей годами держали в тюрьмах. Беспрерывно шли массовые судебные процессы над белорусскими коммунистами, прогрессивными деятелями, партизанами. Судили тех, кто симпатизировал Советской власти, кто рвался к свободе и участвовал в национально-освободительной борьбе, кто в свое время помогал Красной Армии или выступал против помещиков.

В завоеванных землях власти ввели режим жестокого террора. Даже виленская помещичья газета признавала, что «почти каждое польское учреждение или орган власти представляют собой рассадник недовольства и антигосударственной агитации» [6].

Когда пилсудчики шли на завоевание Белоруссии, они демагогически писали на своих знаменах: «Вольные с вольными, равные с равными» [7]. В то время польское правительство давало торжественные обещания уважать права национальных меньшинств [8], обещало обеспечить свободное развитие всех национальных культур. Первая конституция Польской республики, принятая в марте 1921 г., также декларировала политическое и правовое

---

[1] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 484.

[2] «Беларуская доля», 1925, 9.IV.

[3] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 123.

[4] Там же, стр. 138.

[5] Из открытого письма Белорусского рабоче-крестьянского клуба (в сейме) к рабочим и крестьянам-белорусам в Америке. «Звязда», 1929, 14.II.

[6] «Słowo», 1923, 21.IX.

[7] ЦГА ЛитССР, ф. 51/2, оп. 3, д. 1, л. 50.

[8] По условиям Версальского мирного договора.

равенство всех граждан независимо от национальной принадлежности.

Но слова завоевателей расходились с их делами. Они предприняли наступление на белорусскую школу, рассматривая ее как опасный очаг национальной культуры и свободомыслия. До польской интервенции в Западной Белоруссии существовало свыше 500 белорусских школ, несколько гимназий и две учительские семинарии — в Борунах (Ошмянского уезда) и в Свислочи (Волковысского уезда)[1]. Польские власти закрыли почти все белорусские начальные школы, гимназии и обе семинарии. Осталось лишь три гимназии — в Радошковичах, Новогрудке и Клецке и несколько начальных школ[2]. Первое время их кое-как субсидировали, но вскоре сняли с государственного бюджета и лишили права на существование. Школы перешли на содержание родителей учащихся и превратились в частные, бесправные, нелегальные, обучение детей в которых считалось преступлением.

Оставшимся без работы учителям белорусских школ предлагалось ехать в Краков на курсы переподготовки и усовершенствования в польском языке. Их хотели под благовидным предлогом выслать из родного края, оставить народ без интеллигенции. «Политическая цель этой высылки белорусских учителей в Краков на весь учебный год совершенно очевидна: разрушить белорусскую школу»[3]. Учителя оставались без работы и без куска хлеба, но в Краков не ехали. Лишь одиночки согласились пройти курсы, чтобы затем в качестве польских учителей получить назначение на работу.

Работники просвещения и родители вели борьбу за право обучения детей на родном языке. Администрация отвечала на это репрессиями. «Мало было счастливых, не подвергавшихся аресту, и не было почти ни одного учителя-белоруса, которого бы не запугивали арестом»[4].

В помещениях белорусских школ открывались польские школы. Но родители и учащиеся бойкотировали их. «Почти целые уезды — Вилейский и Дисненский — не имели ни одной школы, так как в польские школы насе-

[1] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 255.

[2] Одна белорусская гимназия существовала еще в Вильно.

[3] «Беларускія ведамасці», 1921, 29.X. Мемарыял Цэнтральнай беларускай школьнай рады да міністра асветы Польскай Рэспублікі.

[4] Там же.

ление не хотело посылать своих детей, а белорусские открывать не разрешалось»[1].

Увеличивалось количество неграмотных. В 1931 г. в Виленском воеводстве среди взрослого населения было 29,1%, в Новогрудском —34,9, в Полесском —48,7% неграмотных. Это вполне устраивало господствующие классы. Им нужны были темные, забитые рабочие. Правительство сознательно тормозило формирование белорусской интеллигенции.

Народ не прекращал борьбы за родную школу, всякий раз перед началом учебного года она развертывалась с новой силой.

В 1924 г. в разгар партизанского движения в Западной Белоруссии польским правительством был принят закон, разрешавший открывать белорусские школы там, где найдется 40 детей, родители которых пожелают обучать их на родном языке.

Тогда от крестьян поступило более 20 тыс. заявлений с просьбами о разрешении обучать детей на родном языке. Но принятый под давлением обстоятельств закон носил пропагандистский характер. Его никто не собирался выполнять. Заявления крестьян оставались без последствий, школы не открывались. Более того, в дальнейшем прекратили свое существование белорусские гимназии в Клецке и Радошковичах. Новогрудская же все более полонизировалась, а из Виленской белорусской гимназии учащиеся исключались десятками за «свободомыслие» и «неблагонадежность»[2].

Еще в 1921 г. белорусскими прогрессивными деятелями в целях защиты своей национальной культуры было создано Товарищество белорусской школы (ТБШ). Оно самоотверженно боролось против колонизаторской политики властей и использовало все доступные ему средства для защиты родной школы: обращалось с призывами к правительству, развертывало пропагандистскую деятельность среди учителей и населения. В трудных условиях ТБШ много сделано для сохранения и развития белорусской школы, для распространения грамотности в народе. Оно издавало учебники и книги на родном

---

[1] «Беларускія ведамасці», 1921, 29.X. Мемарыял Цэнтральнай беларускай школьнай рады да міністра асветы Польскай Рэспублікі.
[2] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 384.

языке. Когда государственные белорусские школы закрывались, родители создавали частные школы. Когда и частные школы закрывались, учителя ходили по домам и занимались с детьми в одиночку. ТБШ вело большую просветительную работу в городе и деревне, готовило национальные кадры интеллигенции.

Выпускники белорусских гимназий не допускались к поступлению в высшие учебные заведения Польши. Их аттестаты зрелости не считались государственными и не признавались за полноценные. Для получения высшего образования белорусские абитуриенты выезжали в БССР или в Чехословакию.

Среди населения Западной Белоруссии свыше 70% составляли белорусы, но белорусский язык не признавался. Пользоваться им в учреждениях было запрещено. Везде требовалось знание польского языка. Не владевшие им не зачислялись на государственную службу даже в местных административных органах и гражданских учреждениях.

Белорусская печать преследовалась. Власти старались не давать белорусам литературы на родном языке. Прогрессивные газеты систематически штрафовались, конфисковывались и закрывались. Жизнь каждой неполонофильской белорусской газеты была очень короткой и исчислялась выходом лишь нескольких номеров. Редакторы подвергались преследованиям. В силу этого чаще всего выходили однодневки [1].

Для рассылки газет подписчикам требовалось специальное разрешение властей. Чем прогрессивнее газета, тем труднее было ей доходить до читателей.

Белорусские культурные организации закрывались. Собрания жителей не допускались, даже девичьи посиделки в деревнях рассматривались как опасная крамола и разгонялись.

Население не мирилось с подобным положением и вело борьбу за свое социальное и национальное освобождение.

В таких условиях развертывалось крестьянское движение. Одним из определяющих его моментов являлась аграрная и национальная политика польских властей.

---

[1] Однодневка — газета, выходившая только один раз, одним номером. Каждая однодневка имела особое название.

* * *

Западная Белоруссия рассматривается в данной работе в тех границах, в которых она вошла в состав БССР после второй мировой войны. Из бывшего Белостокского воеводства нас интересуют только включенные в БССР Волковысский и Гродненский уезды (повяты). Эти два уезда при уточнении границы претерпели незначительные территориальные изменения. Из бывшего Волковысского уезда в ПНР осталась большая часть Яловской волости (Яловка). Территория Гродненского уезда также не полностью отошла к нашей республике. Большая часть Крынской волости осталась в пределах Польской Народной Республики, а Мартинькантская волость (Мартиньканцы) отошла к Литовской ССР. Из Лидского уезда в состав Литовской ССР включена волость Эйшишки. Таким образом, из Гродненского, Волковысского и Лидского уездов в состав БССР не вошли территории, составлявшие около трех волостей. Зато к нынешней Гродненской области из бывшего Сокольского уезда отошли половина Кузницкой волости (Кузница) и Одельская волость (Одельск), а из Августовского уезда — Голынская волость (Голынка). Полагаем, что территории, отошедшие от Гродненского и Волковысского уездов к ПНР и от Гродненского и Лидского уездов к Литовской ССР, приблизительно компенсируются территориями, присоединенными к Гродненской области из бывших Августовского и Сокольского уездов. Это дает основания при подсчетах, не рискуя, допустить существенные погрешности, брать статистические данные по Волковысскому и Гродненскому уездам целиком, без изменений.

Виленское воеводство после второй мировой войны оказалось разделенным между БССР и Литовской ССР. Находясь под властью Польши, Виленщина неоднократно претерпевала административно-территориальную реорганизацию. В 1921 г., когда в Польше проводилась всеобщая перепись населения и имущества, государственная принадлежность Виленщины была еще не ясна. Лига наций еще не утвердила восточных границ Польши[1].

---

[1] Западные державы рассматривали Польшу как санитарный кордон против советских республик. Пока империалисты надеялись на крушение Советской власти, они не утверждали восточных границ Польши.

По этой причине в Вильно-Трокском, Ошмянском и Свенцянском уездах перепись не проводилась.

В 1923 г. Лига наций утвердила восточные границы Польши, включив в ее состав и Виленщину, которую стали называть Виленским особым округом. В дальнейшем все условности были отброшены. Виленщина превратилась в обычное воеводство. Его территориальное деление с течением времени менялось. Сначала был ликвидирован Дуниловичский, а позже образованы Молодечненский и Поставский уезды. При рассмотрении материалов по Виленщине представляют интерес данные, касающиеся отошедших к нашей республике Браславского, Дисненского, Молодечненского, Ошмянского, Поставского, Вилейского и частично Свенцянского уездов. Из Браславского уезда к Литовской ССР отошла Римшанская волость, из Ошмянского уезда — Девенишковская волость. Из Вильно-Трокского уезда к БССР были присоединены Гервятская и Ворнянская волости. Эти территории приблизительно взаимно компенсируют друг друга. Поэтому статистические данные по Браславскому, Дисненскому, Молодечненскому, Ошмянскому, Поставскому и Вилейскому уездам можно принимать без изменений.

После второй мировой войны Свенцяны и ряд окрестных деревень отошли к Литве, а около половины Свенцянского уезда включено в состав БССР. Это надо иметь в виду при расчетах.

Новогрудское воеводство почти целиком отошло к БССР, поэтому все относящиеся к нему статистические данные учитываются полностью.

Полесское воеводство состояло в 1921 г. из Брестского, Дрогичинского, Каменец-Каширского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского и Сарненского уездов. В 1922 г. был образован Столинский уезд, а Сарненский уезд в 1930 г. отошел к Волынскому воеводству. Впоследствии территория Каменец-Каширского уезда вошла в состав УССР. Из Полесского воеводства в БССР включены Брестский, Дрогичинский, Кобринский, Коссовский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский и Столинский уезды. По Полесью рассматриваются данные, касающиеся только этих уездов. Из Пинского уезда к УССР отошли три волости (Кухотская Воля, Морочно, Витчовка) и из Столинского уезда — одна волость (Высоцк). Поэтому статистические величины по всем пе-

речисленным уездам (кроме Пинского) следует брать полностью. Из данных по Пинскому уезду исключается 1/3 всех его хозяйств и земельной площади [1].

Другие мелкие территориальные несоответствия в расчет приниматься не будут. Западную Белоруссию надлежит рассматривать в очерченных пределах и в соответствии с этим привлекать статистические данные.

В основу анализа отношений земельной собственности положены официальные данные польской статистики тех лет, прежде всего материалы переписей 1921 и 1927 гг., а также документы за 1931 г. Использованы и другие источники информации.

---

[1] Можно считать, что Высоцк, который в 1921 г. входил в Пинский уезд, Кухотская Воля, Морочно и Витчовка с прилегающими селами составляли около 1/3 Пинского уезда.

Аграрный вопрос в Западной Белоруссии в первые годы вхождения ее в состав Польши (1920—1925)

1. Распределение земельной собственности

Аграрный вопрос в капиталистической стране—это вопрос о союзниках рабочего класса и резервах пролетарской революции. В Западной Белоруссии крестьянская борьба за землю сливалась в один поток с национально-освободительным движением белорусского населения и классовой борьбой пролетариата за социализм. В крае, населенном преимущественно крестьянами, аграрный вопрос выдвигался на первый план и приобретал особую остроту.

Невозможно изучать аграрные проблемы в крае, не зная, какие формы землевладения там имелись, какие классы и категории землевладельцев существовали и как между ними распределялась земля. Поэтому исследование необходимо начать с выявления характера распределения земельной собственности между различными классами и группами аграриев Западной Белоруссии. При этом будет определена аграрная структура края и соответствующие ей отношения земельной собственности как база, на которой развертывалась классовая и освободительная борьба белорусского крестьянства.

Осенью 1921 г. в Польше и в Западной Белоруссии проводится всеобщая перепись населения и имущества. Для Польши, которая представляла собой только что восстановленное самостоятельное государство, перепись была совершенно необходима. Надо было знать, что же представляет собой вновь созданное государство, чем оно располагает, из чего ему следует исходить при определении своей экономической и политической жизни.

Перепись, в частности, должна была выявить аграрную структуру страны, формы и характер существовавшего в ней землевладения. Помещичья собственность в Западной Белоруссии и частично в Польше к тому времени претерпела серьезные испытания. Там, где ранее существовала Советская власть, где проходила Красная Армия, барские земли и хозяйства переходили в руки крестьянства. Некоторые из имений потеряли своих владельцев, остались свободными.

Нечто аналогичное имело место и в крестьянском землевладении. Земли беженцев, покинутые еще во время первой мировой войны, оставались неопределенной собственностью.

Существовало частное, государственное и общинное землевладение. Были хозяйства с неразграниченной и спорной собственностью. Одним словом, в землевладении наблюдались многообразие и неразбериха. Перепись могла многое прояснить. Однако ее результаты не отличались точностью.

Общая картина землевладения в Западной Белоруссии видна из табл. 1.

Таблица 1

Распределение земельной собственности между различными категориями хозяйств (по переписи 1921 г.)[1]

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли, га	Число хозяйств	%	Площадь принадлежавшей им земли, га	%	Средняя величина надела, га
Менее 2	48197	13,57	50745	0,95	1,05
2— 5	123086	34,65	433154	8,11	3,52
5— 10	113423	31,93	806216	15,09	7,11
10— 20	49426	13,91	667577	12,50	13,51
20— 50	15107	4,25	434696	8,14	28,77
50—100	2585	0,73	175636	3,29	68,00
Свыше 100	3402	0,96	2772669	51,92	815,00
Всего	355226	100,00	5340693	100,00	

[1] Pierwszy powszechny spis RP z dnia 30.IX 1921 roku, t. XI. Gospodarstwa wiejskie. Warszawa, 1928; t. XI, zesz. 2, s. 19—21; zesz. 3, s. 3—6. Более подробно о распределении земельной собственности в Западной Белоруссии см. в приложении 1.

Табл. 1 включает в себя все виды собственности, но среди них частное землевладение доминирующее. Частная собственность определяла характер аграрных отношений в крае и являлась той основой, на которой развертывалась крестьянская борьба за землю.

В таблице представлены лишь земледельческие хозяйства, в ней не учтены государственные леса, занимавшие в Западной Белоруссии огромную территорию.

При проведении переписи помещики и крестьяне, боясь налогов, старались по возможности дать заниженные сведения о площади принадлежавшей им земли. Перепись оказалась недостаточно полной. Около 14% земель не было учтено [1]. Поэтому данные таблицы следует считать лишь ориентировочными.

Прежде всего встает вопрос о классификации хозяйств. Польская буржуазная статистика делила все землевладение на две основные категории: крупное и мелкое. К крупному относились имения, владевшие участками земли свыше 50 га. В категорию мелкого землевладения включались хозяйства с площадью до 50 га [2]. Это условное и ничем не оправданное деление. Крупнейший польский ученый-аграрник Людвик Гродицкий признавал, что «граница 50 га между так называемой крупной и мелкой собственностью представляет собой границу искусственную» [3], ничем не оправданную.

При разграничении землевладения на крупное и мелкое правомерен лишь единственный научный критерий. Это разделение хозяйств на капиталистические, т. е. применяющие наемную рабочую силу, и семейные, ведущиеся усилиями семей владельцев без использования чужого труда. Крупное хозяйство всегда держится на эксплуатации рабочей силы. «Мелкое производство есть такое, которое не употребляет наемного труда» [4], — писал В. И. Ленин. Такое деление имеет под собой классовую основу и помогает вскрывать отношения эксплуататоров и эксплуатируемых в сельском хозяйстве.

Правомерна ли классификация хозяйств только по

---

[1] Struktura posiadania mniejszej własności rolnej na Ziemiach Wschodnich. Warszawa, 1938, s. 1.

[2] Wielka własnośc rolna. Warszawa, 1925, s. VII.

[3] Ludwik Grodzicki. Struktura posiadania gruntów w województwie Poleskim. Warszawa, 1936, s. 12.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 327.

площади принадлежавшей им земли без привлечения других экономических показателей и характеристик? В. И. Ленин считал допустимой такую группировку. «Кроме соображений фискальных и казенно-административных,— писал он,— есть известные научные соображения за необходимость и правильность такой группировки» [1]. Это и естественно, ведь характер распределения земли между различными категориями владельцев — решающий фактор в определении аграрных отношений.

Конечно, при изучении аграрных отношений по возможности следует учитывать и другие характеристики хозяйств. Единственно правильной представляется группировка землевладельцев по классовому признаку.

В. И. Ленин разъяснял, что «мы должны в вопросе о современной крестьянской борьбе за землю различать *четыре основные группы* земельных владений.

1) Масса крестьянских хозяйств, придавленных крепостническими латифундиями и непосредственно заинтересованных в их экспроприации...

2) Небольшое меньшинство среднего крестьянства...

3) Небольшое меньшинство зажиточного крестьянства, превращающегося в крестьянскую буржуазию...

4) Крепостнические латифундии...» [2].

Итак, в деревне существовали четыре главные группы собственников, четыре категории землевладельцев. «Само собою разумеется, что по данным о землевладении эти основные группы можно выделить лишь очень приблизительно, примерно, схематически. Но мы во всяком случае обязаны выделить эти группы, ибо иначе нельзя дать цельной картины борьбы за землю...» [3] Следуя ленинской методологии, представляется возможным разграничить частных землевладельцев в Западной Белоруссии на четыре группы бедноту, середнячество, сельскую буржуазию и помещиков.

При подготовке к I съезду КПЗБ [4] Центральным Комитетом партии анализировался аграрный вопрос в Западной Белоруссии на основе данных переписи 1921 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 179.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 202.

[3] Там же.

[4] КПЗБ — Коммунистическая партия Западной Белоруссии. Она была создана в конце 1923 г. и существовала как секция Коммунистической партии Польши.

В материалах съезда беднота определяется как «разоренное крестьянство, задавленное нуждой и крепостнической эксплуатацией, с площадью земли ниже 10 га на одно хозяйство» [1]. Итак, в 1921 г. к категории бедноты относились по меньшей мере все крестьянские семьи с наделами до 10 га [2]. В Западной Белоруссии беднейшие слои крестьянства насчитывали 284 706 дворов. Эта группа охватывала 80,15% всех хозяйств, земли же принадлежало ей только 1 290 115 га, что составляло лишь 24,15% общего фонда земель. На каждый двор в среднем приходилось по 4,53 га. Эта категория землевладельцев олицетворяла трудовую, нищую и бесправную деревню.

Для обработки земли у бедноты недоставало рабочего скота и инвентаря. Урожайность полей падала. Своего хлеба не хватало. Бедняк вынужден был продавать рабочую силу. Его постоянно эксплуатировали капиталисты, помещики и кулаки.

За беднотой шло середнячество. К этой категории В. И. Ленин относил крестьян, живших доходами со своего хозяйства и обходившихся, как правило, своим трудом.

По материалам польской переписи трудно выделить середнячество из общей массы крестьянства. В материалах I съезда КПЗБ к середняцким относились хозяйства «с площадью земли 10—20 га на одно хозяйство» [3]. Не противоречит этому и мнение польских ученых. В 1938 г. В. Стысь считал кулацкими хозяйства, имевшие более 20 га земли [4]. В послевоенной Польше это мнение также

---

[1] Архив Института истории партии при ЦК ПОРП (AZHP przy KC PZPR), sign. 1425, k. 185. Такая классификация хозяйств была общепризнанной в КПЗБ. Активный деятель КПЗБ С. Б. Традиция писал: «Безземельные и малоземельные (0—10 га) хозяйства составляли... кулацкие хозяйства (от 20 до 50 га) принадлежали...» Таким образом, он считал хозяйства до 10 га пролетарскими и бедняцкими, 10—20 га — середняцкими и свыше 20 га — кулацкими. (См. Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Минск, 1929, стр. 11). С. Б. Традиция — Станислав Будзинский — один из руководящих деятелей КПП и КПЗБ.

[2] Ученые послевоенной Польши также сходятся на том, что хозяйства с площадью менее 10 га были бедняцкие. (См. M. Mieszczankowski. Struktura agrarna Polski międzywojennej. Warszawa, 1961, s. 175).

[3] AZHP przy KC PZPR, sign. 1425/7, k. 184 (микрофильм).

[4] Dr. Styś Wincenty. Struktura rolna Polski. Lwów, 1938, s. 7.

поддерживается учеными. Так, М. Мещанковский считает, что большая часть хозяйств группы 10—20 га представляла собой середняцкие хозяйства [1]. В книге «Польская деревня в цифрах» говорится, что в предвоенной Польше линия, отделявшая середняка от кулака, проходила где-то в недрах группы крестьян, владевших наделами от 10 до 20 га, т. е. верхняя грань середняцкой прослойки была ниже 20 га [2]. Очевидно, в Западной Белоруссии эта грань подходила к верхнему пределу названной группы хозяйств.

Пренебрегая исключениями, несомненно имевшими место, следует считать, согласно данным КПЗБ, что группа крестьян с наделами от 10 до 20 га относилась к середнячеству. Эта прослойка насчитывала 49 426 дворов, что составляло 13,91% всех хозяйств. Ей принадлежало 667 577 га, или 12,5% общего земельного фонда. По кругу на каждое хозяйство приходилось по 13,51 га земли. Это типичный середняцкий надел.

Середняк занимал промежуточное положение между сельскими богатеями и беднотой. Он не хотел оставлять свое хозяйство во имя иллюзорных побочных заработков. В урожайные годы он кое-как сводил концы с концами, живя впроголодь и постоянно испытывая нужду. Но каждый неурожай разорял массы среднего крестьянства и низводил их до положения пролетариата. Положение середняка в обществе было неустойчивым. Большинство крестьян этой категории без постороннего приработка обходиться не могло. Прирабатывали же они главным образом в помещичьих имениях. «Средний крестьянин всего больше в кабалу к помещику идет, потому что помещику для сдельных работ нужен мужик неразоренный, чтобы у него и лошадей была пара и снаряды были все по хозяйству» [3]. Середняк шел в кабалу к помещику, работал на него за долги, за сенокос, за выгон, за несколько бревен леса и т. д. Ему нечего было продать, не на что купить предметы первой необходимости, он вечно бился в нужде и недостатках, экономил на мыле, керосине, соли и спичках. «Так и живет средний крестья-

---

[1] См.: M. Mieszczankowski. Struktura agrarna Polski międzywojennej, s. 175.

[2] Польская деревня в цифрах. М., 1955, стр. 27. В разных районах эта линия раздела могла колебаться.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 157—158.

нин: ни то рыба, ни то птица. Ни ему хозяином настоящим, заправским быть,— ни рабочим»[1]. Середняки тянулись за богатыми крестьянами, стремились выбиться в число вполне самостоятельных хозяев, но это удавалось очень немногим. Лишь кое-кто из них применял наемную рабочую силу, но в большинстве случаев сами работали на других.

Владельцы, имевшие участки земли свыше 20 га, относились к сельской буржуазии. Кулаки — это «зажиточные мелкие хозяева, эксплуатирующие более или менее значительное число батраков и поденщиков с наделом и всяких наемных рабочих вообще»[2]. Они располагали средствами для найма рабочей силы, обрабатывали свои (и не только свои) земли, производили товарную продукцию и получали значительные доходы. Их хозяйства развивались на базе систематического применения наемного труда и эксплуатации окрестного крестьянства, т. е. на капиталистической основе.

Кулаки имели наделы от 20 до 50 га, но иногда их владения выходили за эти пределы. Были богатые хуторяне, вышедшие на отруба еще в столыпинские времена и за десятилетия округлившие свои хозяйства до размеров мелкопоместных имений. Рядом с ними уживались небольшие запущенные шляхетские дворы, зачастую ничем не отличавшиеся от крестьянских[3].

Можно приблизительно считать, что группа землевладельцев с участками от 20 до 50 га представляла собой кулачество и что все хозяева, имевшие более 50 га, относились к помещикам. Это соответствует делению, принятому в КПЗБ[4]. Тогда общее число кулацких хозяйств

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 158.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 503.

[3] В Западной Белоруссии существовали целые деревни, население которых (крестьяне) считало себя шляхтой. Некоторые из них имели документы, подтверждавшие их дворянское происхождение. Это были потомки обнищавших шляхтичей. В польской литературе их называют «застенковой шляхтой», т. е. обнищавшими дворянами.

[4] В материалах к I съезду КПЗБ говорится, что мелкие и средние помещичьи хозяйства имели от 50 до 500 га земли на одно хозяйство. (См. AZHP przy KC PZPR, sign. 1425/7, k. 185 (микрофильм)). Такой же группировки придерживался и С. Б. Традиция (см. Западная Белоруссия на скамье подсудимых, стр. 11). Современный польский экономист-аграрник М. Мещанковский считает, что в Западной Белоруссии кулацкие хозяйства имели от 20 до 50 га земли. (См. M. Mieszczankowski. Struktura agrarna Polski międzywojennej, s. 175).

получается равным 15 107. Это 4,25% всех хозяйств. Кулакам принадлежало 434 696 га, что составляло 8,14% общей земельной площади. На каждое хозяйство в среднем приходилось по 28,77 га, что в два с лишним раза больше середняцкого надела. Кулаки накапливали деньги, частично пуская их в оборот, частично употребляя на приобретение новых земельных участков и сельскохозяйственного инвентаря. На общем фоне деревенской нищеты и запустения их дворы выделялись зажиточностью и благоустроенностью.

В Западной Белоруссии насчитывалось 5987 шляхетских имений, которым принадлежало 2 948 305 га земли. Помещичьи дворы составляли лишь 1,69% всех хозяйств. Но их земельные имущества занимали 55,21% общего фонда землевладения. На каждый помещичий двор в среднем приходилось по 500 га угодий [1].

Но и помещики были разные. Среди них выделялась группа в 360 крупнейших магнатов, каждый из которых владел более чем 1 тыс. га земли. Им принадлежало 1 611 160 га, или 30% всей земельной площади [2]. На каждое имение в среднем приходилось по 4475 га угодий.

Самыми обширными шляхетскими поместьями являлись майораты, или ординации. Это были огромные неделимые имения, передававшиеся из поколения в поколение от отца к старшему сыну (отсюда название: майорат — старшинство). Майораты в давние времена учреждались особыми правительственными актами; они пользовались рядом привилегий, освященных вековыми традициями. Майораты принадлежали потомкам старых феодальных фамилий, князьям или графам.

На Полесье в Столинском уезде в окрестностях Давид-Городка до 1939 г. существовала ординация князя Станислава Радзивилла, имевшая 146 970 га земли, что составляло 27% территории всего уезда [3]. В Несвиже майорат князя Альбрехта Радзивилла охватывал площадь в 75 тыс. га [4]. Но у Радзивиллов, кроме этих орди-

---

[1] Фактически помещикам принадлежало гораздо больше земли, так как при переписи 1921 г. в Полесском воеводстве не было учтено 10%, а в Виленском — 2% крупных имений. Аналогичное явление имело место и в других воеводствах.

[2] Wielka własność rolna, s. 33—35.

[3] Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф. 60, оп. 1, д. 1259, л. 1.

[4] Statystyka Polski, t. V. Warszawa, 1928, s. 28.

наций, были еще многие богатейшие поместья. Магнатам принадлежали земли с усадьбами и дворцами в разных воеводствах, они имели банковские вклады, земельную и другую собственность за границей. Их владения иногда достигали размеров малых княжеств. Обширнейшие латифундии — один из пережитков средневековья в землевладении.

В Западной Белоруссии остатки феодализма были наиболее сильны в сравнении с другими районами Польши. Богатейшие имения польских магнатов концентрировались на белорусских землях, здесь было не менее 30% всей крупной земельной собственности [1] и около 34% всей помещичьей земли Польши [2]. В Лунинецком уезде крупная собственность составляла 80,2%, в Коссовском —71,8, в Пинском —62,7, в Барановичском —60,0, в Воложинском —56,9, в Гродненском —54,8, в Волковысском —53,3, в Слонимском —52,1, в Вилейском — 50,9% всей территории уездов [3].

Во всех этих расчетах не принимались во внимание государственные леса (около 1 млн. га [4]), которые эксплуатировались господствующими классами в своих интересах. Если это учесть, то получится, что в руках эксплуататорского меньшинства в форме частной и государственной собственности находилось около 70% всей земли. Это и есть разделение землевладельцев на крупных и мелких собственников по классовому принципу.

Помещики были самым реакционным классом. Они пользовались по существу безграничной властью над крестьянами, держали их в кабале, беспощадно эксплуатировали и стремились увековечить такие порядки.

Крупными землевладельцами в Западной Белоруссии, кроме помещиков, выступали также государство и церковь.

Табл. 2 показывает, кому принадлежала земля, и позволяет установить характер землевладения, вскрыть истину, так тщательно скрывавшуюся буржуазной статистикой.

Беднота и середнячество вместе насчитывали 334 132 двора, 94,06% всех хозяйств. Земли же они имели лишь

---

[1] Wielka własność rolna, s. X.
[2] Там же.
[3] Pierwszy powszechny spis RP, t. XI, zesz. 3, s. 5—7.
[4] Wielka własność rolna, s. 121.

Таблица 2

Классовая группировка хозяйств и распределение земли между ними (по переписи 1921 г.)[1]

Хозяйства	Число хозяйств	%	Площадь принадлежавшей им земли, га	%	Средний надел, га
Бедняцкие	284706	80,15	1290115	24,15	4,53
Середняцкие	49426	13,91	667577	12,50	13,51
Кулацкие	15107	4,25	434696	8,14	28,77
Помещичьи	5987	1,69	2948305	55,21	500
Всего	355226	100,00	5340693	100,00	

1 957 692 га, что составляло всего лишь 36,65% общего фонда землевладения[2].

Все крестьянство в Западной Белоруссии от бедноты до кулачества насчитывало 349 239 дворов и составляло 98,31% всех землевладельцев. Земли же им принадлежало лишь 2 392 388 га, или 44,79%, т. е. меньше половины. На каждый крестьянский двор в среднем приходилось по 6,85 га. При осуществлении аграрной революции площадь земли для крестьянства могла быть увеличена по крайней мере в два раза. Вот в чем состояло существо аграрной проблемы. Земельный голод у пахарей и избыток земли у магнатов — источник антагонизма между трудящимися и господствовавшими классами. Это поднимало все крестьянство на классовую борьбу за землю.

Принадлежность основных земельных угодий помещикам являлась средством закабаления и эксплуатации ими неимущих слоев крестьянства. Шляхетство в течение веков грабило население, разоряло, отнимало наделы и округляло свои владения до размеров крупнейших

[1] В Западной Белоруссии, особенно на Полесье, многие земли не использовались. Поэтому классификация хозяйств по общей площади имевшейся у них земли имеет лишь относительную ценность. Было бы правильнее разграничивать хозяйства по площади обрабатываемых земель. Но перепись 1921 г., как и другие источники, классифицирует хозяйства по общей площади земли.

[2] Доходами от земледелия в Западной Белоруссии жило от 81 до 88,6% жителей. (См. Wiktor Ormicki., Życie gospodarcze Kresów Wschodnich RP. Kraków, 1929, s. 57).

латифундий. Почти так же, как в средние века, магнаты держали в своих руках не только земли, но и основные массы крестьянства, поддерживали в деревне средневековые производственные отношения и архаические порядки.

Табл. 2 дает представление о классовой дифференциации деревни, выявленной на основе анализа земельной собственности, без учета других факторов, влияющих на расслоение землевладельцев. Несомненно, что во всех группах хозяйств были исключения из общего правила в смысле доходности, наличия свободных средств, количества скота, продажи рабочей силы, применения наемного труда и т. д. Например, в пригородных зонах и в промышленных районах зачастую хозяйства, созданные на малых участках земли, имели огородное или молочное направление, велись на капиталистической основе, применяли наемную рабочую силу, были весьма прибыльны. Отмечались и многие другие отклонения. В задачу же исследования входило выяснить общую картину, не загромождая ее несущественными исключениями и не затемняя мелочами. Сравнение данных этой таблицы с показателями, выявленными другим путем, позволит уточнить картину аграрных отношений и проследить общественные процессы, происходившие в деревне.

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КРУПНЫХ АГРАРИЕВ

Трудовое крестьянство Западной Белоруссии страдало не только от малоземелья и экономической кабалы, но и от национального гнета. Польская статистика содержит сведения о национальной принадлежности владельцев крупных хозяйств.

В Западной Белоруссии 84,4% крупных земледельческих хозяйств принадлежало полякам. Здесь господствовали земельные магнаты, так называемые «кресовые зубры», которые держали в своих руках богатства края и власть над его населением. В Западной Белоруссии польским помещикам в процентном отношении принадлежало имений больше (84,4%), чем во всей Польше (82%), и значительно больше, чем в ее центральных воеводствах. Это свидетельство шляхетской экспансии на восток и интенсивной колонизации белорусских земель.

Таблица 3

Национальная принадлежность владельцев крупных хозяйств (по переписи 1921 г.)[1]

Размеры хозяйств по площади принадлежавшей им земли, га	Принадлежало						Всего хозяйств
	полякам		белорусам		другим национальностям		
	число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%	
50 — 100	1572	83,8	225	12,0	80	4,2	1877
100 — 500	2293	85,8	211	7,9	169	6,3	2673
500 — 1000	402	85,2	26	5,5	44	9,3	472
Свыше 1000	457	79,6	23	4,0	94	16,4	574
Всего в Западной Белоруссии	4724	84,4	485	8,7	387	6,9	5596
Во всей Польше	15857	82,0	487	2,5	3004	15,5	19348

Колонизация шла как путем ополячивания местного дворянства, так и посредством захвата и присвоения имений. В конце концов так или иначе хозяевами латифундий в Западной Белоруссии становились поляки. Они дорожили своими имениями, считая их «очагами, излучавшими польскость на непольское население» [2].

В Западной Белоруссии в сфере крупной земельной собственности белорусам принадлежало только 4,1% земли. Польские магнаты присвоили 2 749 131 га, или 78,5% земельных площадей, захватили лучшие угодья и леса.

В 1919—1920 гг., в период антисоветской военной интервенции, их сыновья пополняли легионы пилсудчиков и воевали против Советского государства. После включения Западной Белоруссии в состав Польши они ввели на белорусских землях террористический режим классового господства и дополнили его национальным угнетением трудящихся. Помещики выступали не только как классовые враги белорусского крестьянства, но и как представители господствующей нации, носители польско-

[1] Wielka własność rolna, s. 8.

[2] «Słowo», 1935, 18.X.

Таблица 4

Распределение крупной земельной собственности между владельцами разных национальностей[1]

Воеводство	Принадлежало						Всего
	полякам		белорусам		другим национальностям		
	площадь, га	%	площадь, га	%	площадь, га	%	
Белостокское	364429	92,3	5541	1,4	24671	6,3	394641
Виленское	712073	89,0	28614	3,6	63235	7,4	803922
Новогрудское	579421	84,5	37272	5,5	69130	10,0	685823
Полесское	1093208	68,3	74242	4,6	454480	27,1	1621930
Всего	2749131	78,5	145669	4,1	611516	17,4	3506316

го великодержавного шовинизма. В Западной Белоруссии аграрный вопрос переплетался в один узел противоречий с национальным вопросом, классовая борьба крестьянства сливалась с национально-освободительной борьбой.

3. ПОЛУФЕОДАЛЬНЫЕ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА

С падением крепостного права в Западной Белоруссии, как и во всей России, развитие сельского хозяйства пошло по капиталистическому пути. В связи с ростом промышленности и увеличением численности городского населения усиливался спрос на сырье и предметы питания, расширялся рынок сбыта продукции сельскохозяйственного производства, товарно-денежные отношения все глубже укоренялись в земледелии. Уже к концу прошлого столетия капитализм успел глубоко проникнуть в западнобелорусскую деревню и прочно занял в ней если не ключевые, то весьма важные позиции.

[1] Wielka własność rolna, s. 7. Данные этой таблицы несколько расходятся с данными табл. 1 потому, что они относятся к большей территории для Белостокского, Виленского и Полесского воеводств.

Изучая развитие капитализма в России, В. И. Ленин отнес Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии к группе губерний с преобладанием капиталистической системы в сельском хозяйстве [1]. Приспосабливаясь к нуждам рынка, помещичьи имения все более специализировались на производстве технических или других пользующихся широким спросом на рынке культур. Повсюду появлялись крупные специализированные хозяйства: зерновые, картофельные, свекловичные, льноводческие, животноводческие, рыбные и т. д. Свою продукцию они поставляли на рынок. Огромные доходы поступали в карманы дворян от торговли лесом. Лес десятками десятин продавался коммерсантам на корню, иногда же его сводили сами хозяева, превращая на своих пилорамах бревна в полуфабрикат и в таком виде поставляя на рынок. В больших имениях для этой работы привлекались сотни наемных рабочих. А ведь применение наемного труда — один из важнейших признаков наличия капиталистических отношений.

В сельское хозяйство постепенно внедрялась механизация, требовавшая специалистов, приглашаемых со стороны.

Эти процессы продолжались в Западной Белоруссии и в период вхождения ее в Польшу. Судя по переписи 1921 г., в крупных хозяйствах края использовалось около 30 тыс. постоянных (вместе с прислугой) и свыше 36 тыс. сезонных рабочих. Сезонников обычно брали на 6—8 месяцев. Кроме того, нанимались огромные массы поденщиков.

Но капитал проникал в сельское хозяйство и другим путем. В имениях развивалась промышленность. Спиртоводочные, лесопильные, кирпичные, смолокуренные заводы, предприятия по первичной обработке льна строились помещиками на собственной сырьевой базе. Так, в четырех воеводствах, куда входили белорусские земли (Белостокском, Виленском, Новогрудском и Полесском), в имениях крупных землевладельцев насчитывалось: сахарный завод, 149 спирто-водочных, 8 пивоваренных, 27 крахмальных, 44 смолокуренных, 87 кирпичных, 34 молочных, 13 маслобойных и 9 сыроваренных заводов, 298 мельниц, 82 пилорамы [2]. Это показатели не только раз-

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 188.
[2] Wielka własność rolna, s. 15.

вития промышленности в имениях, но и специализации сельского хозяйства.

На предприятиях, создаваемых в имениях, устанавливались капиталистические формы организации труда с постоянным штатом наемных специалистов и рабочих. Перестраивая и интенсифицируя свои хозяйства, организуя их на новой основе с применением наемной рабочей силы, помещики становились капиталистами-аграриями. Оставаясь землевладельцами, они превращались в промышленников и в своем лице объединяли получателей земельной ренты и капиталистической прибыли. Наблюдался процесс все более тесного соединения и сращивания сельскохозяйственного капитала с промышленным.

Капитализм втягивал в свою орбиту всю деревню, специализация сельскохозяйственного производства охватывала и крестьянские хозяйства. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин назвал Гродненскую губернию районом, где проявлялось ржано-овсяно-картофельное направление в развитии сельского хозяйства [1]. В той же работе Виленская, Гродненская и Минская губернии относились им к району, где обозначалось промышленное садоводство [2]. В этих трех губерниях развивалось также льноводство и отчасти животноводство.

Посевы картофеля и льна для сбыта на сторону получили среди крестьян широкое распространение. «Лен— главнейшее из так называемых «промышленных растений»,— писал В. И. Ленин.— Уже этот термин указывает на то, что мы имеем здесь дело именно с *торговым* земледелием» [3]. Лен — техническая культура, сырье для текстильного производства. Крестьяне-льноводы оставляли для себя льна лишь столько, сколько могли за зиму спрясть и соткать имевшиеся в семье женщины. Остальной лен продавался. В. И. Ленин отметил, что «производство льна является просто одним из средств добывать деньги» [4]. Под лен занимались огромные площади. Только в Виленском и Новогрудском воеводствах посевы льна составляли 45% общепольских посевов. 50% польского экспорта (или 10 тыс. т) льна шло из этих

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 250.
[2] Там же, стр. 301.
[3] Там же, стр. 279.
[4] Там же.

двух воеводств [1]. Это и есть торговое земледелие, свидетельство развития капитализма в сельском хозяйстве.

Товарные и денежные отношения, технический прогресс, наступление капитализма по всему фронту разрушали докапиталистические патриархальные отношения в деревне. Уже давно было забыто старое, крепостническое деление крестьян на владельческих, государственных, удельных, чиншевиков и т. д. Для всех очевидным фактом стала его дифференциация на классы.

Сельское хозяйство Западной Белоруссии шло по пути капиталистического развития. Превращение барских имений в капиталистические предприятия знаменовало собой «буржуазную эволюцию помещичьего типа» [2] в сельском хозяйстве. Такая эволюция представляла собой ломку «заржавевших средневековых форм землевладения» в интересах помещиков и позволяла сохранять многие крепостнические пережитки в деревне [3]. Переход от феодализма к капитализму в сельском хозяйстве Западной Белоруссии совершался эволюционным путем, без уничтожения помещичьего землевладения и перераспределения земельной собственности в пользу крестьянства, без революционной ломки старых производственных отношений.

Это был прусский вариант развития сельского хозяйства по капиталистическому пути, при котором сохранялось крупное помещичье землевладение. Капиталисты-аграрии дополняли полуфеодальные формы эксплуатации трудящихся капиталистическими. Хотя их хозяйства велись на капиталистической основе (производство продуктов на рынок, специализация, развитие промышленности в имениях, применение рабочей силы, сращивание с финансовым капиталом и т. д.), полуфеодальные формы эксплуатации крестьянства применялись очень широко.

В общественном прогрессе капитализм, развиваясь в схватках с феодальной рутиной, в конце концов побеждал средневековье, проникал в деревню и утверждался в сельском хозяйстве. Однако пережитки крепостничества проявляли исключительную живучесть. В экономике и общественной жизни шла упорная борьба двух систем — капиталистической и феодальной. В. И. Ленин

---

[1] ГАБО, 33-Б/М-49, л. 43.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 220.
[3] Там же, стр. 404.

учил, что «капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы» [1].

Такой затянувшийся переходный этап наблюдался в рассматриваемый период в западнобелорусской деревне. Отмирание средневековья в сельском хозяйстве ввиду специфических форм его организации шло медленно, с затяжкой на десятки лет. Необъятные просторы полей и массивы лесов у дворян, малоземелье подавляющего большинства сельского населения, кабальные отношения между помещиками и крестьянами, отсталость техники, рутинные методы ведения хозяйства, вековые традиции, боязнь новшеств и многие другие, зачастую скрытые причины обусловили медленное проникновение капитализма в деревню. В. И. Ленин разъяснял, что «в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм» [2]. Этим объясняется длительность переходного этапа и противоречивость присущих ему аграрных отношений.

Переходному этапу соответствовали свои формы и методы организации труда. «При всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе,— писал В. И. Ленин,— экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно к системе *отработочной* и *капиталистической*» [3]. Отработки соответствовали феодализму, а работа по найму — капитализму. Эти две системы организации труда и эксплуатации крестьянства преобладали в барских имениях и других крупных хозяйствах Западной Белоруссии.

В переходный период трудовое крестьянство, и особенно сельский пролетариат, страдает от капиталистической и полуфеодальной эксплуатации. Рабочая сила ввиду отсутствия на нее спроса в промышленности не в состоянии была полностью отделиться от земли и освободиться от собственности на сельскохозяйственные средства производства. Но и существовать на клочке зем-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 186.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Там же, стр. 186.

ли без постоянных заработков на стороне сельский пролетариат также не мог. В поисках куска хлеба он метался между двух огней и подвергался двойной эксплуатации, его давила крепостническая кабала и выжимал соки капитал.

Если безземелье крестьян и многоземелье помещиков выражали одну из сторон аграрных отношений, существовавших в Западной Белоруссии, то переплетение остатков средневековья с капитализмом и удвоенная эксплуатация трудового крестьянства, дополненная национальным гнетом, составляли вторую сторону аграрных отношений и определяли накал классовой борьбы в белорусской деревне.

Для изучения форм и методов эксплуатации трудящихся деревни необходимо рассмотреть способы ведения крупных помещичьих хозяйств и выявить, кто и на каких условиях в них работал. Табл. 5 дает представление об использовании площадей в крупных хозяйствах (свыше 50 га) в Западной Белоруссии, исключая государственные леса.

Таблица 5

Использование земли в крупных хозяйствах в %
(по переписи 1921 г.)[1]

Воеводство	Пашня	Луга	Пастбища	Сады и огороды	Леса	Озера и пруды	Постройки и дороги	Неиспользуемые облоги
Белостокское (Волковысский и Гродненский уезды)	27,4	7,0	3,7	0,4	52,1	0,3	0,8	8,3
Виленское	21,0	10,6	9,4	0,8	33,1	4,4	1,0	19,7
Новогрудское	26,2	12,2	5,4	0,5	46,9	0,4	1,0	7,4
Полесское	10,9	15,9	5,3	0,3	39,0	1,2	0,4	26,8
Всего	18,4	13,1	5,9	0,4	41,3	1,5	0,7	18,6

Земельные площади крупных собственников обрабатывались далеко не полностью. Лишь 18,4% их угодий

[1] Pierwszy powszechny spis RP, t. XI, zesz. 2, s. 19, 21; zesz. 3, s. 3—6.

находилось под посевами. Если в Белостокском воеводстве (Волковысском и Гродненском уездах) площадь пахоты достигала 27,4%, то на Полесье она падала до 10,9% общей земельной площади. Пахотные поля в крупных хозяйствах составляли менее 1/5 их земельных владений.

Относительно большую площадь занимали луга и пастбища, составлявшие вместе 19% всей земли, т. е. больше площади обрабатываемых земель. Землевладельцы не старались извлечь из них максимальную выгоду на основе передовых методов обработки почв, удобрения и засева их наиболее доходными культурами. Поля и луга по старинке сдавались окружающим крестьянам в аренду за деньги, за отработки или за определенную часть урожая. Луга и пастбища являлись средством навязывания крестьянам отработочных обязательств.

В хозяйствах было много необрабатываемых земель, представлявших собой пустоши, болота и т. д. Их насчитывалось столько же, сколько и пахотных полей (18,6%). На территории Виленского и Новогрудского воеводств находилось 49,5% общей площади болот всей Польши, заболоченность Полесья была еще большей. Разумеется, болота с помощью осушки и мелиорации можно было бы превращать в плодородные поля. Но на это нужны были капитальные затраты. Ни правительство, ни частные землевладельцы не желали вкладывать средств в земли, граничившие с советскими республиками. В 1932—1933 гг. Виленское и Новогрудское воеводства вместе получили лишь 1,6% общегосударственных ассигнований на мелиорацию[1]. Не более того получило и Полесское воеводство. И так из года в год.

Необрабатываемые массивы (луга, леса, пастбища, облоги, болота) в крупных хозяйствах составляли 78,9% всей земельной площади. Пастбища частично использовались для выгона хозяйского скота, частично сдавались в аренду крестьянам. Следует отметить, что чем крупнее были имения, тем ниже процент в них пахотных земель. В Давидгородокской ординации Радзивиллов из 146 970 га всей земли пашня составляла 407 га, или 0,28% всей ее площади[2].

---

[1] ГАБО, 33-Б/М-49, л. 14.

[2] ГАБО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1259, л. 1.

Все это свидетельствовало о том, что в переходный период в помещичьих имениях господствовали, в общем, отсталые методы ведения сельского хозяйства [1].

Для выявления производственных отношений, существовавших между эксплуататорами и эксплуатируемыми, необходимо ознакомиться с условиями труда батраков и крестьян в барских имениях, установить размеры и соотношение наемного труда рабочих и кабального отработочного труда крестьянства, выявить объем выполнявшихся ими работ.

Таблица 6

Количество батраков и сезонных рабочих в крупных хозяйствах[2]

Воеводство	Число хозяйств	Площадь земли, га	Количество батраков				Количество сезонных рабочих
			сторожей	постоянных рабочих	рассыльных	прислуги и др.	
Белостокское	752	348368	680	5323	2745	2501	7917
Виленское	1281	597579	608	3960	632	2662	6960
Новогрудское	745	556798	688	3548	410	1761	15058
Полесское	486	1297915	688	1511	246	969	6949
Всего	3264	2800660	2664	14342	4033	7893	36884

Количество батраков по воеводствам распределялось непропорционально наличию крупной земельной собственности. В Польше на одного постоянного рабочего в имениях приходилось 53,3 га земли, в Белостокском воеводстве —65,4; в Виленском —150,9, в Новогрудском — 156,9, в Полесском — 859 га [3].

Конечно, такие нормы обработки земли были непосильны. Но приведенные цифры свидетельствуют о бесчеловечной эксплуатации сельскохозяйственных рабочих. Чем дальше на восток, тем больше земли приходи-

[1] В решениях IV съезда КПП отмечалось, что в Западной Белоруссии «господствует экстенсивное ведение земледелия» (см. Решения IV съезда Компартии Польши. Вильно, 1928, стр. 37).

[2] Rocznik statystyki RP. 1924. Warszawa, 1925, s. 43. Сведения даны по территории всех четырех воеводств. Они имеют лишь ориентировочный характер.

[3] Wielka własność rolna, s. XVIII.

лось на одного батрака, рабочий день его длился от утренней до вечерней зари.

Ни с чем не сравнима горькая доля батраков. Специфические условия труда и быта обрекали их на бесправное положение и наиболее жестокие формы эксплуатации. Не имея своих жилищ, они зачастую ютились с семьями в случайных, неприспособленных помещениях и даже в сараях вместе с хозяйским скотом. Иногда им до 90% заработной платы выдавалось натурой и в качестве натуральной оплаты часто выделялся участок помещичьей земли для огорода, а иногда даже корова или свинья из хозяйского стада. Это привязывало батраков к имениям, усиливало их зависимость и эксплуатацию. Наделение батраков землей в интересах хозяев — один из пережитков феодализма. Крепостничество наделяет работника землей, привязывает его к земле, в то время как капитализм отделяет его от земли; в этом существенная разница между ними. «Как экономическая система, крепостничество именно тем и отличается от капитализма,— разъяснял В. И. Ленин,— что первое *наделяет* трудящегося землей, второй *отделяет* трудящегося от земли, первое *натурой* выдает трудящемуся (или заставляет его самого произвести на своем «наделе») средства для жизни, второй выдает рабочему денежную плату, на которую он *покупает* средства для жизни» [1]. Все крестьянство с карликовыми наделами в 1—2 га земли представляло собой помещичью рабочую силу, привязанную к земле. Это батраки, сезонники, поденщики и т. д.

Батракам, разбросанным по помещичьим имениям и кулацким дворам, трудно было объединиться в профсоюзы, чтобы вступить в совместную организованную борьбу за свои права. К тому же собственность, приобретенная в имениях, снижала их активность в классовой борьбе. Они не в состоянии были освободиться от уз и кабалы, налагаемых помещиками. Их положение было хуже поденщиков. I съезд КПЗБ в 1928 г. констатировал, что «положение сельхозрабочих за последние годы очень ухудшилось. Их рабочий день увеличился... Помещик издевается над этими рабочими. Рабочие в некоторых местах терпят даже побои» [2]. Заработная плата батраков

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 331.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 338.

была очень низкой и, как правило, выдавалась натурой (жилье, продукты питания, участок для посева картофеля, лука и огурцов), что означало легкий сбыт залежалых хозяйских продуктов, обсчет и обвешивание. И без того низкая зарплата постоянно понижалась. Если батрак «начинает говорить о жалованье, то помещик без всяких разговоров выбрасывает его на улицу»[1].

Быт рабочих в сельском хозяйстве отягощался неограниченным произволом владельцев имений. Не только батраки, но и члены их семей по приказанию хозяина должны были являться на работу. Дети безвозмездно пасли свиней или выполняли другую посильную работу, жены доили коров, ухаживали за скотом, чистили сараи и ничего за это не получали[2]. Это исключало для них всякую возможность работать где-нибудь в другом месте, привязывало их ко двору помещика и превращало в резерв рабочей силы для него. Такие условия работы батраков напоминали крепостничество и свидетельствовали о степени закабаления крестьянства.

Однако даже при этих условиях батраки казались помещику невыгодной рабочей силой. Им нужно было постоянно сколько-нибудь платить и предоставлять жилье. Поэтому хозяева сводили их количество к минимуму и оставляли лишь на тех работах, где нужны были постоянные люди, не сменяемые зимой и летом: кузнецы, механики, сторожа, конюхи, доярки, кладовщики, счетоводы и др. «Зачем ему держать батрака, если он в любое время найдет более дешевую рабочую силу? Их количество в панских дворах постоянно сокращалось. Как это делалось? Владельцы имений время от времени устраивали локауты и увольняли всех своих рабочих и служащих. Потом вновь набирали. При этом количество их сокращалось. Неугодные не принимались, часть состава обновлялась»[3]. Оставшимся без работы и средств к существованию батракам некуда было деваться. Они опять шли к барину «просить, чтобы он позволил им оставаться в тех избах, где они раньше жили. Барин «милостиво» соглашается, но требует, чтобы они отработали»[4]. Так

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 338.

[2] Там же, л. 420.

[3] Там же, л. 376.

[4] Там же.

они целыми семьями работали за жалкое жилье и минимальную оплату труда основного работника — самого батрака.

К 1928 г. на постоянной работе в имениях осталась лишь «третья часть батраков», 2/3 были уволены [1]. Из-за огромной безработицы их зарплата сокращалась. Помещик на 1/3 прежней платы «может взять батрака в любое время» [2].

Экономическое и социальное угнетение сельскохозяйственных рабочих в Западной Белоруссии дополнялось национальным гнетом. Местные батраки выполняли самые трудные работы и являлись первыми кандидатами на сокращение. Помещики бойкотировали местных батраков, «боясь их революционности, боясь их связи с местным крестьянством».[3], и для выполнения работ в имениях охотно привозили людей из центральных воеводств Польши [4].

О степени эксплуатации сельскохозяйственных рабочих свидетельствуют следующие факты. На одного батрака приходилось земли в имениях от 151 га на Виленщине до 860 га на Полесье. Если принять во внимание, что в имениях обрабатывалось лишь около 1/3 площади земель, так и то получается на одного рабочего от 50 до 280 га обрабатываемой земли. Ясно, что при отсталой сельскохозяйственной технике одному человеку такой объем работы был не по силам. Но батраков эксплуатировали беспощадно.

В имениях содержалась многочисленная челядь. Штат личной барской прислуги, рассыльных и сторожей был больше (14 590), чем штат постоянных. рабочих (14 342)[5].

Имевшееся количество батраков было не в состоянии обработать землю крупных хозяйств. Кто же тогда пахал и засевал поля, выкашивал луга, убирал сено и урожай? Кто работал в лесах, садах и огородах? Кто занимался погрузкой и транспортировкой урожая и леса? Кто возводил в имениях постройки? Все это делалось руками се-

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 419.

[2] Там же.

[3] Там же, д. 184, л. 317.

[4] Там же.

[5] См. табл. 6.

зонных и поденных рабочих и попавших в помещичью кабалу крестьян.

Из табл. 6 видно, что там, где работало 14 342 батрака, использовалось еще 36 884 сезонных рабочих. Сезонный рабочий должен был обработать в Белостокском воеводстве 44 га земли, в Виленском — 86, в Новогрудском — 37, в Полесском — 187.

Это также непосильная норма. Совершенно очевидно, что постоянные рабочие вместе с сезонными могли обработать лишь незначительную часть помещичьей земли и лугов. В среднем на одно имение приходилось лишь по 4 постоянных и по 11 сезонных рабочих, а средняя площадь угодий в хозяйствах, державших батраков, составляла 858 га. Все полевые, луговые, лесные, садовые, огородные, строительные и многие другие работы в имениях выполнялись силами сезонных и поденных рабочих, в большинстве случаев руками крестьян, являвшихся на отработки. Жители окружающих сел, не имея земли и средств для пропитания, готовы были на любые условия, лишь бы что-нибудь заработать.

Помещики везде навязывали крестьянам отработочную систему, «этот живой остаток старины» [1] в сельском хозяйстве. Для этого они использовали различные приемы и методы: сдавали землю в аренду, кредитовали население, выдавали семенные ссуды, отпускали строительные материалы, разрешали пользоваться пастбищами с тем, чтобы крестьяне отработали у помещика положенное число дней. «Иногда крестьяне берут в долг хлеб или деньги, обязываясь отработать либо весь долг, либо проценты по долгу. При этой форме особенно явственно выступает черта, свойственная отработочной системе вообще, именно кабальный, ростовщический характер подобного найма на работу» [2].

При полуфеодальных отношениях сельский труженик — вечный должник барина, и чем больше работает на него, чем чаще соприкасается с ним, тем больше оказывается опутанным, как паутиной, старыми и новыми долгами. Все жители окружающих сел являлись должниками помещика. Но им было нечем выплачивать долги. Они могли возместить их лишь отработками.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 310.

[2] Там же, стр. 192.

Отработочной системе по самой природе свойственна самая низкая оплата труда. Крестьяне в имениях работали почти без вознаграждения. Если крестьянин являлся на барский двор для отработок, то трудился от зари до зари и при этом ел свой хлеб. Отработки представляли собой по существу барщину. Они были связаны с патриархальным хозяйством и полукрепостными отношениями между барином и работником, основаны на отсталой технике, на старых способах производства [1].

На отработки крестьяне чаще всего являлись со своими лошадьми и инвентарем. Не имевшие их могли работать с хозяйской упряжкой лошадей, с применением его же машин.

Первый вид отработок охватывал главным образом середняков, имевших свои орудия и средства производства. Это наиболее патриархальный и самый выгодный для помещика вид отработок. С утра до вечера работал крестьянин со своей лошадью и плугом на барском поле за то, что «задолжал» или еще «задолжает». При этом владелец имения ни о чем не заботился, у него все шло по установленному предыдущими поколениями порядку, без усилий и затрат с его стороны.

Отработки без лошади и инвентаря менее выгодны помещику. С хозяйскими орудиями производства мог работать сельский пролетарий, обладавший лишь рабочими руками. Здесь как раз и начинался переход к капитализму. «Капиталистическая система состоит в найме рабочих (годовых, сроковых, поденных и пр.), обрабатывающих землю инвентарем владельца» [2]. Эти две разновидности отработок уживались рядом, переплетаясь между собой самым разнообразным и причудливым образом.

В. И. Ленин следующим образом оценивал отработочную систему: «Отработки обусловливают собой застой техники и застой *всех* общественно-экономических отношений в деревне, ибо эти отработки препятствуют развитию денежного хозяйства и разложению крестьянства, избавляют (сравнительно) помещика от подтягивающего влияния конкуренции (вместо повышения техники он понижает долю испольщика)... прикрепляют крестьянина

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 187.

[2] Там же, стр. 223.

к земле, задерживают тем развитие переселений и отхожих промыслов и т. д.» [1]

Помещичье хозяйство в значительной степени держалось отработками. Крестьянский надел существовал не столько для того, чтобы доставить владельцу средства для жизни, сколько для того, чтобы привязать его к постоянному месту и обеспечить барское имение дешевыми рабочими руками, являлся условием существования господского хозяйства и имел значение «натуральной заработной платы» [2]. Полуфеодальные аграрные отношения ставили деревню в полную зависимость от помещика.

Для крестьян была введена даже обязательная трудовая повинность, их принудительно заставляли выполнять дорожные и мелиоративные работы, которые назывались шарварками. В указанное администрацией время назначенные лица должны были являться в определенные места с орудиями труда, а у кого имелась лошадь, то и с упряжками. Шарварки отрывали крестьян от неотложных дел в своем хозяйстве в сенокос, в жатву и во всякое другое время. Тяжелые земляные работы — во многих случаях в болоте — выполнялись бесплатно. Шарварочные повинности доходили до 60, а иногда и до 140 рабочих дней в год на каждый крестьянский двор [3], что составляло один-два дня в неделю, как барщина. Шарварки представляли собой один из наиболее явных пережитков барщины.

Кроме того, на население накладывались дорожные налоги. Жители Радошковичской волости так описывали эти обложения. «Всегда платим дорожные налоги, и нас же гоняют на шарварки. Не выполнишь во-время работ, плати штраф, а за произведенный ремонт дороги нам не платят, хотя копаем канавы преимущественно на помещичьей земле. На своих узких полосках ремонтируем их в первую очередь. И куда деваются взыскиваемые с нас в виде дорожного налога деньги, не знаем» [4].

Итак, малоземелье подавляющего большинства жителей деревни, экономическая зависимость земледельцев от

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 328—329.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 197.
[3] См. Г. Егоров. Западная Белоруссия. М., 1939, стр. 21; Народное (Национальное) Собрание Западной Белоруссии. Минск, 1946, стр. 38.
[4] «Жыццё беларуса», 1925, 17.X.

помещиков, дополненная мерами административного принуждения, превращали систему отработок в важнейшее условие существования помещичьих хозяйств. Основные площади господских земель возделывались крестьянами на кабальных условиях в счет отработок за долги. Это третья сторона аграрных отношений, существовавших в Западной Белоруссии между крупными землевладельцами и трудовым крестьянством.

В Западной Белоруссии существовал и другой способ закабаления крестьян — испольщина, т. е. аренда земли за половину урожая. Малоземельные жители деревни арендовали небольшие участки земли, сколько могли обработать силами своей семьи. Кулаки как на своей, так и на арендованной земле применяли наемный труд. К сожалению, польская статистика содержит далеко не полные сведения об аренде. Ею учитывалась лишь сдача в аренду крестьянам мелких участков земли главным образом на условиях натуральной оплаты: отработок или испольщины. Сдача в аренду крупных земельных массивов на капиталистичеекой основе в ней вообще не отражена. Статистика не дает также ответа на вопросы: кто и в каких размерах сдавал землю в аренду.

В табл. 7 даны сведения о сдаче помещиками земли в аренду.

Издольщина[1] гарантировала землевладельцу наиболее выгодные условия сдачи земли в аренду и представляла собой одну из разновидностей крепостничества. Она утверждала ненормированный и неоплачиваемый крестьянский труд на помещичьей земле. Это был наиболее распространенный вид аренды. Другая разновидность барщины — аренда за отработки.

При отработках крестьянин, кроме арендуемого им участка, обрабатывал еще и определенную площадь помещичьей земли. На таких кабальных условиях сдавалась сравнительно небольшая часть арендной земли (3,1%).

Арендную плату деньгами вносили те, кто их имел. Это главным образом кулаки, имевшие наличные деньги и ведшие хозяйство на капиталистической основе. За денежную оплату сдавалось 34,1% арендной земли.

В смысле соотношения различных видов арендной

---

[1] Издольщина—обработка барской земли за долю урожая, аренда на кабальных условиях. Испольщина — частный случай издольщины.

Таблица 7

Сдача помещичьей земли в аренду в 1921 — 1923 гг.[1]

Сдавалось в аренду, га	За деньги		За натуральную оплату						За смешанную оплату					
			отработки		часть урожая		другие виды		отработки и деньги		часть урожая и деньги		другие виды	
	га	%	га	%	га	%	га	%	га	%	га	%	га	%
Белостокское														
8138	2464	30,3	323	3,9	3641	44,7	26	0,4	228	2,8	1456	17,9		
Виленское														
24019	4858	20,2	1504	6,3	12461	51,9	98	0,4	906	3,8	4069	16,9	123	0,5
Новогрудское														
18280	4454	24,4	714	3,9	11488	62,8	46	0,3	85	0,5	1340	7,3		
Полесское														
31130	16005	51,4	23	0,1	13191	42,4	96	0,3	1074	3,4	741	2,4		
Всего														
81567	27781	34,1	2564	3,1	40781	50,0	266	0,3	2293	2,8	7606	9,3	123	0,2

платы Полесье представляло собой некоторое исключение. Там была самая большая площадь сдаваемой земли; арендная плата в денежном выражении достигала 51,4% и превосходила плату в натуральной форме, составлявшую 42,4%[2]. Обусловливалось это тем, что на

[1] Wielka własność rolna, s. 8. Данные таблицы относятся ко всей территории четырех воеводств и в сравнении с рассматриваемой территорией Западной Белоруссии завышены, но они представляют интерес лишь с точки зрения установления соотношения различных видов арендной платы, на что разница в территории существенным образом не влияет.

[2] См. табл. 7.

Полесье было наибольшее число безлошадных и однолошадных хозяйств[1]. Безлошадные (и частично однолошадные) крестьяне для обработки арендованной земли должны были нанимать еще и тягловую силу. При таких условиях как отработка, так и испольщина становились совершенно непосильны для большинства крестьян. Денежная оплата аренды была им более доступной.

В аренду сдавались преимущественно частные земли. Государственные фонды парцеллировались, раздавались осадникам, находились в состоянии постоянного пополнения и раздела. В аренду сдавалось всего 81 567 га частной земли, что равнялось владениям одного крупного майората.

Таблица 8

Дифференциация арендаторов по величине площади арендуемых ими земель[2]

Воеводство	Арендовали						Всего арендаторов
	менее 1 га		1 — 5 га		свыше 5 га		
	количество арендаторов	%	количество арендаторов	%	количество арендаторов	%	
Белостокское	623	27,5	1249	55,2	392	17,3	2264
Виленское	653	33,7	1075	55,5	209	10,8	1937
Новогрудское	849	17,8	2251	47,2	1668	35,0	4768
Полесское	2241	32,2	4072	58,4	654	9,4	6967
Всего	4366	27,4	8647	54,3	2923	18,3	15936

В Западной Белоруссии преобладали мелкие арендаторы, 27,4% из них арендовали клочки земли менее 1 га, 54,3% — от 1 до 5 га и только 18,3% имели участки свыше 5 га. На Полесье и Виленщине эта картина проявлялась еще ярче. Там треть арендаторов брала у помещиков участки менее 1 га и больше половины — от 1 до 5 га. Лишь около 10% арендаторов в этих двух воеводствах

[1] Kwartalnik statystyczny, 1928, t. V, zesz. 2. Warszawa, 1928, s. 596.

[2] Wielka własność rolna, s. XV, s. 8. Сведения относятся ко всей территории четырех воеводств. На интересующей нас территории Западной Белоруссии количество арендаторов будет несколько меньше.

осваивали участки свыше 5 га. Этим частично объясняется и то, что на Полесье преобладала денежная форма оплаты аренды. Испольщина на крохотном участке арендной земли не может дать помещику экономического эффекта. На Новогрудчине картина была несколько иной. Там лишь 17,8% арендаторов ограничивалось участками менее 1 га, а 35% арендовали участки свыше 5 га. Зато в Новогрудском воеводстве преобладала испольщина, составлявшая около 70% всей суммы арендной платы. Испольщина на крупном участке для помещика выгоднее денежной арендной платы.

Сколько земли могли арендовать земледельцы? Крестьяне, не прибегавшие к найму рабочей силы, едва ли в состоянии были арендовать более 5 га, ведь они обрабатывали еще и свои наделы. Аренда участков свыше 5 га в подавляющем большинстве случаев должна была сопровождаться привлечением наемного труда и приобретать капиталистический или спекулятивный характер. Трудящиеся крестьяне составляли около 81,7% всех арендаторов [1]. Очень немногие еще брали землю у посредников.

Как видно из табл. 8, в Западной Белоруссии могли арендовать землю не более 15 936 хозяев. Фактически же их было еще меньше, так как в таблицу вошли данные по всему Белостокскому воеводству и по тем уездам Полесского воеводства, которые отошли к УССР. Однако в основу дальнейшего анализа можно положить эту цифру. В 1921 г. в крае насчитывалось 349 239 крестьянских хозяйств [2]. При сравнении двух последних цифр получается, что только около 4,5% крестьян могли быть арендаторами. Иначе говоря, из деревни в 100 дворов лишь 4 или 5 хозяев могли арендовать землю. Основной же массе тружеников аренда земель даже на кабальных условиях была недоступной.

Существовала категория арендаторов, не имевших своей земли. Часть из них представляла собой крупных дельцов, арендовавших оптом или целые имения или большие массивы земли. Иногда они сами вели хозяйство на капиталистической основе, иногда в свою очередь сдавали землю мелкими участками в аренду кре-

---

[1] В соответствии с данными табл. 8 получается, что 27,4% арендаторов брали участки меньше 1 га и 54,3% — от 1 до 5 га.

[2] См. табл. 1.

стьянам опять-таки на кабальных условиях. Статистика не содержит о них никаких сведений.

Другая часть арендаторов — это крестьяне, не имевшие своих наделов и жившие на арендованных участках. Это была категория наиболее обездоленных и эксплуатируемых тружеников земли. Вот как описывала их жизнь прогрессивная белорусская газета. «Пришла весна. Вновь появились бесконечные вереницы возов, груженных разными домашними пожитками бедных арендаторов. Сколько их? Трудно подсчитать. Каждый год снуют они с нового года по дворам и имениям, чтобы найти себе хоть мало-мальски подходящие условия жизни. Каждый год надеются на какое-то облегчение, на лучшую судьбу. Но ... мечты обманывают...» [1] Из года в год их положение ухудшалось. Та же газета сообщала, что у помещика Мурашова в имении «Куриловичи» Язненской волости Дисненского уезда крестьяне-арендаторы обрабатывали земли больше, чем нанимали, с арендованной земли отдавали помещикам половину урожая и платили государственные налоги. Кроме того, они выполняли другие работы: собирали и вывозили с полей по 4 $м^3$ камней, вырубали и вывозили из леса по 2 куб. сажени дров, по 1 куб. сажени транспортировали в Дисну (за 15 верст), раз в месяц по хозяйственным нуждам ездили на станцию Зябки (за 20 верст), доставляли лес на строительство сараев и т. д.[2]

Вот они средневековые формы эксплуатации закабаленных жителей деревни. У барина всегда бездна работы. Безземельный крестьянин работал на него круглый год. Летом — испольщина, зимой — ненормированный труд без оплаты. А жить было не на что. «Голодная смерть обеспечена как при наличии работы, так и без работы» [3],— констатировала та же газета.

В. И. Ленин разъяснял, что аренда может являться «способом привязывания к помещичьему хозяйству рабочих рук» [4]. Магнаты охотно сдавали в обработку клочки земли, чтобы иметь готовую и бесплатную рабочую силу. Вот почему львиная доля аренды приходилась на помещичьи земли.

---

[1] «Беларуская доля», 1925, 7.III.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 93.

До сих пор говорилось только об экономической основе кабальных отношений между крупными землевладельцами и трудящимися крестьянами. Но потомки феодалов имели в своих руках и весьма могущественные средства внеэкономического, т. е. административного, принуждения. Им принадлежала власть в государстве, в их руках были администрация, жандармерия, прокуратура и суды.

Один из деятелей белорусского национально-освободительного движения Бронислав Тарашкевич говорил в польском сейме: «Если вы не знаете, что такое Несвиж, что такое Радзивилл, то спросите крестьян. Там нет республиканской власти. Там существует лишь власть князя Радзивилла... Там существует крепостничество в полном значении этого слова» [1]. В 1926 г. в Несвиж приезжал Пилсудский для того, чтобы заручиться поддержкой Радзивиллов и других земельных магнатов Западной Белоруссии и Западной Украины. Напомним, что в Несвиже существовала государственная военная школа, начальником которой был тот же Радзивилл [2]. Она содержалась на государственные средства, но использовалась Радзивиллом для охраны его персоны и принадлежавших ему богатств, для поддержания его власти, полукрепостнических порядков и произвола. За это он еще как начальник школы получал деньги от государства. Вот конкретное проявление власти магнатов-полуфеодалов и методов внеэкономического принуждения крестьянства работать на шляхту.

А вот образец дикого произвола помещика по отношению к крестьянам. Владельцем ординации «Масаляны» Гродненского уезда являлся князь Ян Камил Биспинг. В волости он исполнял функции войта и, как в средние века, содержал собственное войско, состоявшее из бывших немецких солдат, оставшихся от первой мировой войны, и других деклассированных элементов. Когда по примеру своих братьев на востоке крестьянство Западной Белоруссии выступило на борьбу за свержение власти капитала, за землю, Биспинг терроризировал окрестное население. В марте 1919 г. вместе со своими головорезами он ворвался в деревню Римутевцы. Началась

---

[1] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 285.

[2] «Красная звезда», 1939, 20.IX.

кровавая расправа над мирными жителями. Биспинг собственноручно убил двух человек. Перепуганных крестьян загнали в избы и со всех сторон подожгли деревню. В то время как население бежало, спасаясь от огня и пьяных наездников, бандиты грабили. Скот и имущество крестьян были отправлены во двор Биспинга. «После погорельцы выкупали свое имущество за деньги, которые князь употреблял на содержание состоявшего при нем военного отряда»[1]. Вот что представлял собой средневековый произвол земельных магнатов. Естественно, что крестьяне не могли мириться с этим и всеми доступными им средствами вели борьбу против угнетателей за свои права и освобождение.

Возвращавшиеся из советских республик беженцы и бывшие солдаты царской армии привозили с собой идеи классовой борьбы. Батраки, которые при Советской власти сами управляли имениями, не могли смириться с реставрацией господства помещиков. Трудящиеся не прекращали борьбы и собирали силы для того, чтобы в подходящий момент вступить в решительную схватку с эксплуататорами. Революционная борьба в крае разгоралась. Крестьянство добивалось аграрных преобразований и ориентировалось на овладение помещичьей землей революционным путем.

4. АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММАХ ПАРТИЙ

Октябрьская социалистическая революция имела огромный международный резонанс. Народы Европы поднимались на революционную борьбу. В ряде стран создавались Советы рабочих и крестьянских депутатов. С ноября 1918 по июль 1919 г. в Польше существовала революционная ситуация[2], трудящиеся боролись за свержение господства капиталистов и помещиков, за установление власти рабочих и крестьян. Экономическое положение Польши было тяжелым. Государство было только что создано из территорий, которые прежде входили в состав

[1] Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922—1926. Мінск, 1927, стар. 392—393.

[2] Czesław Madajszyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939). Warszawa, 1956, s. 105.

держав: Австро-Венгрии, Германии и России. Их развитие ранее шло разными путями. После объединения трех составных частей в одно новое государство необходимо было определенное время для налаживания экономической жизни, координации работы отдельных видов промышленности, определения источников сырья и рынков сбыта, введения единой национальной денежной системы и т. д.

Но вместо того, чтобы заняться этими жизненно важными проблемами, правительство Польши затеяло войну с Советской Россией. Пока шла война, все материальные богатства и люди мобилизовывались для нужд фронта. Промышленность страны почти бездействовала, работали только военные предприятия. Сельское хозяйство находилось в состоянии запущенности и разорения. Расширявшаяся инфляция подрывала основы экономической жизни, порождала спекуляцию валютой, товарами и продуктами. Положение трудящихся, лишенных работы и средств к существованию, было крайне тяжелым.

Внешний рынок Польши в то время еще не определился. Он завоевывается в конкурентной борьбе массовостью, высоким качеством и дешевизной товаров. Но Польше нечем было торговать. Внутренний рынок отличался чрезвычайной узостью. Это обусловливалось безработицей городского населения, малоземельем и нищетой крестьянства. Товарность хозяйств мелких землевладельцев была мизерной, выручка от продажи продуктов не покрывала налогов и недоимок. В Западной Белоруссии это проявлялось особенно ярко. Крестьянство было разорено войнами и помещиками, количество населения сильно уменьшилось, его покупательная способность равнялась нулю. Правда, с течением времени беженцы и другие репатрианты понемногу возвращались домой, но они не могли усилить спрос на товары, так как не имели средств. Дойдя до крайней степени обнищания, они сами нуждались в помощи.

Капитализм при всех обстоятельствах стремится к расширению производства и понижению зарплаты. Но обнищание трудящихся ведет к сужению внутреннего рынка и кризисам перепроизводства. Все это толкает буржуазию на поиски внешних рынков. В эпоху господства монополистического капитала, особенно в период общего кризиса капитализма, стремление буржуазии к

завоеванию внешних рынков перерастает в империалистическую экспансию.

Экономическая отсталость, узость внутреннего рынка, неустойчивость положения Польши в международном плане, наличие революционной ситуации внутри страны, стремление разрешить внутренние противоречия путем войны с Советским Союзом придавали внешней политике польского империализма агрессивный и авантюристический характер. Антисоветская война вела к дальнейшему разорению экономики и вызывала возмущение масс. Трудящиеся боролись за революционное решение всех экономических и социальных проблем. В. И. Ленин говорил тогда: «Польша, сохраняя буржуазный порядок, вызвала войной крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который свирепствует не только против промышленных рабочих, но и против батраков» [1].

Особую остроту в этих условиях приобретала аграрная проблема.

Общий революционный подъем и борьба крестьянства за землю ставили под угрозу помещичье землевладение, делали реальной возможность перехода земель в руки крестьянства. Даже среди господствующих классов многие склонялись тогда к необходимости проведения аграрной реформы. Конечно, разные классы и партии понимали реформу по-своему и желали извлечь из нее выгоду лишь для себя. Но перераспределение земельной собственности большинству населения казалось назревшей и не терпящей отлагательства необходимостью. Это убеждение находило поддержку в том, что под влиянием Октябрьской революции, передачи Советской властью земли крестьянам, а также под натиском революционного движения в Европе в соседних с Польшей буржуазных странах проводились аграрные реформы на базе ограничения помещичьего землевладения.

Польская финансовая буржуазия понимала, что расширение внутреннего рынка немыслимо без интенсификации сельского хозяйства, и искала возможностей широкого вложения капиталов в деревне. Однако она встретила серьезные препятствия; главными из них были отсталость, экстенсивный характер земледелия, архаичные

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 20.

способы ведения сельского хозяйства, полукрепостнические производственные отношения в деревне, базировавшиеся на земельной монополии магнатов и безземелье крестьянства, закабаление, нищета, низкая покупательная способность населения. Не так легко было преодолеть эти уходящие своими корнями в глубь веков препятствия.

Финансовый капитал стремился глубже проникнуть в деревню. Но полуфеодальное помещичье и мелкое крестьянское хозяйство в одинаковой мере являлись для него препятствием. Ни то, ни другое не открывало перспективы выгодного капиталовложения. Для получения максимальной прибыли буржуазии было выгодно втянуть деревню в сферу капиталистического хозяйства и интенсифицировать ее экономическую жизнь. Но служить объектом капиталовложений, гарантирующим прибыли, могло лишь крупное хозяйство. По понятиям буржуазии, деревню следовало перестроить так, чтобы в ней существовал лишь один тип хозяйств — крупных, рентабельных, товарных. Все другие разновидности земледельческих производственных единиц, на ее взгляд, не имели права на существование. Ей казалось необходимым трансформировать помещичьи имения и кулацкие хозяйства в капиталистические фермы и сделать их своей опорой в деревне. Все мелкие хозяйства должны были поглотиться крупными и исчезнуть. Поэтому финансовая буржуазия не требовала ликвидации помещичьего землевладения, она добивалась лишь его реорганизации.

Она не стремилась к ликвидации помещичьего землевладения и по другим причинам. Буржуазия и помещики принадлежали к эксплуататорским классам и совместно господствовали в стране, их богатства сращивались в банковских капиталах, в сфере торговли и производства, их интересы переплетались во всех областях экономической и политической жизни. Финансисты к тому времени уже вложили немало средств в сельское хозяйство, а земельные магнаты — в промышленность и банки. Их объединяли «священная частная собственность» и буржуазная идеология, они в равной мере боялись и ненавидели трудящихся. Буржуазия не могла открыто выступить против земельных магнатов еще и потому, что взаимная грызня ослабила бы их позиции и усилила бы натиск революционного крестьянства, требовавшего ликвидации

помещичьего землевладения. Она, боясь революционной инициативы снизу, стояла за частичную земельную реформу сверху.

Интересы кулачества во многом совпадали со стремлениями буржуазии в аграрном вопросе. Оно искало возможности увеличить свои владения любым путем: за счет помещиков, государства, церкви и мелких крестьян. Кулак боялся революционных преобразований в деревне, хорошо зная, что они могли бы привести к отчуждению без выкупа помещичьей земли в пользу трудового крестьянства. Аграрная революция могла бы привести и к национализации всей, в том числе и кулацкой, земли. Напуганный революционным крестьянским движением кулак добивался перераспределения земельной собственности за деньги, с выкупом. При этом условии для кулачества открывалась перспектива по частям скупать государственную и помещичью землю, разорять мелких крестьян и присваивать их наделы. Аграрная политика буржуазии в общем соответствовала интересам кулачества. Два экспуататорских класса нашли общий язык, блокировались и поддерживали друг друга в этом вопросе. Земельная реформа, по их мнению, должна была предотвратить аграрную революцию.

Иную позицию занимали помещики. Будучи самым реакционным классом, они прилагали все силы к тому, чтобы сохранить в неприкосновенности свои обширные латифундии. Идея любой аграрной реформы для них была неприемлемой. Но в то же время они боялись крестьянского движения и решения аграрной проблемы революционным путем. Перед помещиками стоял вопрос о выборе между двумя возможностями: революционного или реформистского преобразования сельского хозяйства. В этих условиях они, конечно, предпочитали вторую возможность. К тому же хозяева усадеб, пострадавших в период войны, нуждались в деньгах. Поэтому для многих из них была приемлема идея распродажи неиспользуемых земель. Некоторые считали благоразумным ликвидировать свои имения на восточных окраинах и вложить средства в промышленные или банковские предприятия в центральных воеводствах Польши или за границей. Часть помещиков готова была согласиться на куцую аграрную реформу сверху, которая не затронула бы их интересов, не подорвала бы основы их землевладения, их

экономического могущества. Хозяева крупных имений рассчитывали нажиться на земельной реформе и разбогатеть. Такова была позиция влиятельных в стране и в правительстве земельных магнатов. Она устраивала и кулака, так как не противоречила его стремлениям и открывала ему перспективу приобретения новых земель. Однако интересы шляхты и кулаков были противоположны в вопросе о выкупных ценах на землю. При продаже земли помещик всячески завышал цены, кулак же старался их сбить.

Отражая интересы своих классов, политические партии боролись за тот или другой способ перераспределения земель и преобразования сельского хозяйства. Партии имущих классов и соглашательские партии в конце концов договорились между собой и в интересах земельных и финансовых магнатов выступили за проведение аграрных реформ сверху с выкупом помещичьей земли за деньги. Прежде всего на этот путь встала кулацкая партия ПСЛ-Пяст, во главе которой стоял В. Витос [1]. Эта партия стремилась сдержать крестьянское движение, не допустить аграрных преобразований революционным путем, выступала против безвозмездного отчуждения помещичьей земли и бесплатного наделения ею крестьянства, стояла за проведение аграрной реформы с выкупом, при которой обогащались бы помещики и кулаки. Она призывала крестьян не брать помещичью землю самовольно, подождать, пока правительство примет закон об аграрной реформе, и заверяла, что земли хватит всем и по дешевой цене.

Другая кулацкая партия ПСЛ-Вызволение также старалась не допустить отчуждения помещичьей земли революционным путем [2]. Эта партия стояла за создание рен-

---

[1] ПСЛ-Пяст (Польске стронництво людове — Польская народная партия) — кулацкая партия, выдававшая себя за крестьянскую. Возникла в конце прошлого столетия. Прикрываясь левыми фразами, защищала интересы кулаков. Ее лидер В. Витос неоднократно возглавлял правительство. В 1920 г. во время польско-советской войны он был премьер-министром.

[2] ПСЛ-Вызволение — другая кулацкая партия. Имела более радикальную программу, чем Пяст. Возникла в 1915 г. из нескольких крестьянских политических организаций. Сотрудничала с пилсудчиками. Ее лидер Тугутт входил в правительство В. Грабского в 1924 г. («Змагаине», 1924, 24.I).

табельных крестьянских хозяйств, т. е. за укрепление кулачества и увеличение его земельных владений. Она добивалась принудительного выкупа земли у помещиков, но не по произвольным рыночным ценам, невыгодным для кулачества, а по твердым ценам, установленным сеймом. Иногда под нажимом масс, высказывалась за бесплатное наделение крестьян землей. Обе партии хотели мирной сделки кулачества с помещиками.

ППС [1], стремясь сохранить свое влияние среди трудящихся, демагогически высказывалась за национализацию всех земель, составлявших крупную собственность, вместе с постройками, живым и мертвым инвентарем. Однако ППС убеждала крестьян воздерживаться от самовольных действий и ждать принятия закона сеймом. Тем самым она сдерживала крестьянскую революционную инициативу, способствовала укреплению позиций буржуазии и помещиков в стране, в правительственных органах. Фактически ППС стояла за сохранение помещичьих хозяйств при ограничении площади их земельных владений [2].

Только Коммунистическая партия Польши боролась за экспроприацию помещичьей земельной собственности без выкупа и за бесплатную передачу всей земли крестьянам.

Польское правительство, отражавшее интересы господствующих классов и стремившееся не допустить насильственной экспроприации помещичьей собственности революционным путем, вынуждено было маневрировать между требованиями крестьянства и интересами земельных магнатов. Польский сейм должен был заняться аграрным вопросом и принять определенные решения.

Помещики, буржуазия и их правительство считали, что в результате войн, создания самостоятельного польского государства и изменения политической ситуации в стране должно появиться много оставшихся без хозяев земель, которые в первую очередь следует использовать для нужд польского капитала. Свободные земли действительно имелись во всей Польше и, в частности, в Запад-

[1] ППС — Польская партия социалистов. Организовалась в конце прошлого века как мелкобуржуазная, социал-патриотическая антимарксистская партия. Ее центральный лозунг — независимость Польши. Входила во II Интернационал. В 1906 г. из нее выделилась ППС-Левица, которая впоследствии вошла в КПП.

[2] «Змаганне», 1924, 24.I.

ной Белоруссии. Остались без хозяев имения членов царской фамилии, так называемые дворцовые земли, поместья бывших царских чиновников и т. д. Правительство решило использовать в своих целях прежде всего эти земли.

10 июня 1919 г., т. е. в период антисоветской войны, польским сеймом был принят первый закон об аграрной реформе.

5. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В ответ на введенные польскими завоевателями в Западной Белоруссии капиталистические порядки, реставрацию власти земельных магнатов, усиленный социальный гнет и национальное бесправие белорусское крестьянство поднялось на партизанскую борьбу. Движение началось на Полесье и, приняв широкий размах, распространилось по всему аннексированному краю. Им руководили К. П. Орловский, В. З. Корж, С. А. Ваупшасов, К. Н. Токушевич, Герман Шиманюк и др. Повсеместно организовывались вооруженные отряды крестьян, которые иногда объединялись в крупные формирования.

Партизаны пользовались всеобщей поддержкой крестьянства, интеллигенции и других слоев населения, получали от них сведения об интересующих их объектах, размещении правительственных войск и т. д. Население встречало их хлебом-солью, обеспечивало провиантом и ночлегом. Сила партизан была в их связи с народом. Их появление было, как правило, внезапным для местных властей. А ведь внезапность нападения — немаловажный фактор в вооруженной борьбе. Партизанские операции отличались смелостью и неизменно имели успех.

Партизаны нападали на воинские подразделения и отряды карателей, на полицейские участки и государственные учреждения, на помещичьи имения и осадничьи хутора, контролировали пути сообщения, держали в напряжении администрацию, жандармерию и служащих государственного аппарата. Нанося чувствительные удары по наиболее уязвимым местам, они потрясали устои буржуазно-помещичьей власти в Западной Белоруссии. Недаром на состоявшемся в ноябре 1923 г. в Вильно съезде земельных магнатов Западной Белоруссии и За-

падной Украины признавалось, что сопротивление народных масс польским властям приобрело эпидемический характер, что поджоги помещичьих усадеб приняли массовое распространение. «Мы стоим перед лицом организованного партизанского движения, угрожающего дальнейшим своим развитием польской государственности на кресах» [1],— отметили участники съезда в своей резолюции.

Для борьбы против партизанского движения правительство использовало все средства — увеличивало контингент войск, размещенных на аннексированных землях, и усиливало террор против населения. Вводилось эскортирование поездов воинскими подразделениями. В одном из приказов военной администрации говорилось: «В дополнение и частичное изменение приказов об эскортировании пассажирских поездов ... приказываю с 1 марта (1924 г.) ввести эскортирование пассажирских поездов на пути: Барановичи — Столбцы — Колосово государственной полицией XV округа» [2]. Эскортирование поездов было введено на всех линиях объятого пламенем партизанской борьбы края. В каждом уезде учреждалась должность военного коменданта с соответствующим штатом и широкими полномочиями по мобилизации сил для борьбы с партизанами. Увеличивалась численность полиции и жандармерии. Заменялся командный состав войск, сконцентрированных на территории Западной Белоруссии. Усилилось наблюдение за передвижением людей, особенно ночью. Выезды из населенных пунктов учитывались и ограничивались [3].

Воинские части, дефензива, полиция, жандармерия, государственный аппарат — все мобилизовывалось на борьбу против народного движения. Но ничто не помогало. Вооруженная борьба угнетенного населения разрасталась.

В мае 1924 г. инспектор польской армии Рыдз-Смиглый, командовавший Виленским военным округом, получил от правительства полномочия использовать войска и дефензиву для борьбы против партизан [4]. По его приказу

---

[1] «Słowo», 1924, 24.XI.

[2] ГАБО, ф. 67, оп. 1, д. 800, л. 3.

[3] «Dziennik wileński», 1924, 7.VI.

[4] «Dziennik wileński», 1924, 21.V. Генерал Рыдз-Смиглый после смерти И. Пилсудского стал диктатором Польши.

усиливались существовавшие и создавались новые полицейские посты, в крупных селах размещалась конница, на железнодорожных станциях появились бронепоезда [1]. При генеральном штабе польской армии был создан специальный отдел по руководству военными операциями против партизан. Среди населения беспрерывно шли массовые аресты [2].

По предложению генерала Рыдз-Смиглого было принято решение о создании специального военного корпуса пограничной стражи с включением в него всех видов войск — от пехоты до авиации. Корпус объединял регулярные воинские части, пограничные войска и полицию [3]. Офицерский состав корпуса представлял собой главным образом отличившихся в армии отборных пилсудчиков. Подразделения корпуса пограничной стражи уже в начале октября 1924 г. появились на территории Виленского, Новогрудского, Полесского и Волынского воеводств [4]. Начальником корпуса был назначен генерал Минкевич [5], его штаб разместился в городе Вилейке [6]. Войска направлялись на поиски партизан, на прочесывание лесов.

По всему краю усиливались репрессии против местного населения. В сентябре 1924 г. было арестовано около 300 крестьян-белорусов [7]. Бесчинствовала дефензива, свирепствовали чрезвычайные суды. Но в народе шла молва о неизбежности всеобщего вооруженного восстания против завоевателей. Свобода казалась близкой. Партизанские действия расширялись. «То, что творится на кресах, есть не что иное, как война, только в невиданных до сих пор формах» [8], — с тревогой признавала польская печать.

Осенью 1924 г. против партизан начались военные действия на широком фронте с использованием всех родов войск, которым помогали и осадники. Беспрерывно устраивались лесные облавы на партизан, в деревнях свирепствовали карательные отряды. В населенных пунк-

---

[1] «Савецкая Беларусь», 1924, 30.IX.
[2] Там же.
[3] «Rzeczpospolita», 1924, 10.VII.
[4] «Dziennik wileński», 1924, 30.X.
[5] «Савецкая Беларусь», 1924, 5.X.
[6] «Dziennik wileński», 1924, 31.X.
[7] «Савецкая Беларусь», 1924, 30.IX.
[8] «Kurier poranny», 1924, 29.VIII.

тах были введены ночные дежурства крестьян, запрещены всякие собрания и вечера.

С 6 ноября 1924 г. все вооруженные силы, действовавшие против партизан на территории Новогрудского воеводства, перешли под командование воеводы [1]. Полесский воевода принял на себя командование войсками в своем воеводстве. Но и эта реорганизация войск ничего не дала. Операции по борьбе с партизанами под командованием двух воевод затягивались. И хотя наступившая зима с морозами, метелями и глубоким снегом затрудняла действия народных мстителей, борьба не прекращалась. Командир корпуса пограничной стражи докладывал, что в январе 1925 г. совершено 18 нападений на помещичьи усадьбы и 15 — на воинские казармы. Нападали вооруженные отряды по 30—50 человек. Командир корпуса просил прислать новые подкрепления в 700 жандармов [2].

По признанию бывшего главы польского правительства В. Грабского, в Западной Белоруссии в 1922 г. было совершено 378, а в 1923 г.— 503 партизанских нападения [3].

Власти предпринимали новые меры по ликвидации партизанского движения. Весной 1925 г. под видом маневров в Новогрудское воеводство были введены дополнительные контингенты войска [4].

В 1925 г. репрессии приняли совершенно невероятные размеры. Вот далеко не полные сведения о массовых арестах в Западной Белоруссии. В апреле 1925 г. в Новогрудчине сразу было арестовано 1368, на Полесье — около 2000, на Волыни — около 1500 человек. На Виленщине количество арестованных не поддавалось учету, но измерялось тысячами [5].

В июле массовые репрессии возобновились, только в Свенцянском уезде арестовали свыше 100 человек [6]. В прилегающих к Беловежской пуще волостях подверглось арестам около 100 человек [7].

---

[1] ГАБО, ф. 67, оп. 1, д. 774, л. 2.
[2] «Звезда», 1925, 17.II.
[3] «Сялянская праўда», 1924, 19.XI.
[4] «Звезда», 1925, 8.V.
[5] «Звезда», 1925, 5.V.
[6] «Звезда», 1925, 19.VII.
[7] «Звезда», 1925, 6.VIII.

В октябре прокатилась новая волна массовых репрессий. В Пружанском уезде было арестовано свыше 200 [1], на Виленщине — 600 [2], на Гродненщине — около 200 человек [3]. В Давид-Городке состоялся суд над 180 крестьянами, обвинявшимися в порубке леса князя Радзивилла [4]. В ноябре на Полесье арестовали 90 человек и т. д. [5].

Кроме того, тысячи семей, заподозренных в сочувствии идеям коммунизма и национально-освободительному движению, в административном порядке выселялись из Западной Белоруссии в центральные воеводства Польши.

Арестованных судили военно-полевые и чрезвычайные суды. В воеводских и уездных городах устраивались массовые судебные процессы над коммунистами и партизанами.

В апреле 1925 г. состоялся суд над 72 партизанами в Гродно [6], в октябре того же года в Гродно судили еще 35 партизан. Такие суды прошли в Вильно, Пинске, Слониме, Вилейке, Лунинце и многих других уездных городах. Но никакие репрессии не могли сломить народ, борьба продолжалась.

---

[1] «Звезда», 1925, 8.X.
[2] «Звезда», 1925, 18.X.
[3] Там же.
[4] «Звезда», 1925, 8.X.
[5] «Звезда», 1925, 27.XI.
[6] «Беларуская доля», 1925, 9.IV.

Глава II

Аграрные реформы в Польше и их осуществление в Западной Белоруссии

1. Первые законы об аграрной реформе в Польше

Созданное в 1918 г. польское буржуазно-помещичье государство сразу обнаружило свою империалистическую сущность и стало орудием мирового капитала. Пользуясь поддержкой могучих держав Запада, Польша встала на путь военных авантюр и еще в ноябре 1918 г. захватила город Львов. В феврале 1919 г. польские войска заняли Брест, Волковыск и другие белорусские города. Страна втягивалась в антисоветскую интервенцию. Внутреннее положение в Польше характеризовалось тогда крайней напряженностью. Экономика оставалась неналаженной, промышленность бездействовала. Не хватало предметов первой необходимости, и цены на них баснословно росли, валюта обесценивалась, положение народных масс с каждым днем ухудшалось. Страну потрясали забастовки, пролетариат вступил в решительную схватку с капиталом.

В 1918 и до половины 1919 г. в Польше существовала революционная ситуация, в промышленных районах создавались Советы рабочих депутатов, в имениях возникали батрацкие советы [1]. Солдаты, находившиеся на фронте, расценивали борьбу трудящихся и создавшуюся ситуацию как «революцию в стране» [2]. Боеспособность армии падала. Польские солдаты, преимущественно вы-

---

[1] «Правда», 1958, 16.XII.

[2] Wł. Studnicki. Przewroty i reformy agrarne Europy powojennej i Polski. Warszawa, 1927, s. 193.

ходцы из крестьян, не хотели воевать против Страны Советов. В армии наблюдалось массовое дезертирство. Война была непопулярна в народе, среди масс росло убеждение, что она «продолжается исключительно в интересах помещиков» [1]. На белорусских землях крестьяне с оружием в руках вели партизанскую войну против польских интервентов. Аграрный вопрос решался вооруженной борьбой на полях сражений. Господствующим классам Польши угрожала перспектива установления единого фронта революционной борьбы пролетариата и крестьянства.

Для того чтобы облегчить мобилизацию людей в армию в поднять боевой дух солдат, пилсудчики не скупились на щедрые посулы. Солдатам польской армии твердили: «Кто где сражается, тот там получит землю». Выдвигался девиз: «Каждый солдат должен завоевать себе землю» [2]. Всем была очевидна необходимость перераспределения земельной собственности.

В руководящих кругах политических партий и правительственных сферах шло обсуждение различных проектов аграрных преобразований. В сейме была создана комиссия аграрных реформ. «Сейм хотел завоевать крестьянство аграрной реформой» [3], — признавался идеолог польской буржуазии В. Студницкий.

После острых партийных споров и длительного обсуждения разных проектов сейм 10 июля 1919 г. принял первый закон об аграрной реформе. Существо его сводилось к следующему. Создавался государственный земельный фонд из так называемых «свободных» земель, оставшихся без хозяев. Земли этого фонда подлежали разбивке на отдельные небольшие участки (парцеллы) величиной до 25 моргенов [4], которые предназначались для свободной распродажи населению. Такое перераспределение земельной собственности в Польше получило название парцелляции.

Закон предусматривал принудительный выкуп и парцелляцию частных земель, приобретенных в военное вре-

[1] Wł. Studnicki. Przewroty i reformy agrarne Europy powojennej i Polski. Warszawa 1927, s. 193.

[2] E. Stefański. Pracujące chłopstwo pod knutem dyktatury faszystowskiej. M., 1931, s. 5.

[3] Wł. Studnicki. Przewroty i reformyagrarne Europy powojennej i Polski, s. 192.

[4] Польский морген равен 0,56 га.

мя спекулятивным путем, и некоторых плохо управляемых, запущенных имений. Он устанавливал также максимальное количество земли, которой мог владеть один хозяин. Излишки сверх утвержденного максимума подлежали принудительному отчуждению, с оплатой их стоимости, и парцелляции. В Центральной Польше в качестве верхнего предела частновладельческих земель, не подлежащих принудительному выкупу, устанавливалась площадь в 180 га, а в Западной Белоруссии — в 400 га. Столь высокий максимум на восточных окраинах был установлен для того, чтобы сохранить экономическое господство и политическое влияние польских помещиков на белорусское население.

Впрочем, закон допускал целый ряд исключений в пользу крупных землевладельцев по всей стране. Так, владельцы семенных, животноводческих, рыбных и других специализированных, а также высокопродуктивных хозяйств освобождались от принудительной парцелляции принадлежавшей им земли при всех условиях. Помещику, обладателю тривиального смешанного хозяйства, не составляло особого труда представить его перед соответствующими органами как специализированное на производстве зерна или скота, картофеля или свеклы и спасти свои земли от принудительного выкупа.

Закон устанавливал ежегодную парцелляцию земель общей площадью в 200 тыс. га. В то время в руках государства сконцентрировались огромные земельные массивы (3 342 976 га вместе с лесами) [1]. К тому же эти фонды пополнялись, так как выявлялись все новые площади, оставшиеся без хозяев. Для парцелляции намеченными темпами (по 200 тыс. га в год для всей Польши) хватило бы на многие годы только земель государственных фондов. Помещичьи владения при этом остались бы нетронутыми. Это было явное покровительство земельным магнатам. Защита их интересов выразилась и в установлении высоких выкупных цен на землю с надбавками за качество земли, степень обработки, мелиоративные работы, посевы и т. д.

Закон декларировал также нарезку участков для солдат, батраков, безземельных крестьян и прирезку земли для бедноты. Но эта декларация ничем не подкреплялась,

---

[1] Wielka własność rolna, s. VIII.

ее выполнение не гарантировалось. А высокие выкупные цены делали для трудового крестьянства приобретение земли недоступным. Таково существо закона об аграрной реформе, принятого 10 июля 1919 г.

Однако даже этот закон, по существу не затрагивавший основ помещичьего землевладения, с большим трудом прошел в сейме. Он был принят большинством всего в один голос [1]. Помещики не хотели допускать даже мысли о возможности принудительного отчуждения их земель и старались провалить поставленный на голосование проект закона. Это предвещало ему плохую перспективу, он базировался на очень зыбкой основе. Ведь проводить его в жизнь должны были те же стоявшие у власти помещики, а они, будучи противниками всякой реформы, саботировали и не думали осуществлять закон, принятый большинством в один голос.

Зато для обмана народа буржуазные, кулацко-помещичьи и соглашательские партии назойливо твердили о радикальном характере аграрной реформы, заявляли, что она «преобразует Польшу панскую в Польшу крестьянскую».

Вслед за принятием закона было учреждено Главное земельное управление [2]. В дальнейшем оно преобразуется в министерство аграрных реформ. Внешне создавалось впечатление, что правительством якобы делается все необходимое для того, чтобы наделить крестьянство землей. На самом же деле господствующие классы и правящие круги не придавали принятому закону серьезного значения и не собирались его реализовать. Он даже не был опубликован в официальном правительственном органе «Дзенник устав», представлявшем собой вестник всех законов, правительственных постановлений и распоряжений. Принятое решение не было оформлено и обнародовано как закон и по существу не имело силы. «Оно не выражало права, не было законом и представляло собой лишь пожелания сейма, какой должна быть аграрная реформа в Польше» [3].

---

[1] «Беларуская думка», 1919, 15.VII; E. Stefański. Pracujące chłopstwo pod knutem dyktatury faszystowskiej, s. 5.

[2] Dziennik ustaw RP, 1919, s. 661.

[3] Jerzy Nowak. Krzywda chłopska, szyli o tym jak tumaniono chłopów reformą rolną. Warszawa, 1924, s. 15.

Тем не менее господствующие круги достигли поставленной цели. Закон породил у крестьян иллюзии о возможности получения земли из рук стоящих у власти эксплуататоров, предотвратил революционные преобразования в деревне и облегчил военную мобилизацию для продолжения войны против Красной Армии. Сейму в значительной степени удалось «завоевать крестьянство». Наконец, закон укрепил позиции помещиков и кулаков. Кулацкие партии ПСЛ-Пяст, ПСЛ-Вызволение усилили свое влияние в народе как «борцы» за аграрную реформу. Однако рабочий класс и беднейшее крестьянство не складывали оружия. Классовая борьба продолжалась.

Летом и осенью 1919 г. крестьянство земли не получило. Пришедшее к власти в декабре 1919 г. правительство Скульского обещало начать проведение земельной реформы весной 1920 г. Но и весной дело вперед не двинулось. Ничего не сделав для выполнения ранее принятых постановлений, сейм 18 марта 1920 г. принял дополнительный закон, предусматривавший принудительное отчуждение и передачу в государственный фонд тех помещичьих земель, которые не обрабатывались и не использовались хозяевами [1]. Владельцы латифундий встретили новое постановление в штыки. Ясно было, что они не допустят его реализации.

Закон об аграрной реформе от 10 июля 1919 г. не был выполнен.

Летом 1920 г. эксплуататорские классы Польши оказались в критическом положении. Красная Армия предприняла наступление на Варшаву. Перед трудящимися Западной Белоруссии и всей Польши открылась перспектива освобождения от эксплуататоров. Буржуазия и помещики перепугались. Чтобы спасти положение, они прибегли к новым посулам народу. 3 июля 1920 г. Пилсудский выступил с обращением к населению и вновь обещал всем «свободу», а крестьянам землю. При этом он призывал народ не щадить своей крови для защиты установленного режима. Ему вторил вставший во главе правительства лидер кулацкой партии ПСЛ-Пяст В. Витос: «Добровольцы и бывшие длительное время на фронте солдаты по установлении мира первыми получат землю от государства» [2], — заверял он.

[1] Dziennik ustaw RP, 1920, s. 444.

[2] Wincenty Witos. Wybór pism i mów. Lwów, 1939, s. 151.

Летом 1920 г. Красная Армия изгнала из Западной Белоруссии польских оккупантов, а заодно и помещиков. Батраки стали хозяевами имений, земля перешла в руки крестьянства. Они снимали помещичий урожай, делили скот и другое имущество. Повсеместно возникали крестьянские комитеты, которые осуществляли аграрные преобразования революционным путем. Среди пилсудчиков царила паника, в войсках началось разложение. Оценивая ситуацию, создавшуюся в армии летом 1920 г., помещичья газета «Слово» писала, что это был период, когда «в рядах польского войска было минимум добровольцев и максимум рекрутированных крестьянских сыновей» [1].

Господствующие классы Польши принимали срочные меры для спасения положения. Вспомнили забытый закон о земельной реформе. На этот раз даже помещики считали необходимым его принятие, так как видели в нем единственное средство спасения своего господства. Земельные магнаты готовы были поступиться частью имущества, чтобы спасти миллионные состояния. «В июне 1920 г., в момент неудач польского оружия, в Польше родилась боязнь того, что отчуждение и раздел земель станут движущей силой, благоприятной для большевистской России, что крестьяне встанут на ее сторону для получения земли из ее рук» [2],— признавал В. Студницкий.

При таких обстоятельствах 15 июля 1920 г. польский сейм принял второй закон об аграрной реформе, на этот раз даже без обсуждения [3]. Он содержал основные положения закона от 10 июля 1919 г.

Прежде всего создавался государственный земельный фонд для парцелляции, в который включались земли: государственные, церковные, принадлежавшие ранее русскому Крестьянскому банку и разным обществам, членам династических фамилий России, Германии и Австро-Венгрии, и некоторые другие земли [4].

---

[1] «Słowo», 1923, 27.II.

[2] Wł. Studnicki. Przewroty i reformy agrarne Europy powojennej i Polski, s. 193.

[3] Dziennik ustaw RP, 1920, s. 1229. Он назывался законом о выполнении аграрной реформы (Ustawa o wykonaniu reformy rolnej).

[4] Dziennik ustaw RP, 1920, s. 1229—1230. Костельные земли могли передаваться в государственный фонд лишь по согласованию с Ватиканом. Эта статья закона была нереальной, так как Ватикан никогда не соглашался на передачу костельных земель в государственные фонды.

Кроме того, закон предусматривал принудительный выкуп государством земель, приобретенных во время войны лицами, для которых сельское хозяйство не стало основным занятием, а также запущенных имений, находившихся в границах городов и промышленных центров. Принудительному выкупу могли подлежать все частные владения, составлявшие в сельских местностях коренной Польши излишки сверх 180 га, а в пригородных и промышленных округах — сверх 60 га. Иначе говоря, в собственности отдельных лиц могло оставаться не более 60 га в пригородах и 180 га во всех остальных местах [1].

Следует отметить, что такие пределы неотчуждаемой земли были выбраны не случайно. Дело в том, что, по мнению польских экономистов, в центральных воеводствах страны наиболее рентабельными и экономически устойчивыми оказывались хозяйства в 170—280 га (300—500 моргенов). В окрестностях городов и в промышленных районах наиболее выгодными считались хозяйства в 80—160 га (150—300 моргенов). Они специализировались как молочные хозяйства и были высокоинтенсивными. В большинстве случаев именно такие имения существовали в пригородных зонах и промышленных районах [2]. Закон лишь закреплял наиболее выгодные условия ведения помещичьих хозяйств.

На восточных окраинах, как и ранее, за владельцами сохранялось право иметь 400 га земли. Излишки свыше 400 га могли подвергнуться и принудительному выкупу.

Имения, специализировавшиеся на производстве зерна, скота, рыбы, технических культур, а также высокопродуктивные хозяйства независимо от их специализации при любых размерах их земельной собственности вновь объявлялись неприкосновенными. Ясно, что принудительное отчуждение помещичьих земель объявлялось лишь для отвода глаз. Слишком много возможностей имели крупные землевладельцы для того, чтобы сохранить в неприкосновенности свои латифундии, и в конце концов они их сохранили.

Денежная компенсация хозяевам за отчуждаемые в

---

1 Dziennik ustaw RP, 1920, s. 1229—1230.

2 См. L. Siemeński. Polnictwo nasze w pierwszym roku wojny, Warszawa, 1915, s. 2; «Polska gospodarcza», 1935, zesz. 46, s. 1423.

государственный фонд земли устанавливалась в размере половины рыночной цены. Этот пункт, казалось бы на первый взгляд, был направлен против помещиков, на самом же деле он помог им спасти их латифундии. Выкупные цены в дальнейшем были признаны незаконными.

Из фонда, предназначенного для парцелляции, 80% площадей должны были пойти на нарезку участков для продажи безземельным и 20% — малоземельным крестьянам. Преимущества в приобретении земли имели прежде всего инвалиды войны, а затем батраки, оставшиеся без средств существования в результате парцелляции имений, в которых они работали. В то же время закон устанавливал, что землю могут покупать все польские граждане, способные заниматься сельским хозяйством.

В Сельхозбанке открывался кредит для крестьян, желавших приобрести землю из государственного фонда. Объявлялось, что каждый нуждающийся может взять ссуду. Инвалиды войны и солдаты, награжденные польскими знаками отличия, наделялись отрубами бесплатно.

Были учреждены уездные и волостные земельные комиссии с совещательными правами в помощь государственным органам. Они учитывали переходившие в государственный фонд площади, оценивали их, составляли списки желавших приобрести земельные участки и т. д. В эти комиссии входили прежде всего помещики и кулаки; естественно, что они проводили выгодную для себя политику — брали взятки, спекулировали землей, поднимали цены[1]. Выдававшие себя за крестьянские, но служившие помещикам и кулакам партии ПСЛ-Пяст и ПСЛ-Вызволение всеми силами поддерживали у крестьян надежды на приобретение земли. Это была новая попытка обмануть солдат и население, поднять боевой дух армии для продолжения войны с Советской Россией, удержать солдат от дезертирства, убедить крестьян в том, что они могут получить землю по милости правительства, без революционной борьбы, без насильственной экспроприации.

В то же время закон официально лишал права приобретения земли тех, кто не хотел участвовать в антисоветской войне и кто классовую борьбу доводил до экспро-

[1] Эти комиссии существовали до 1923 г., затем были распущены, так как их действия не всегда соответствовали намерениям правительства и его органов.

приации помещичьих земель. Установление власти батрацких комитетов в имениях, раздел крестьянами помещичьих земель возводились на уровень преступления против Польши. К тому же закон приобретал обратную силу [1].

Последний пункт был направлен прежде всего против белорусского крестьянства. В момент наступления Красной Армии сельские жители Западной Белоруссии создавали крестьянские комитеты, снимали урожай с брошенных помещиками полей, вместе с советскими войсками боролись против легионов Пилсудского. Власти легко могли обвинить любого белоруса в том, что он самовольно брал барскую замлю и участвовал в борьбе против польской армии. Закон был направлен также против бедноты всех национальностей, не исключая польской. Ведь польское и украинское беднейшее крестьянство и батрачество приветствовали Красную Армию, оказывали ей всяческую поддержку и участвовали в разделе помещичьих земель. Классовая борьба преодолевает национальные различия и укрепляет братство угнетенных и эксплуатируемых.

Если землевладельцам компенсация за распарцеллированные земли устанавливалась в размере половины рыночной стоимости, то крестьянам парцеллы продавались по рыночной цене. Ясно, что на таких условиях земли могли приобретать только кулаки да спекулянты, бедноте и середнячеству они были недоступны. Решение земельных органов о принудительном отчуждении земли помещик имел право обжаловать в судебные инстанции. Суд же всегда становился на его сторону и отменял решения земельных органов. Так было во всех инстанциях — снизу доверху. Это давало возможность помещикам затевать тяжбы на десятилетия и продолжать эксплуатировать земли и крестьян. Помещики располагали многими другими возможностями, которыми они широко пользовались в корыстных целях. Они были судьями, правительственными комиссарами, членами земельных комиссий, действовали методами взаимных услуг, коррупции, имели подкупленных подставных лиц, которым при необходимости передавали землю и т. д.

Таково основное содержание закона об аграрной реформе, принятого сеймом 15 июля 1920 г. Он не был по-

---

[1] Обратная сила закона — применение закона к фактам и акциям, имевшим место до его принятия.

следовательным, его внутренние противоречия отражали своеобразие и противоречивость ситуации и напряженность происходившей в стране классовой борьбы. «Его принятие было тесно связано ... с аграрной революцией в России и ее влиянием на Восточную Европу. Только на основе русской революции и аграрных реформ Восточной Европы, на основе послевоенного [революционного] подъема можно понять аграрное законодательство, принятое у нас» [1],— писал В. Студницкий. Этот закон стал основой, на которой в течение пяти лет осуществлялись аграрные преобразования в Польше и в Западной Белоруссии.

Закон об аграрной реформе от 15 июля 1920 г., обнадеживая и обманывая крестьян, защищал интересы помещиков и кулаков. Он спас обширные владения магнатов от конфискации или от принудительного отчуждения в какой-нибудь другой форме.

В то время в Польше было сформировано новое правительство во главе с В. Витосом — лидером кулацкой партии ПСЛ-Пяст [2]. В правительство вошел также социалист И. Дашинский [3]. Господствующие классы использовали их имена для того, чтобы представить народу новое правительство как демократическое, крестьянское и даже социалистическое. Выполняя их социальный заказ, Витос заявил тогда: «Во главе правительства поставлен крестьянин, это свидетельство того, что государство опирается на народ» [4]. Впоследствии Витос признал, что это было далеко не так [5].

Если осенью 1920 г. еще что-то делалось для реализации нового закона, то первая конституция Польской Рес-

---

[1] Wł. Studnicki. Przewroty i reformy agrarne Europy powojennej i Polski, s. 8.

[2] Венцентий Витос выдавал себя за крестьянина и защитника интересов крестьянства. На самом же деле служил польскому буржуазному национализму, буржуазии и помещикам; сам нажился на земельной реформе. Однако чтобы сохранить за собой доверие крестьянства, иногда высказывал радикальные мысли.

[3] Игнатий Дашинский — один из лидеров Польской партии социалистов (ППС).

[4] Wincenty Witos. Wybór pism i mów, s. 156.

[5] Впоследствии Витос говорил, что польские крестьяне «были массой, но никакого веса не имели, составляли большинство польского народа, но не были им, работали, создавая несметные богатства, только не для себя, проливали кровь за родину, не зная ее и не признанные ею. Вместо заслуженного признания встречали гордость и ненависть. Сидели в пекле, называвшемся шляхетской неволей». (Wincenty Witos. Wybór pism i mów, s. 296—297).

публики, принятая 17 марта 1921 г., по существу отменила его. Конституция признавала частную собственность одной из важнейших основ общественного и государственного права и гарантировала ее охрану. Конституция допускала в случаях, предусмотренных законом, отмену или ограничение частной или общественной собственности «в высших интересах» лишь при полной ее компенсации [1]. Тем самым был подтвержден основной принцип эксплуататорского общества — частная собственность священна и неприкосновенна.

Верховный суд республики на основании конституции аннулировал постановления земельных органов об отчуждении земель в имениях при неполной компенсации их стоимости в сравнении с рыночными ценами. «Все постановления земельных управлений об отчуждении земель Верховный суд квалифицировал, как неконституционные» [2]. Принудительный выкуп земель по существу не допускался.

Осенью была закончена война, 12 октября 1920 г. подписан договор о перемирии и о прелиминарных условиях мира. Польша вступила в полосу мирного развития. Господствующие классы и правительство готовились к колонизации завоеванных на востоке земель. С этой целью 17 декабря 1920 г. был принят закон об осадничестве [3]. Он делился на две части, дополнявшие друг друга и составлявшие единство. Первая из них устанавливала порядок наделения землей добровольцев и заслуженных солдат польской армии; вторая создавала особый фонд из земельных площадей, расположенных на восточных окраинах и предназначавшихся для расселения военных осадников.

Отдельной статьей закон передавал в государственный фонд частновладельческие земли, оставленные хозяевами, при условии, если владельцы не возвратятся на свои наделы к 1 апреля 1921 г. Это было направлено против беженцев, оказавшихся на советской территории. В момент принятия закона существовало лишь состояние перемирия между Польшей и Советской Россией, мирный договор еще отсутствовал, условия обмена гражданами

---

[1] Конституция РП, ст. 99; Rocznik polityczny i gospodarczy, 1932, s. 134.

[2] «Słowo», 1923, 27.II.

[3] Dziennik ustaw RP, 1921, s. 38—42.

между двумя государствами только обсуждались. Эти проблемы могли быть решены только мирным договором. Но мирный договор, подписанный 18 марта, был ратифицирован и вошел в силу лишь в мае 1921 г. Таким образом, к 1 апреля 1921 г. люди никак не могли вернуться домой.

Сотни тысяч наделов беженцев и солдат могли составить огромный земельный фонд в руках правительства. Можно было думать, что и помещичьи имения, покинутые хозяевами, перейдут в государственный фонд, если их владельцы не возвратятся к 1 апреля 1921 г. Но о них в законе содержалась особая оговорка, гласившая, что если владельцы не могли возвратиться по причине интернирования или были вывезены непольскими властями, то им должна быть предоставлена возможность сохранения одного имения до 400 га земли [1]. Помещикам, возвращавшимся с опозданием, нетрудно было доказать, что они имеют право на сохранение имений.

В законе говорилось о бесплатном наделении землей солдат польской армии. Но в распоряжении от 23 марта 1921 г. председателя Главного земельного управления разъяснялось, кого следовало считать солдатом польской армии. Это рядовые, сержанты, офицеры и приравненные к ним служащие армии и подразделений добровольцев (ополченцев), которые несли военную службу не менее четырех месяцев [2]. Под это определение подходили все военнослужащие, включая генералов.

В законе было сказано: «От приобретения земли отстраняются солдаты: а) наказанные за преступления против вооруженных сил Польского государства... б) которые самовольно брали в пользование чужие земли» [3]. Речь по существу шла о белорусах, украинцах и поляках (особенно живших восточнее Варшавы). Они подходили под все негативные статьи польского законодательства. Ведь они боролись против классового угнетения, содействовали успехам Красной Армии, участвовали в разделе господских земель.

Таково было основное содержание законов о земельной реформе, принятых в 1919 и 1920 гг. Они предотвратили аграрную революцию, спасли помещичью землю от конфискации и перехода в руки трудящегося крестьян-

---

[1] Dziennik ustaw RP, 1921, s. 38.
[2] Там же, стр. 404.
[3] Там же.

ства. Намеченный ими путь общественно-экономических преобразований в деревне не затрагивал основ шляхетского землевладения и не ломал существовавших полуфеодальных производственных отношений. Хотя принятые законы покровительствовали крупным специализированным интенсивным хозяйствам, но в общем не стимулировали перехода дворянских имений к более прогрессивным формам организации труда и производства, к дальнейшему внедрению капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве. То была победа земельных магнатов и всех консервативных сил. Дальнейшее законодательство закрепило реакционный курс в аграрной политике правящих классов. Аграрные преобразования по существу свелись к насаждению осадничества, распродаже государственных земельных фондов и худших помещичьих земель. Они вызвали ажиотаж и спекуляцию, подняли цены на землю и создали условия для дальнейшего обогащения крупных земельных собственников.

Широко разрекламированная аграрная реформа в Польше не представляла собой революционный акт или шаг вперед по пути прогрессивного исторического развития, по пути демократизации землевладения. Напротив, она явилась победой реакции и контрреволюции, мерой, направленной на то, чтобы задержать естественный ход истории. От нее нечего было ждать трудовому крестьянству. Она вырабатывалась и проводилась польской буржуазией и помещиками в своих классовых интересах и преследовала цели: а) при всех условиях любой ценой сохранить помещичье землевладение; б) превратить Западную Белоруссию и Западную Украину в колонии Польши; в) предотвратить аграрную революцию в стране.

Правительственная газета «Жечпосполита» писала: «Национальное значение аграрной политики должно базироваться на создании и поддержке образцовых — средних и крупных — хозяйств, чтобы они влияли на местное население как очаги национальной и хозяйственной культуры. Следует стремиться к поднятию интенсивности хозяйств, чтобы дать возможность наплыва на кресы сельских работников из южных районов Польши» [1]. О наделении землей крестьян не было и мысли.

---

[1] «Rzeczpospolita», 1924, 2.VI.

С окончанием войны с Советской Россией помещики укрепились у власти, почувствовали себя хозяевами положения и начали выступать против всякой аграрной реформы. В сейме и министерствах, в местных административных органах и судах они саботировали выполнение законов, за которые сами голосовали в момент опасности.

Реформа имела следующие главные аспекты: насаждение осадничества, ликвидация сервитутов, хуторизация и парцелляция.

2. НАСАЖДЕНИЕ ОСАДНИЧЕСТВА

С принятием закона от 17 декабря 1920 г. об осадничестве польские власти сразу приступили к расселению на территории Западной Белоруссии и Западной Украины военных и гражданских колонистов. Началась полоса энергичного освоения завоеванных земель. Польские колонизаторы понимали, что нельзя закрепить за собой аннексированные области, если не заселить их поляками из центральных воеводств страны. От первых до последних дней своего господства на захваченных землях они руководствовались империалистическими интересами, которые один из их генералов излагал в следующих выражениях.

«Мы должны себе ясно ответить — вести ли нам дальше борьбу за эту землю или отказаться от нее... Если избираем первое, то мы должны укрепить на ней польский элемент любой ценой... Наиболее решительным и устойчивым элементом является сельский осадник. Кто сядет на землю, того никто не сдвинет. Необходимо как можно больше осадников отбирать из глубины страны. Надо одновременно создавать сильные объединения из обеспеченных людей, долженствующие противостоять национальному движению и коммунистическим лозунгам... На окраинах синонимом польскости является католицизм... Польская культура должна господствовать на северо-восточных окраинах...» [1]

---

[1] Из речи генерала Ярнушкевича, начальника IX земельного округа, на конференции воевод и начальников земельных отделов 24.IV. 1937 г. в Гродно. (ГАБО, ф. 28, с/р-1, оп. 8, д. 1091, лл. 4—5).

Для осуществления этой программы была создана специальная полувоенная и полугражданская организация «Союз бывших защитников восточных окраин», впоследствии переименованная в «Союз осадников». В члены союза принимались демобилизованные из армии солдаты и вышедшие в отставку офицеры. Офицерами польской армии были преимущественно сыновья помещиков и буржуазии, унтер-офицерами — выходцы из мелкой шляхты, кулачества и других так называемых средних слоев населения, солдаты рекрутировались главным образом из крестьян. Армейские отставники и демобилизованные солдаты, получившие земли на восточных окраинах, составили группу военных осадников.

План колонизации разрабатывался военным министерством, реализация его была возложена на специально учрежденную комиссию из представителей министерств: военного, финансов, земледелия и аграрных реформ [1]. Она осуществляла общее руководство колонизацией. В уездах были созданы комитеты, которые принимали землю из государственного фонда и наделяли ею осадников (надавчие комитеты). Отбором кандидатов для наделения землей занимались военные ведомства (квалификационные комиссии в уездах). При отборе кандидатов для наделения землей учитывали армейские заслуги, политическую благонадежность и не принимали в расчет способностей и наклонностей отобранных кандидатов к земледелию, не интересовались их знаниями и опытом в сельском хозяйстве. Осада (отруб) была лишь наградой за верную службу в польской армии и приманкой для расселения демобилизованных солдат и отставников-офицеров на завоеванных белорусских и украинских землях.

С помощью осадничества господствующие классы рассчитывали достичь нескольких целей.

1. Облегчить мобилизацию молодежи в польскую армию. (Военнослужащим открывалась перспектива получить наделы и стать хозяевами на завоеванных землях).

2. Колонизовать аннексированные области польскими элементами и создать условия для ассимиляции белорусского и украинского населения поляками. Превратить

---

[1] Созданное в 1919 г. Главное земельное управление в 1923 г. было преобразовано в министерство аграрных реформ.

Западную Белоруссию и другие завоеванные земли в провинции Польши и навсегда закрепить их за польским капиталом.

3. Путем переселения на восток жителей коренной Польши уменьшить земельный голод в центральных воеводствах страны.

4. Поддержать и укрепить крупное землевладение, усилить экономические позиции финансового капитала в сельском хозяйстве на востоке.

5. В лице осадников создать опору буржуазному национализму в завоеванных землях, держать под постоянным надзором и в повиновении польским властям белорусское и украинское население.

6. Сконцентрировать на широкой полосе вдоль советской границы антисоветские элементы, которые в надлежащий момент можно использовать в войне против Советской власти.

На завоеванные земли посылались и гражданские поселенцы польского происхождения.

Аграрные преобразования и деятельность созданных земельных органов в Западной Белоруссии свелись лишь к наделению землей осадников. Это подтверждал председатель Новогрудского окружного земельного управления, говоря: «Первоначально вся деятельность земельного управления была сконцентрирована исключительно на обеспечении землей военного осадничества» [1].

В верхах обсуждался вопрос о том, как целесообразнее расселять осадников — хуторами или колониями, в глухих местах или вблизи городов и населенных пунктов. Новогрудская администрация считала, что «со стратегической точки зрения осадников следовало бы сажать вдоль важнейших коммуникаций, имеющих стратегическое значение» [2]. Практически они расселялись повсеместно.

Осадники наделялись землей в соответствии с воинским званием, а чаще всего в зависимости от родственных связей, знакомств с высокопоставленными чиновниками. Процветали взяточничество и коррупция. Колонистам нарезалось по 10, 30, 50 и более гектаров земли. По общему правилу полковникам давалось 30 га, капита-

---

[1] ГАБО, ф. 662, оп. 3, д. 7, л. 726.

[2] Там же, л. 727.

нам — 20, поручикам — 15, рядовым солдатам — 9—10 га земли [1].

Осадникам оказывалась всяческая помощь, выдавались пособия, выделялись кредиты и предоставлялись разные льготы. В государственном сельскохозяйственном банке был создан фонд долгосрочных кредитов. «На восточных землях, — писал министр аграрных реформ В. Станевич,— ими пользовались главным образом военные осадники» [2]. Иначе не могло и быть. При проведении аграрных реформ насаждение осадничества было главной заботой правительства. «Государство помогает осаднику, дает ему большие займы, по 10 тыс. и более...» [3] Для возведения построек им бесплатно отпускался лес (по 80 м³) и другие строительные материалы — кирпич, цемент, железо, стекло и т. д. [4] Они освобождались от налогов и пользовались всякими другими льготами.

Селились осадники, как правило, отдельными хуторами, но иногда получали отруба вместе и создавали колонии. Были случаи, когда им отдавали целые имения с постройками, садами и другими материальными ценностями.

На места своего поселения осадники ехали с оружием. Все знали, что «у них есть полное вооружение: винтовки, браунинги, бомбы и даже пулеметы» [5].

В волостях и уездах осадники объединялись в воинские формирования, возглавляемые кадровыми офицерами. В некоторых местах из них создавались даже подразделения по родам войск. В осадничьи отряды включались и гражданские лица — государственные служащие волостных и уездных учреждений, лесная охрана и т. д.[6] В этих формированиях регулярно проводились военные тактические учения и упражнения в стрельбе. «Союз осад-

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 373.

[2] W. Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie. Warszawa, 1928, s. 184.

[3] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 69.

[4] Cz. Madajczyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 174.

[5] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 349.

[6] Там же, л. 69.

ников» развертывал свою деятельность под руководством генерального штаба польской армии. Его подразделения на местах были связаны с расквартированными там воинскими частями, с полицией, дефензивой и действовали заодно с ними. На местные организации осадников возлагались чисто военные задачи — обеспечение мобилизации и рекрутирование добровольцев в армию, содействие местным гарнизонам в охране железных дорог, мостов, линий связи и других государственных объектов. Осадники участвовали в облавах на партизан, в карательных отрядах и в кровавых экзекуциях крестьян, выполняли функции администраторов и жандармов, выколачивали налоги и недоимки, производили обыски и аресты. Они являлись агентурой дефензивы, вели шпионскую разведку среди местных жителей, постоянно держали своих соседей-крестьян под страхом доноса, ареста и расправы.

Вместе с полицией осадники разгоняли митинги и собрания, созывавшиеся белорусскими депутатами сейма. Так, 6 мая 1924 г. ими был сорван митинг в Пружанах [1], 8 мая — в Долгинове [2], где собиралось более чем по две тысячи человек, 25 мая — опять в Пружанах [3] и др.

Осадники безнаказанно убивали людей и делали все, чтобы унизить и оскорбить национальное достоинство белорусов и украинцев. Они призваны были также охранять восточные окраины от проникновения и влияния идей большевизма, следить за населением, оружием поддерживать «порядок» и способствовать удержанию восточных окраин в составе буржуазно-помещичьей Польши.

В литературе военное осадничество довольно часто называлось казачеством. Феликс Кон писал, что «осадник — это военный колонист, поселяемый правительством на восточных окраинах... Осадник представляет собой по своим задачам род скрытой, пограничной стражи, с одной стороны, и военно-политическую опору власти среди враждебного населения покоренных земель — с другой. Поэтому польские осадники несколько напоминают собой военных поселенцев старой России, которая заселя-

---

[1] Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922—1926, стар. 92.

[2] Там же, стр. 95.

[3] Там же, стр. 157.

ла их на завоеванных окраинах юга и востока и из которых образовалось впоследствии казачество»[1].

На III съезде Компартии Польши в апреле 1925 г. так говорилось о политике насаждения военного и гражданского осадничества на завоеванных польским капиталом землях: «При разделе имений местные крестьяне исключаются, а наделы отдаются офицерам и солдатам (военные осадники), колонистам-крестьянам, которые переселяются из коренной Польши. Это делается для того, чтобы колонизовать местное белорусское и украинское население, чтобы окружить [барские] усадьбы колониями вооруженных осадников, которые являлись бы земельным магнатам защитой от ненависти местных крестьян. Польские осадники-колонисты являются орудием в руках помещиков и правительства для угнетения местных крестьян»[2].

В правительстве и особенно в сферах авантюристической военщины при принятии закона об осадничестве немаловажную роль играли соображения личной наживы. Закон был использован многими влиятельными лицами для собственного обогащения. При наделении землей солдат и офицеров приобрели себе имения министры, высшие государственные чиновники, генералы и их родственники. Так, по закону от 17 декабря 1920 г. получили землю бывший председатель Главного земельного управления Немирич, генерал Сикорский, Довбор-Мусницкий и многие другие. Генерал Желиговский, в свое время захвативший Виленщину, приобрел крупные имения в нескольких уездах[3]. Присвоили земли приближенные Пилсудского — Косцялковский и Пристор[4] и многие другие. Наконец, самому Пилсудскому как «первому солдату возрожденной Польши» магнаты преподнесли имение «Святники» на Виленщине[5]. Среди военных осадников было 59% офицеров и 41% солдат[6].

---

[1] Ф. Кон. Западная Белоруссия — колония панской Польши. М., 1928, стр. 11.

[2] Пастановы III з'езда Камуністычнай партыі Польшчы. Вільня, 1925, стар. 44.

[3] А. Романский. Очерки современной Польши. М., 1926, стр. 174.

[4] Cz. Madajczyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 174.

[5] «Сялянская праўда», 1924, 22.X; «Сцяг», 1923, 19.VIII.

[6] Cz. Madajczyk. Burzuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 174.

Сколько же военных колонистов получили наделы на территории Западной Белоруссии? Так как осадничество являлось одним из военно-политических мероприятий и информация о нем была секретной, то в официальной польской статистике данные о нем очень скудны. Сведения же из других источников противоречивы. Уже в начале 1923 г. для осадников было выделено земли в Новогрудском воеводстве 80 тыс. га, на Полесье 128 тыс., в Волковысском уезде 6,5 тыс., на Гродненщине 8 тыс. га[1]. В каждом уезде для расселения колонистов создавались земельные фонды. На первых порах в Лидском уезде для них выделили 10 тыс. га, Новогрудском — 9 тыс., Столбцовском — 3,5 тыс., Дуниловичском — 7,5 тыс., Дисненском — 9 тыс.[2], Барановичском — 2,9 тыс.[3], Брестском—6 тыс., Пружанском — 5,5 тыс., Дрогиченском — 8 тыс., Кобринском — 6 тыс., Коссовском — 10 тыс. га[4]. К 1 января 1923 г. в Новогрудском воеводстве были расселены 2468 осадников, а в Полесском — 991[5].

На состоявшемся в декабре 1927 г. съезде союза осадников министр аграрных реформ В. Станевич сообщил, что к тому времени было расселено 7,5 тыс. осадников[6]. Феликс Кон, ссылаясь на материалы того же съезда, опубликованные в печати, считал близким к истине количество осадников 13 тыс. человек[7]. Однако осадники насаждались не только в Западной Белоруссии, но и в Западной Украине, в Верхней Силезии и на Поморье. Упомянутые цифры относятся к четырем названным районам.

Землю осадники брали охотно, но работать на ней не хотели. Даже газета «Жечпосполита» писала, что «очень значительный процент осадников после получения земли или отказывается от нее, или отдает на обработку окру-

---

[1] «Звезда», 1923, 30.III.

[2] Там же.

[3] Государственный архив Гродненской области (ГАГО), ф. 550, оп. 1, д. 7, л. 2.

[4] «Звезда», 1923, 30.III.

[5] Tablice statystyczne Polski, 1923, s. 49.

[6] W. Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 162.

[7] Ф. Кон. Западная Белоруссия — колония панской Польши, стр. 11. Количество осадников в 13 тыс. называли тогда и польские газеты («Dziennik wileński», 1926, 6.II).

жающим крестьянам»[1]. Немного было из них таких, которые сами ходили за плугом[2].

Министры и генералы, захватившие имения, держали управляющих и вели хозяйство, как все помещики. Майоры и поручики не могли нанимать управляющих для своих хозяйств. Они отдавали землю на обработку местным жителям за половину или большую часть урожая и получали нетрудовые доходы от эксплуатации сельского населения. Почти все осадники находились на правительственной службе или занимались торговлей, получали жалованье или побочную прибыль.

Белорусский депутат П. Метла говорил в польском сейме: «В большинстве случаев военный осадник стал рантье, который, получая вознаграждение за «работу» в дефензиве, дополняет свой доход тем, что обирает белорусского крестьянина, присваивает себе плод его труда на земле, отнятой у него же»[3]. П. Метла вскрывал двойную эксплуатацию сельских тружеников завоевателями: «Половину своего труда крестьянин отдает осаднику, и, кроме того, он должен еще платить налоги, от которых осадник освобожден. Но с этих оплаченных крестьянином налогов значительная часть идет опять в карманы осадников или в виде государственной помощи, или в форме постоянного жалованья за работу в местных правительственных учреждениях»[4].

Осадники, как правило, имели три источника наживы: государственную помощь и кредиты, арендную плату за землю, отдаваемую крестьянам на обработку, и жалованье за сотрудничество в дефензиве или в другом учреждении. Многие колонисты возвели хорошие дома, просторные амбары и скотные сараи, обзавелись сельскохозяйственными машинами[5]. Их хозяйства процветали и выделялись своей благоустроенностью на фоне разоренных и обнищавших белорусских деревень.

Некоторые осадники, получив землю и кредиты, использовали средства в других целях, а землю оставили.

---

[1] «Rzeczpospolita», 1925, 6.II.

[2] Rocznik Ziem Wschodnich i kalendarz na rok 1927. Warszawa, 1927, s. 167.

[3] Бюлетэнь сеймавага клуба БСРГ, 1925, № 2.

[4] Там же.

[5] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 68.

Таких было около 16%[1]. Оставленные участки иногда передавались русским белогвардейцам и другим контрреволюционерам опять же на льготных условиях и с предоставлением помощи, кредитов и т. д. Русские белогвардейцы составляли 9,7% военных осадников[2].

Военные колонисты не оправдали тех надежд, которые возлагали на них господствующие классы Польши. В своем выступлении в сейме 4 июля 1925 г. П. Метла так характеризовал моральный облик осадников: «Пьянство, распутство, вообще аморальное поведение, желание выжать как можно больше дохода с земли, на которой трудится, только не для себя, а для них, тот же белорусский крестьянин, — вот характерные черты «вольных носителей европейской культуры»[3]. Они не могли оказывать благотворного влияния на белорусскую деревню.

Вытесняя коренных жителей, колонисты овладевали лучшими угодьями. До 1924 г. у крестьян Западной Белоруссии было отнято свыше восьми тысяч наделов[4]. Осадничество усиливало земельный голод, увеличивало количество сельского пролетариата и обостряло аграрную проблему.

«Большая часть земель,— говорил коммунистический депутат сейма Альфред Федеркевич, — отдана там офицерам высших рангов — генералам, полковникам, майорам, и там, где ранее сидел один помещик, сегодня земля разделена между десятью помещиками и каждый из господ генералов или полковников отдал те земли в аренду, и арендаторы работают на них»[5].

Осадники являлись польскими националистами, их отношение к белорусскому населению было глубоко враждебным. Местные жители видели в них угнетателей, носителей польского великодержавного шовинизма, опору реакционного режима, шпионов, следивших за каждым шагом соседей и доносивших о них в дефензиву. Таким образом, аграрный вопрос тесно переплетался с национальным и превращался в неразрешимую в условиях ка-

---

[1] Tablice statystyczne Polski, 1923, s. 49.

[2] Cz. Madajczyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 174.

[3] Бюлетэнь сеймавага клуба БСРГ, 1925, № 2.

[4] Из заявления белорусского эмигрантского «правительства» А. Цьвикевича Лиге наций («Słowo», 1924, 29.II).

[5] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 113.

питализма политическую проблему. Осадники снискали себе глубокую и непримиримую ненависть белорусского крестьянства. «Отношение осадников к деревенскому населению недоброжелательное, — отмечалось на I съезде КПЗБ.— Такое же отношение крестьян к осадникам» [1]. Местная администрация докладывала по инстанциям о том, что жители «к правительственным законам относятся с недоверием, как будто они совершенно их не касаются, будь то конституция или закон об аграрной реформе. На военное осадничество крестьяне смотрят чрезвычайно враждебно» [2].

То же самое свидетельствовал председатель новогрудского земельного управления на съезде уездных старост. «О потребностях местных жителей полностью забывалось, вследствие этого их отношение к осадникам было враждебное»[3]. Не мог скрыть своей досады и раздражения и идеолог польского буржуазного национализма В. Студницкий, когда писал: «Наши военные осадники не слились с крестьянами и рассматриваются населением как грабители, как чужеродное тело среди местных жителей...»[4] Бывший волынский воевода Ст. Сроковский признавал, что местные жители ненавидели осадников: «Отношение к колонистам со стороны местного населения непримиримо враждебное» [5].

Иначе быть не могло. Местные крестьяне бедствовали от недостатка земли, веками боролись за нее. После принятия аграрного законодательства, когда, казалось, возможность дополнить маленький отцовский надел была так близка, появился пришлый генерал или майор и, забрав землю, оставил крестьян оскорбленными в их лучших надеждах. Альфред Федеркевич так разъяснял это в своем выступлении в сейме: «Эти люди с момента, когда приехали туда, стали элементом, который Польше не помогает... Надо понять, что если крестьянин имеет 2—3 моргена земли и в течение многих лет с жаждой ждет ее, а те, прибыв издалека, забирают ее у него из-под носа,

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 373.

[2] ГАБО, ф. р-67, оп. 1, д. 11, л. 23.

[3] ГАБО, ф. 662, оп. 3, д. 7, л. 726.

[4] Wł. Studnicki. Przewroty i reformy agrarne Europy powojennej i Polski, s. 259.

[5] St. Srokowski. Uwagi o Kresach Wschodnich. Kraków, 1925, s. 19.

то если бы даже белорусский крестьянин был святым... он взбунтовался бы» [1].

Существовали также острые противоречия между осадниками и крупными землевладельцами, в первую очередь между осадниками и кулаками. Местный кулак стремился к тому, чтобы самому стать хозяином положения в деревне и прибрать к своим рукам побольше земли. Но непрошенные пришельцы становились ему поперек дороги, захватывали лучшие угодья. Это вызывало вражду и борьбу между соперниками.

Осадников не любили и местные помещики. Там, где ранее они одни господствовали, появились конкуренты. Где раньше грабил людей один барин, появились десять стяжателей. Это не нравилось «кресовым зубрам». К тому же они видели, что осадники, вызывая всеобщую ненависть населения, подрывают устои «польской государственности» и позиции помещиков на окраинах. На состоявшемся в феврале 1923 г. съезде помещиков в Вильно была принята резолюция, в которой, между прочим, говорилось, что «закон о военном осадничестве вреден для государства, противоречит конституции, компрометирует польскую колонизационную политику с хозяйственной и политической точки зрения» [2].

Помещичья газета «Слово» те же самые мысли высказывала более резко: «Военное осадничество—это аракчеевщина двадцатого века, будучи бедствием нашего края, сегодня принесло нам неисчислимый вред с государственной и национальной точек зрения» [3]. Министр аграрных реформ В. Станевич сам имел поместья на Виленщине, поэтому разделял эту точку зрения. В 1926 г. он открыто выступил в ее поддержку, говоря: «Я вынужден заявить, что не являюсь сторонником продолжения военного осадничества на просторах восточных земель без надлежащего учета нужд местного крестьянства» [4].

Наделение землей и обогащение бывших легионеров усиливало классовое расслоение в среде землевладельцев и способствовало развитию классовой борьбы в деревне.

---

[1] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 114.

[2] «Słowo», 1923, 13.II.

[3] «Słowo», 1923, 27.II.

[4] W. Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 23.

Военные поселенцы не явились ассимилирующей силой по отношению к местному населению и не могли быть таковой хотя бы по причине их ничтожного меньшинства. Они не смогли ужиться не только с местным населением, но и с гражданскими осадниками, приехавшими из западных районов Польши на «освоение» завоеванных земель. Ст. Сроковский поведал о том, что военные осадники по отношению «к польским гражданским осадникам держатся особняком. Подчеркивая свой военный характер, представляет себя каким-то привилегированным казачеством» [1]. Как всегда бывает при дележе награбленного имущества, между грабителями появляется взаимная неприязнь. Одни из них получили по 45 га, а другие— по 10 га земли. Как же тут не будет вражды? «Благодаря довольно многочисленным 45-гектарным так называемым образцовым участкам, принадлежавшим, как правило, офицерам и создававшим резкий контраст с обыкновенными 10—20-гектарными, осадники даже между собой не были солидарны» [2]. Ст. Сроковский говорил также, что солдаты, как и крестьяне, не могли брать пример с офицеров, которые в большинстве случаев земледелием не занимались. Сдав свою землю в аренду крестьянам за третий сноп, офицеры продолжали военную службу, занимали административные должности в местных органах самоуправления или торговали.

В общественном мнении начала появляться оппозиция идее дальнейшего насаждения военного осадничества. В одном из отчетов местной администрации говорилось: «Военное осадничество полностью утратило свое влияние на белорусских землях и оказалось отстраненным от своего руководящего положения в хозяйственной жизни» [3]. Далее в том же документе утверждалось, что контингент осадников плохо подобран и что они приносят «больше вреда, чем пользы» [4]. Эту мысль подтверждал и Константин Сроковский. «Если культурная и государственная польза от военного осадничества сомнительна, — писал он, — то совершенно несомненен факт, что осадничество в высшей степени возмущает белорусское население и укрепляет его антипольские и антигосударственные настрое-

[1] St. Srokowski. Uwagi o Kresach Wschodnich, s. 12.
[2] Там же.
[3] ГАБО, ф. 67, оп. 1, д. 1211, л. 9.
[4] Там же.

ния»[1]. В другом месте книги автор говорил, что если «польское общественное мнение о военном осадничестве и осадниках разделилось, то среди белорусского населения оно едино. Это население ненавидит осадничество, видя в нем ярчайшее выражение угнетения и кривды»[2]. Автор пришел к заключению, что «военное осадничество в высшей степени обманывает возложенные на него национально-политические надежды»[3]. Так обанкротилась идея насаждения военного осадничества на завоеванных землях. Осадничество не оправдывало себя. Оно действовало скорее в противовес политике польских националистов.

К тому же добровольцы и «заслуженные солдаты», шедшие в период интервенции на завоевание белорусских и украинских земель, получили обещанные наделы и разъехались по хуторам. Контингент лиц, имевших право на получение осад, иссякал. Субсидирование новых категорий привилегированных землевладельцев отяжеляло бюджет. Поэтому с течением времени военное осадничество все более сокращалось. Его заменяли гражданские колонисты. Они были менее заметны и не вызывали такого возмущения местного населения, как военные поселенцы. Но, разумеется, и гражданские колонисты призваны были выполнять те же задачи, которые возлагались на военных осадников. Цели оставались прежние. Менялись лишь пути их достижения.

3. ЛИКВИДАЦИЯ СЕРВИТУТОВ

Одним из пережитков феодализма в Западной Белоруссии было наличие огромного количества сервитутов. Сервитут в землевладении — это принадлежащее двум или нескольким лицам право на совместное пользование определенным земельным участком. Практически это право помещика и крестьян сообща использовать некоторые угодья под пастбища, выгоны и т. д.

---

[1] Konst. Srokowski. Sprawa narodowościowa na Kresach Wschodnich. Kraków, 1924, s. 20. По заданию премьер-министра генерала Владислава Сикорского Константин Сроковский изучал положение дел на завоеванных землях. Результат исследования — названная книга.

[2] Там же, стр. 19—20.

[3] Там же.

Своими корнями сервитуты уходят в далекое прошлое. В давние времена, когда не было частной собственности на землю, крестьяне могли выбирать себе участки для обработки. Скот свободно ходил по лугам и лесам.

Но с течением времени отношения между людьми менялись. Нарождался класс феодалов, присваивавший себе земли и леса. Земля превращалась в собственность небольшого, но сильного меньшинства. Феодалы прибирали к своим рукам не только землю, но и работавших на ней людей. Начинался процесс закрепощения сельских жителей, трудившихся на полях. Крепостным крестьянам оставляли по небольшому участку земли, чтобы они могли кое-как кормить свои семьи. Пастбища для их скота не выделялись. Считалось, что крестьянский скот может ходить по тем же угодьям, где паслось помещичье стадо. Так появлялись земли, которыми совместно пользовались помещики и крестьяне.

В 1847 г. в западных губерниях России были введены так называемые «инвентарные правила», усилившие зависимость крестьян от помещиков, утвердившие крепостнические отношения в белорусской деревне и узаконившие лишение земли тех, кто на ней работал. По помещичьим имениям составлялись так называемые «инвентари», куда вписывались площади, используемые непосредственно дворянами, и урочища, находившиеся в пользовании крепостных. К таким «инвентарям» иногда прикладывались даже карты, отображавшие разграничение землепользования помещиков и крестьян.

После отмены крепостного права дворянские комитеты занимались размежеванием угодий между помещиками и крестьянами. За основу размежевания земель принимались «инвентари», но в них было внесено множество изменений, допущена масса нарушений и отступлений в пользу крепостников. От крестьян отбирались лучшие земли в пользу господ. Так возникли «отрезки», представлявшие собой массивы земель, отнятые дворянами от их исконных владельцев.

Дворянские комитеты понимали, что для дальнейшего систематического грабежа сельского населения его надо оставить платежеспособным, иначе с него ничего не возьмешь. Поэтому крестьянам оставлялся минимум земли, на котором они могли вести кое-какое хозяйство, существовать впроголодь и изыскивать средства, чтобы вносить

очередные выкупные платежи. Во многих случаях они имели право пользоваться отнятыми у них выгонами, пасти скот на перешедших к помещикам лугах, в лесах и т. д. Так появились сервитуты как результат неурегулированности отношений земельной собственности, отсутствия окончательного размежевания помещичьих и крестьянских угодий и как живой остаток крепостничества в землевладении.

В. И. Ленин так оценивал сервитуты: «Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели, таким образом, возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков» [1].

Журнал «Русская мысль» сообщал в конце прошлого столетия, что «в Минской губернии, особенно в полесской ее части... не сделано точного указания ни границы, ни пространства, ни даже местностей, обремененных крестьянскими сервитутами» [2].

Новое размежевание земель между помещиками и крестьянами закреплялось так называемыми люстрационными актами, к которым иногда прикладывались планы барских и крестьянских полей. В эти акты вписывались и сервитуты. Если между крестьянами и помещиками возникали споры, дела рассматривались в административных и судебных органах. При этом уточнялись межи, составлялись акты проверочных комиссий, вводные акты мировых посредников, решения губернских присутствий по крестьянским делам и приговоры судов. Они подшивались к люстрационным книгам и выдавались на руки заинтересованным сторонам. Так появлялись документы, закреплявшие право крестьян на пользование сервитутами.

Сервитуты были весьма существенным подспорьем для страдавших от безземелья крестьян. В русской экономической литературе отмечалось, что с ликвидацией сервитутов поголовье крестьянского скота уменьшалось. «Самая главная выгода сервитутного права заключает-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 186.

[2] «Русская мысль», 1899, № IX, стр. 35. При царизме Полесье входило в состав Минской губернии.

ся, по мнению Минского крестьянского присутствия, в том, что оно дает возможность увеличивать скотоводство, составляющее главную отрасль сельского хозяйства» [1].

Поэтому сервитуты являлись предметом постоянных споров и бесконечных судебных тяжб между крепостниками и земледельцами. Встречались случаи, когда на определенных участках земли трава принадлежала крестьянам, а растущие деревья оставались собственностью барина. Если бы помещик вырубил лес, то он потерял бы право на соответствующий участок. Чтобы сохранить право на землю, дворяне из поколения в поколение искусственно поддерживали на сервитутных землях лес (или его подобие). Иногда жителям села принадлежало право сбора хвороста, грибов, ягод в помещичьем лесу. В. И. Ленин характеризовал такие отношения между помещиком и крестьянами как «остатки крепостного права, уцелевшие в отдельных местностях государства (сервитуты, незаконченные выделы земли и размежевание и проч. и т. п.)» [2]. Среди губерний и территорий, где такие остатки крепостничества сохранились, он называл и Западный край [3]. Трудящиеся деревни не прекращали борьбы за отнятые у них земли. Требование возвращения «отрезков» крестьянам вошло в первую программу нашей партии.

В Польше сервитуты существовали только в той ее части, которая ранее входила в состав России. Особенно широкое распространение они получили в Западной Белоруссии.

В статистике отражены некоторые сведения о характере имевшихся в Западной Белоруссии сервитутов и их количественном соотношении.

Таблица 9

Разновидности сервитутов[4], %

Воеводство	Лесные	Выгоны и пастбища	Лесные и пастбищные	Другие
Белостокское	11,1	54,0	33,7	1,2
Виленское	23,2	55,9	20,3	0,6
Новогрудское	25,4	56,2	14,9	3,5
Полесское	13,2	68,1	18,6	0,1

[1] «Русская мысль», 1899, № VII, стр. 216.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 325.
[3] Там же, стр. 308.
[4] Wielka własność rolna, s. XV.

Сервитутные земли в основном представляли собой выгоны и пастбища. «Сервитуты дали крестьянам возможность держать количество скота больше против того, какое они могли бы держать, пользуясь одними только надельными землями» [1], — утверждали русские аграрники еще в прошлом столетии.

Таблица 10

Наличие сервитутов (по данным переписи 1921 г.)[2]

Воеводство	Число имений, владевших сервитутами	Число крестьянских дворов, пользовавшихся сервитутами				
		лесными	пастбищными	лесными и пастбищными	другими	всего
Белостокское	202	524	2550	1594	58	4726
Виленское	230	2226	5374	1949	58	9607
Новогрудское	186	2350	5201	1383	321	9255
Полесское	148	2895	14995	4089	28	22007
Всего	766	7995	28120	9015	465	45595

Сведения о сервитутах при проведении переписи в 1921 г. сообщили 766 помещиков. Многие из них дали неполные сведения о своих земельных владениях. Этого не отрицали польские статистические публикации того периода [3]. По данным отчета полесского воеводы, только на Полесье 590 деревень имели сервитутные земли [4]. Там трудовому крестьянству принадлежало 575,4 тыс. га, а сервитуты составляли 1347 тыс. га, т. е. в два с лишним раза большую площадь земли [5]. Это отметил и бывший

---

[1] «Русская мысль», 1899, № VII, стр. 214.

[2] Wielka własność rolna, s. 8. Польский публицист и исследователь аграрных проблем В. Студницкий считал, что в 1913 г. в Виленской губернии было 612, в Гродненской — 382, в Минской — 698 сервитутов. (Władysław Studnicki. Zarys statystyczno-ekonomiczny ziem Północno-Wschodnich. Wilno, 1922, s. 106—107).

[3] «Rolnictwo», 1935, 15 maja, s. 210; 1936, 1 kwietnia, s. 125; 1937, № 88, s. 95. В этих номерах журнала содержатся сведения о ликвидации в Западной Белоруссии около 2500 сервитутов.

[4] ГАБО, ф. р-1, оп. 6, д. 2043, л. 110.

[5] ГАБО, ф. 60, оп. 1, д. 135, л. 33. Цифры относятся ко всему Полесскому воеводству, т. е. с Каменец-Каширским и Сарпенским уездами. На интересующей нас территории Полесья было около 500 сервитутов. Цифра в 1347 тыс. га, вероятно, сильно завышена.

министр аграрных реформ Польши В. Станевич, заявивший, что сервитуты на Полесье составляют «иногда большую часть крестьянских наделов, где пахотные земли крестьян являются только некоторым дополнением к их усадьбам» [1]. Полесье не было исключением. Аналогичное положение наблюдалось и в других воеводствах Западной Белоруссии, что видно из табл. 10. Это подтверждается и статистическими сведениями о количестве ликвидированных сервитутов.

По официальным, заведомо неполным данным, в Белостокском воеводстве сервитуты имели 20,9%, в Виленском — 9,1, Новогрудском — 14,9, Полесском — 17,3% всех крупных хозяйств [2]. Эти цифры не соответствуют действительности, они сильно занижены [3].

По самым осторожным подсчетам получается, что в Западной Белоруссии было не менее полутора миллиона га сервитутных земель. Отсюда следует их важность для крестьянства. «Лишение крестьян возможности пользоваться выпасом скота на владельческих землях... при недостаточности у крестьян под выпас собственной толоки приведет к хозяйственному кризису» [4], — писал русский журнал еще в конце прошлого века.

Помещики изыскивали возможности для захвата сервитутов.

Сервитуты в свое время были узаконены царскими властями, и заинтересованные стороны имели на них соответствующие документы. Но где крестьяне могли хранить такие бумаги в течение многих десятков лет? Скорее всего их брал себе староста (или какое-нибудь другое доверенное лицо) и хранил в сундуке или за иконой, где их съедала пыль и разрушало время. Шли годы, проходили войны, горели деревни, сменялись формации, менялись порядки, отмирали одни и приходили другие поколения людей. Документы крестьян на право пользования сервитутами терялись, становились «пропавшими грамотами». Помещики, применяя всякие махинации и

---

[1] W. Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 20.

[2] Wielka własność rolna, s. XIV.

[3] И. Гольдштейн считал, что в Западной Белоруссии около 71% крестьян имели сервитутные земли. (См. И. Гольдштейн. Аграрные отношения в бывшей Польше. М., 1940, стр. 61).

[4] «Русская мысль», 1899, № VII, стр. 15.

уловки, овладевали сервитутными землями и не допускали на них крестьян. Жители деревень во многих случаях ничем не могли подтвердить своего права на эти земли, кроме ссылок на то, что ими пользовались многие предыдущие поколения земледельцев.

Постоянно между помещиками и крестьянами возникали конфликты, которые «оканчивались в большинстве случаев взысканием с крестьян штрафов в громадных размерах, большею частью для них непосильных и грозящих в будущем совершенным разорением многих хозяйств» [1]. Так было сто лет тому назад в царской России, так было и в буржуазно-шляхетской Польше.

Еще в 1920 г. законодательные органы Польши приняли первые законы о ликвидации сервитутов. Правда, первоначально они касались только центральных воеводств страны. В 1922 г. их действие распространилось на Западную Белоруссию [2]. Ликвидация сервитутов предусматривалась как добровольная, так и принудительная. Но крестьяне не могли добровольно отказаться от выгонов и пастбищ. Поэтому законы предусматривали и меры принуждения; по существу на это они и ориентировались. Магнаты призывали «к максимально быстрейшей ликвидации сервитутов» [3].

Для принудительного отстранения крестьян от пользования угодьями достаточно было заявления одного заинтересованного лица. Таким лицом всегда выступал помещик, по его инициативе сельские жители лишались права пользоваться пастбищами.

Кулаку, стремившемуся к выходу на хутор, ликвидация сервитута была выгодна, так как он при этом получал некоторую компенсацию в виде прирезки к его отрубу. Вот почему секретарь ЦК КПЗБ И. Логинович говорил на I съезде КПЗБ: «Ликвидация сервитутов, которая чрезвычайно желательна для зажиточного крестьянства, безусловно, бьет по самым насущным нуждам крестьянской бедноты и основных масс середнячества, лишая их возможности пользоваться пастбищами, дровами и т. д.» [4]

---

[1] «Русская мысль», 1899, № VIII, стр. 68.

[2] Dziennik ustaw RP, № 10, poz. 65; Dziennik ustaw RP, № 30, poz. 239.

[3] «Słowo», 1923, 13.II.

[4] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 24.

Практически ликвидация сервитутов в Западной Белоруссии осуществлялась лишь методами принуждения. В сеймовой декларации Белорусской крестьянско-рабочей громады говорилось, что помещики «в случаях споров за землю обращаются уже не в суд, как это было принято ранее, а в административные органы. В результате на место конфликта является полиция, велит крестьянам признать справедливыми домогательства помещика... Если же крестьяне не подчиняются приказам, полиция стреляет, бьет, издевается и т. д. Это бесправие в Западной Белоруссии приобретает всеобщий характер, возвращая ее к временам крепостного права» [1]. Всякое сопротивление крестьян квалифицировалось как «бунт» или «тайное собрание», как «плановый подрыв» или «злой умысел» [2]. Любые действия полиции оставались безнаказанными, заведомо оправданными. Лишились сервитутов жители Новой Деревни Негневицкой волости (46 десятин) [3], села Кольчицы Щорсовской волости (96 десятин) [4], деревень Халаймовщина Сверженской волости Столбцовского уезда [5], Юревичи Полонецкой волости Барановичского уезда [6], Заречье Городейской волости Несвижского уезда [7] и многих других деревень.

Белорусский депутат И. Грецкий, разоблачая антинародную сущность аграрной политики господствовавших классов, в своем выступлении в польском сейме говорил: «Тысячами способов и выкрутасов крестьян лишают сервитутов. Предлогом часто служит потеря ими сервитутных документов, выданных царскими властями. Примером могут служить деревни Полочаны, Черепы, Лопинцы и Литва Молодечненского уезда, деревня Ополе Коссовского уезда» [8]. Жители села Беловичи Коссовского уезда вместо отнятого урочища в две тысячи гектаров получили другой участок в 225 га, т. е. в девять раз меньший и

---

[1] Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922—1926, стар. 414.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 29.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 60.

[6] Там же, стр. 61.

[7] Там же, стр. 88.

[8] Речь белорусского депутата И. Грецкого в польском сейме 6.II 1930 г. Z pracy na terenie sejmu Białoruskiego klubu poselskiego chłopsko-robotniczego «Zmaganie». Warszawa, 1930, s.13.

удаленный, ввиду чего они не могли воспользоваться им [1]. Так же были отняты земли в деревнях Хрищановичи и Квасевичи Коссовского уезда [2] и во многих других населенных пунктах.

Ограбленные крестьяне искали защиты у государственных и судебных органов. Но власти и классовый суд всегда становились на сторону помещиков и решали споры в их пользу. «Пастбищные, луговые, лесные сервитуты, выгоны и т. д. стали клином, углубляющим пропасть между крестьянином и помещиком» [3], — признавали польские аграрники. Трудящиеся деревни вступали в борьбу за свои права.

В середине января 1923 г. солтыс Симонюк собрал жителей деревень Анноспаски, Ямница и Хмелище Олтушской волости Брестского уезда и призвал их идти в лес, с давних пор принадлежавший крестьянам, чтобы выгнать из него инженера Май-Мескулова, пытавшегося разными махинациями овладеть этим лесом. За солтысом пошло 35 мужчин. Они выгнали из леса коменданта олтушской полиции Хомяка, инженера Май-Мескулова и рабочих, заявив, что так же, как их отцы, деды и прадеды, считают лес своей собственностью и никому не позволят рубить и продавать его [4].

Помещик Халковский, владелец имения «Чернево», распродавая земли, одновременно продал и сервитут деревни Дорохи Городокской волости Молодечненского уезда. Когда новый хозяин приехал пахать купленную землю, крестьяне не позволили ему этого [5]. Из двух полицейских отделений — Городокского и Кораблянского — были вызваны наряды полиции. Полицейские запугивали жителей, угрожали расправой, арестовывали. Но крестьяне сопротивлялись и земли не уступали. Через два дня новый владелец, сопровождаемый отрядом полицейских, опять появился на участке. На поле вышли старики, женщины и дети. Каратели избивали их и топтали лошадьми,

---

[1] Речь белорусского депутата И. Грецкого в польском сейме 6.II 1930 г. Z pracy na terenie sejmu Białoruskiego klubu poselskiego chłopsko-robotniczego «Zmaganie», s. 13.

[2] Там же.

[3] Wiktor Ormicki. Życie gospodarcze Kresów Wschodnich RP, s. 65.

[4] ГАБО, ф. 93, оп. 1, д. 364, л. 42.

[5] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 7, д. 153, л. 5; «Беларуская справа», 1926, 12.VI.

шесть человек арестовали и отправили в отделение полиции. Борьба продолжалась долго. Сопротивление крестьян было сломлено лишь жестокой полицейской расправой [1].

Коммунистическая партия и некоторые прогрессивные политические деятели выступали в защиту интересов крестьянства и разоблачали грабительскую политику шляхты. Так, белорусский депутат Игнатий Дворчанин заявил в сейме в феврале 1930 г.: «... по прохождении всех судебных инстанций... крестьяне убеждаются, что ворон ворону глаз не выклюет, что фашистские суды защищают помещика, лишая крестьян их вечных прав, признанных даже царскими судами. Примером может служить сервитутный спор деревень Погиры и Крагли Новогрудского уезда с помещиком имения «Жуковщина» [2].

Захват шляхтой сервитутных земель в Западной Белоруссии (кроме Полесья) принял массовый характер в 1924—1926 гг.[3] На Полесье, по официальным данным, этот процесс начался только в 1927 г.

Таблица 11

Ликвидация сервитутов в 1924—1926 гг., га[4]

Воеводство	Число ликвидированных сервитутов	Число пострадавших крестьянских хозяйств	Площадь, полученная взамен ликвидированных сервитутов
Белостокское	4	49	195
Виленское	88	920	3203
Новогрудское	68	1099	4733
Полесское	—	—	—
Всего	160	2068	8131

За три года у крестьян были отняты десятки тысяч гектаров земли. Владельцы имений присваивали массивы лучших, близко расположенных угодий. Иногда они давали крестьянам взамен обрезки непригодных к использованию пустырей на окраинах своих владений.

[1] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 7, д. 153, л. 5; Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922—1926, стар. 402.

[2] Z pracy na terenie sejmu Białoruskiego klubu poselskiego chłopsko-robotniczego «Zmaganie», s. 22.

[3] Kwartalnik statystyczny. 1925, t. II, zesz. 2, s. 269—270.

[4] Kwartalnik statystyczny. 1929, t. VI, zesz. 4, s. 1595—1597.

В дальнейшем процесс шел нарастающими темпами. За 1927 г. было ликвидировано 373 сервитута, или в 2,4 раза больше, чем за все предыдущие годы польского господства, вместе взятые[1]. При этом пострадало более пяти тысяч крестьянских хозяйств.

В табл. 12 приводятся сведения о ликвидации сервитутов за период с 1919 по 1936 г.

Таблица 12

Ликвидация сервитутов в 1919—1936 гг.[2]

Воеводство	Число ликвидированных сервитутов	Число пострадавших хозяйств	Выделено земли взамен сервитута, га
Белостокское	1098	23968	38660
Виленское	1079	24165	29176
Новогрудское	769	42915	46796
Полесское	441	43113	110624
Всего	3387	134161	225256

По далеко не полным данным, не менее 134 160 хозяйств, или 38,5% всех крестьянских дворов, пострадали оттого, что у них отняли право пользования сервитутными землями. На самом деле пострадало гораздо больше земледельцев. К сожалению, в официальной статистике нет точных сведений о площади угодий, отнятых у крестьян. Но эта площадь составляла не менее полутора миллионов гектаров. Взамен ее в качестве компенсации крестьяне получили лишь около 200 тыс. га, т. е. в семь раз меньше. При этом они потеряли не менее 1300 тыс. га сервитутных земель. «Закон о ликвидации сервитутов на восточных землях является вершиной несправедливости. Такой кривды крестьянин давно не знал»[3], — отмечал прогрессивный польский публицист Новак.

---

[1] Kwartalnik statystyczny. 1929, t. VI, zesz. 4, s. 1643—1644.

[2] «Rolnictwo», 1935, 15 maja, s. 210; 1936, 1 kwietnia, s. 125; 1937, № 88, s. 95. Табл. 12 подсчитана на основе приведенных в этих журналах сведений. Там указано, что было ликвидировано 3387 сервитутов. Это относится к четырем воеводствам. В пределах интересующей нас территории Западной Белоруссии их, очевидно, было 2500—3000.

[3] Jerzy Nowak. Krzywda chłopska, szyli o tym jak tumaniono chłopów reformą rolną, s. 21.

Насаждение осадничества и ликвидация сервитутов представляли собой методы прямой, непосредственной экспроприации мелких земельных собственников. Но существовали еще и другие способы разорения крестьянства.

4. ХУТОРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

Одним из аспектов земельной реформы в Польше (и в Западной Белоруссии) явилось расселение деревень на хутора. Такая реорганизация в землеустройстве называлась комасацией [1]. Комасация шла под флагом ликвидации чересполосицы и других земельных неустройств. С экономической точки зрения она представляла собой попытку насаждения фермерских хозяйств по прусскому образцу, создания условий для применения более совершенных форм организации труда, экономного расходования сил и средств земледельцев при обработке полей и интенсификации сельского хозяйства. Практически же этот процесс сопровождался массовым разорением трудового крестьянства.

В политическом плане хуторизация была рассчитана на облегчение проникновения капитала в деревню, на стабилизацию и расширение крупной земельной собственности, на усиление кулацкой прослойки, а в Западной Белоруссии (и Западной Украине) еще и на укрепление позиций польского капитала. Хуторизация должна была рассредоточить крестьянство, ослабить его революционный натиск. То была реакционная политика, представлявшая собой подражание столыпинщине.

Она заведомо предопределяла ликвидацию сервитутов. В сущности эти два процесса шли одновременно и дополняли друг друга.

Закон о комасации был принят сеймом в июле 1923 г. [2] и с этого времени весьма интенсивно осуществлялся.

Хуторизация была выгодна многоземельным хозяевам. Они получали в одном месте такую же площадь, какую

---

[1] Комасация — характер землеустройства, при котором ликвидируется чересполосица и каждый крестьянский надел сосредоточивается в одном земельном массиве. Слово «комасация» ранее употреблялось в русском языке с тем же значением (собирание разбросанных земель в один массив).

[2] Dziennik ustaw RP, 1923, № 92, poz. 718.

имели в разбросанных полосах, что создавало им определенные удобства. На полевых работах экономились силы и время. Мог быть введен независимый от соседей, свободный, многопольный севооборот с травосеянием и т. д. Создавались условия для улучшения обработки почв и повышения урожайности. Зажиточные крестьяне имели «своих людей» в земельных органах, сами участвовали в разных комиссиях, были влиятельными людьми в селе. Они всегда получали себе отруба на лучших, унавоженных и близко расположенных землях. «При комасации худшие земли выделяются беднейшим, а лучшие — богатым крестьянам» [1],— признавал польский земледельческий журнал.

В процессе массового переселения и разорения трудового крестьянства появлялись широкие возможности для скупки земли сельской буржуазией. «При комасации кулак за бесценок скупает землю у бедноты» [2], — говорил И. Логинович на I съезде КПЗБ. Кулаки округляли свои наделы и во многих случаях устраивали новые усадьбы по образцу помещичьих: с хорошими постройками, большими садами, а иногда даже с парками или участками леса при дворах.

Для остальных жителей деревни хуторизация была несчастьем. Что означало для маломощного землепашца перебазирование его хозяйства? Он должен был «перенести постройки на новые участки, пополнить необходимый в новых условиях живой и мертвый инвентарь, разделить отруб на поля, ввести на новых полях новый севооборот» [3].

При этом крестьянин терпел колоссальные убытки. Его старая деревянная с соломенной крышей изба могла бы простоять на месте еще не один десяток лет. Если же ее разобрать и перевезти на другое место, то от нее ничего не останется. На новом месте из гнилых бревен избы не собрать, половину из них надо заменять новыми. По существу избу надо строить заново. Это относится и к другим постройкам. А сколько трудов надо положить крестьянину, чтобы все постройки перевезти на новое место и там их заново собрать? Ему также надо выкопать коло-

---

[1] «Rolnictwo», 1932, marzec, s. 3—5.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 22.

[3] «Rolnictwo», 1932, merzec, s. 22.

дец, погреб, проложить новые дороги, огородить двор, посадить фруктовые деревья и т. д. Переселенцы лишались выгонов, сенокосов и многого другого, без чего трудно вести хозяйство. На карликовых участках беднота не могла иметь тех выгод, которые извлекали кулаки из эксплуатации крупных отрубов.

Трудовое крестьянство категорически возражало против хуторизации. «Середняк не хочет переходить на хутор», — отмечалось на I съезде КПЗБ [1]. Министр аграрных реформ В. Станевич правильно понимал ситуацию, когда сказал в сейме: «При комасации каждый владелец хозяйства извлекает определенную пользу, переносит трудности и терпит убытки. Баланс потерь и выгод для него должен быть положительным, тогда он — сторонник комасации. Если же этот баланс отрицательный, то крестьянин становится ярым противником ее. Необходимо отметить, что для мелких хозяйств трудности и разные убытки, связанные с комасацией, превосходят вытекающие из нее выгоды» [2]. Ясно, что малоземельному крестьянству, а такого было подавляющее большинство (около 94%), хуторизация приносила только трудности да убытки.

«Процесс комасации — встряска и болезнь для хуторян... Сразу же по получении новых участков их хозяева оказываются обремененными срочными долгами, которые они не в состоянии погасить» [3], — писал журнал «Рольництво». Министр В. Станевич признавал, что только богатые крестьяне выступают за комасацию, а «малоземельные являются решительными противниками ее. Они инстинктивно чувствуют, что при малом количестве земли польза от хуторизации не компенсирует тяжестей, которые она влечет за собой, и выгод, утраченных при ее осуществлении» [4].

Малоземельное крестьянство соглашалось идти на хутора лишь при условии увеличения его наделов за счет государственных фондов. В тезисах I съезда КПЗБ от-

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 105.

[2] W. Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 72—73.

[3] «Rolnictwo», 1932, marzec, s. 22.

[4] W. Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 73.

мечалось, что хуторизация без дополнительной прирезки земли крестьянам ухудшала их положение и вела к «разорению и ликвидации самостоятельного хозяйства» [1], к скупке мелких участков земли кулачеством. Об этом же говорил и И. Логинович: «Комасация без одновременного... дополнительного увеличения земли карликовых хозяйств не выводит крестьянство из того тяжелого состояния, в котором оно находится, так как она связана с дополнительными расходами по перенесению усадеб и т. д.» [2]

Хуторизация наталкивалась на упорное сопротивление крестьян. Чтобы сломить сопротивление деревни, крестьянам поначалу обещали не только увеличить их наделы на отрубах, но и предоставить кредиты на перенос построек, рытье колодцев, обзаведение инвентарем и т. д. Но щедрые посулы на деле оказывались обманом. Нигде и никогда крестьянские наделы при хуторизации не увеличивались, наоборот, во многих случаях они даже уменьшались. Крестьяне из Барановичского уезда писали в газету о том, что положение их с каждым днем ухудшается. «Обманули нас, говоря, что дадут больше земли, заем. Только теперь мы познали истинный вкус комасации. По два года сидели без хлеба, пока перевезли постройки на новые места» [3]. Но и после того, как они перебазировались на хутора, положение их не улучшилось. Их давили «разные налоги и взносы — камасационные, мелиоративные, проценты по долгам» [4]. В 1933 г. они должны были уплатить «по 200—300 злотых комасационных взносов, 80—100 злотых налогов» и т. д.[5]

Убедившись, что не подкрепленные делом обещания не достигают цели, администрация начала прибегать к различным уловкам и насилию, только бы согнать людей с насиженных мест. Власти располагали многими средствами воздействия на крестьян. Одно из таких средств— запрещение строительства новых домов в деревнях. Сельское население численно росло, количество семей увеличивалось, а новые избы ставить не разрешалось. Даже

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 194, л. 25.
[2] Там же, д. 184, л. 24.
[3] «Чырвоны сцяг», 1933, красавік.
[4] Там же.
[5] Там же.

беженцам, возвратившимся на родину и нашедшим свои дворы сгоревшими или разрушенными, не позволялось селиться в деревнях, их гнали на хутора. На I съезде КПЗБ отмечалось, что «есть разные способы принудить крестьянство пойти на комасацию: например, крестьянин не может поставить новую хату, если он погорел или его хата разрушается»[1] и во многих других подобных случаях. Ему предоставлялся лишь один выход — переселение на хутор.

Такие средства были эффективны и действенны, но они касались меньшинства жителей той или другой деревни. А это, разумеется, не решало проблемы в целом.

Тогда правительство перешло к открытым методам принуждения. «Комасация часто проводится с помощью угроз и обмана, — утверждал в сейме И. Грецкий. — Обещанием прирезки земли вымогают от нескольких крестьян подписи об их согласии на хуторизацию, а затем терроризуется вся деревня»[2]. Людей насильно выгоняли на хутора[3]. Крестьяне сопротивлялись произволу администрации. Во многих случаях борьба принимала драматический характер. Жители деревни Хорево Молодечненской волости писали в жалобе, что, несмотря на их сопротивление, деревня была выселена в чистое поле.

В деревнях Осовцы и Плаховщина Пружанского уезда землемеры сделали разбивку полей, поставили межевые знаки. Крестьяне уничтожили их, землемеры восстановили, а крестьяне вновь уничтожили. Так повторялось трижды. В деревни был послан карательный отряд в составе 30 полицейских. Землеустроители восстановили межи в четвертый раз, но они опять подверглись уничтожению»[4].

В селах Заводичи и Тополево на Гродненщине по инициативе кулаков были созданы и начали работу комасационные комиссии. Но трудящиеся не дали им проводить землеустроительные работы. На помощь землемерам прибыли отряды полицейских, но возмущенные крестьяне и их прогнали[5].

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 313.

[2] AZHP przy KC PZPR, N B 30220, k. 12.

[3] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 374.

[4] AZHP przy KC PZPR, N B 30220, k. 12.

[5] «Чырвоны сцяг», 1933, красавік.

Жители деревни Чепелево на Слонимщине несколько раз прогоняли с поля землемера. Особенно решительно выступали женщины. Они неоднократно уничтожали межевые знаки. Подобные явления произошли в селе Шиловичи Кревской волости [1], в деревне Короваи Сморгонской волости [2] и других местах. Почти всегда они оканчивались полицейской и судебной расправой с крестьянами.

Инициаторами хуторизации всегда выступали кулаки, и если они решали расселиться на отруба, то ломали всю деревню; противостоять им было трудно, они действовали заодно с администрацией. На I съезде КПЗБ отмечалось, что власти всегда «подходят с точки зрения кулака: если кулачество решило комасовать... то комасация производится» [3]. Так, например, в деревне Пески Индурской волости Гродненского уезда шесть хозяев пожелали выйти на отруба. По их заявлению приехал землемер и разбил на участки все крестьянские поля. Деревня сопротивлялась, в связи с этим был вызван наряд конной полиции. В Пески прибыл гродненский уездный староста. Атмосфера накалялась, крестьяне подвергались репрессиям. Вопреки упорному сопротивлению жителей разбивка земли на отруба была произведена [4].

Часто крестьяне игнорировали произведенное перераспределение земель и оставались на прежних местах, продолжали пахать свои наделы. Так, жители деревень Дубно и Князеводы на Гродненщине [5], Пучины на Пинщине [6] и села Рябиново в Вилейском уезде в течение нескольких лет не признавали сделанной разбивки полей на отруба, не выполняли распоряжений властей о расселении на хутора, уничтожали межевые столбы, жили в деревнях и обрабатывали свои прежние полоски [7].

До 1925 г. хуторизация по существу не шла. Только в Виленском воеводстве вышли на отруба 354 двора, что в

---

[1] ЦГА ЛитССР, ф. 129, оп. 2, д. 3297, лл. 100, 117.

[2] Там же, д. 2567, лл. 13, 80.

[3] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 313.

[4] Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922—1926, стар. 432.

[5] «Чырвоны сцяг» ,1933, май, № 2 (97).

[6] AZHP przy KC PZPR, N B 30220, k. 12.

[7] «Чырвоны сцяг», 1933, май.

общей сумме составляло лишь 2—3 деревни [1]. Население других воеводств категорически отвергало комасацию [2]. В Новогрудском воеводстве расселение началось в 1925 г., а в Белостокском (Волковысский и Гродненский уезды) и Полесском воеводствах — в 1927 г.[3] Это объяснялось тем, что в 1926 г. в результате государственного переворота, совершенного Пилсудским, в Польше пришли к власти наиболее реакционные силы, установившие свою диктатуру, известную под названием санации. Пилсудский при этом старался опереться на кулачество и делал ему всяческие поблажки. Заигрывания, обещания, предоставление некоторых льгот сделали свое дело. Кулачество встало на сторону санации и активизировалось.

В 1928 г. началось массовое изгнание крестьян на отруба по всей Западной Белоруссии. В этот год на хутора вышло около 12% земледельцев, или в три раза больше, чем за все предыдущие годы, вместе взятые. А всего к началу 1929 г. расселилось по участкам около 45 тыс. крестьянских дворов, или около 15%.

В 1929 г. темп комасации значительно снизился. В этом году начался мировой экономический кризис. Охватив все области промышленного производства, сельское хозяйство и финансы, он несколько отвлек внимание польского правительства от реформ и сузил возможности кредитования аграрных преобразований.

Таблица 13

Проведение хуторизации в 1920—1936 гг.[4]

Воеводство	Число деревень, расселенных на хутора	Число дворов, вышедших на хутора	Площадь земли, разделенной на отруба, га
Виленское	2076	57565	499946
Новогрудское	1028	76341	527504
Полесское	384	54883	500840
Всего	3488	188789	1528290

[1] Kwartalnik statystyczny. 1926, t. III, zesz. 1, s. 75.
[2] Там же.
[3] Kwartalnik statystyczny. 1929, t. VI, s. 1606—1607.
[4] «Rolnictwo», 1937, № 88, s. 94. Точные сведения, относящиеся к интересующей нас территории, невозможно представить из-за отсутствия статистических даных.

Эти данные относятся ко всей территории Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств. Но если считать, что Вильно-Трокский и Каменец-Каширский уезды приблизительно компенсируют недостающие в таблице Волковысский и Гродненский уезды, то приведенные цифры можно рассматривать как близкие к истине.

В 1921 г. в Западной Белоруссии имелось 349 239 крестьянских хозяйств с наделами до 50 га. Они владели 2 392 388 га земли. К концу 1936 г. 188 789 хозяйств (около 54%) выселилось на хутора. Земли, разбитые на отруба, к концу 1936 г. составляли 1 528 290 га, или около 64% всей площади крестьянской земли. Значит, на хутора выходили прежде всего многоземельные, зажиточные крестьяне. Это соответствовало политике правительства. К 1939 г. на хутора было расселено около 70% сельских хозяев.

Трудящееся крестьянство при хуторизации разорялось, середняки превращались в бедняков, бедняки в пролетариев.

Кулаки при выходе на отруба, как правило, обогащались. Они воздвигали добротные постройки, покупали машины, заводили породистый скот, нанимали батраков, интенсифицировали хозяйство, наживались и превращались в опору польского капитала в Западной Белоруссии. Укоренялись и осадники.

Барские имения оставались нетронутыми. Более того, их владельцы обогащались. Отбирая у крестьян сервитуты и продавая бросовые обрезки своих земель, помещики накапливали средства и вкладывали их в промышленность или в банки. В имениях они применяли новейшие машины, использовали последние достижения агрономической науки и переходили к более совершенным формам организации труда. Они превращали свои хозяйства в рентабельные предприятия и внедряли в деревне товарно-денежные отношения. Помещики превращались в капиталистов-аграриев. Их доходы росли.

Капиталистическое развитие сельского хозяйства Западной Белоруссии шло по прусскому пути; прогресс в нем возглавляли барские имения. Социальные противоречия в деревне углублялись.

Усиливалась классовая борьба между трудом и капиталом. Трудящееся крестьянство собирало силы для решительной схватки с помещиками за землю.

5. ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КРУПНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Эксплуататорские классы Польши, оказавшиеся перед необходимостью проведения в стране аграрных преобразований, избрали для этого прусский путь, т. е. путь перестройки сельского хозяйства на капиталистической основе при сохранении помещичьего землевладения.

Несмотря на принятый закон о проведении аграрной реформы (15 июля 1920 г.), помещики стремились сохранить свою землю и не намеревались передавать ее крестьянству. На состоявшемся в 1923 г. в Вильно съезде земельных магнатов отмечалось, что главной целью реформы должно быть «улучшение аграрной структуры путем энергичного проведения рациональной комасации, ликвидации сервитутов и раздела общественных земель» [1]. Вот и все. Комасация касалась только крестьянских земель, ликвидация сервитутов означала присвоение помещиками угодий, которыми ранее пользовались крестьяне. Разбивка на мелкие участки и распродажа государственной и общественной собственности не затрагивали помещичьих владений. Эта резолюция нацеливала правительство и местные власти на перераспределение земель в сфере крестьянской собственности (методом хуторизации) на дальнейшее обезземеливание сельских тружеников путем отстранения их от пользования сервитутами и на утверждение помещичьего землевладения, оставляя его неприкосновенным.

По закону перераспределение земель должно было осуществляться методом парцелляции. Под парцелляцией польское аграрное законодательство подразумевало разбивку государственных и некоторых частных земель крупной собственности на мелкие участки (парцеллы) по 2, 3, 5, 10, 15, 20 га и свободную продажу всем желающим их приобрести. При этом никакого порядка наделения землей безземельного и малоземельного крестьянства не устанавливалось, никакая регламентация в приобретении парцелл не предусматривалась. Это порождало анархию, злоупотребления и спекуляцию землей.

В Западной Белоруссии парцелляция началась в 1921 г. после заключения Рижского мирного договора. В табл. 14 приводятся данные о ходе парцелляции в

[1] «Slowo», 1923, 24.XI.

1921—1925 гг. Этот период целесообразно рассмотреть отдельно потому, что до конца 1925 г. действовал закон об аграрной реформе, принятый в июле 1920 г. В декабре 1925 г. был принят другой закон, внесший некоторые, хотя и несущественные, изменения в аграрную реформу. С этого же года начался период так называемой стабилизации капитализма. В мае 1926 г. в Польше был совершен государственный переворот, в результате чего аграрная политика господствующих классов претерпела некоторые изменения.

Парцелляция была государственная и частная. Правительственные земельные органы парцеллировали перешедшие в государственный фонд крупные имения главным образом с целью обеспечения землей осадников. Государственная парцелляция в первые годы возрастала и в 1923 г. дошла до 32 562 га в год. За 1921—1925 гг. было распарцеллировано лишь 127 409 га. В среднем ежегодно перераспределялось по 25 тыс. га. При таком размахе работ земель государственного фонда хватило бы для перераспределения на десятилетия. Осуществление реформы умышленно затягивалось.

Аграрная реформа вообще и парцелляция земель государственного фонда в частности были прежде всего средством наживы для людей, стоявших у власти, и лидеров буржуазных партий. Занимая выгодные места в государственном аппарате, они проникали в земельные органы и в комиссии, вступали в тайные сделки, наживались на распродаже государственных земель и присваивали целые имения. В спекулятивном ажиотаже и темных сделках участвовали депутаты сейма, сенаторы, министры и другие влиятельные лица. 30 депутатов сейма от партии ПСЛ-Пяст приобрели себе имения. Председатель Совета министров, выдававший себя за крестьянина, лидер партии ПСЛ-Пяст В. Витос приобрел имение «Врублевице» в 400 га земли (170 га леса) и передал дочери в качестве приданого [1].

От пястовцев не отставали влиятельные представители других буржуазных партий. Так, активисты Национал-демократической партии (эндэки) и партии христианских демократов (хадэки) Корфантый, Плутинский и Сейда купили огромные поместья в 80 тыс. га, принадлежавшие

[1] Cz. Madajczyk. Burźuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 168.

Таблица 14

Парцелляция в 1921—1925 гг.[1]

Воеводство	Виды и размеры парцелляции, га		
	государственная	прочие	всего
1921 г.			
Виленское	588	—	588
Новогрудское	10799	5419	16218
Полесское	1276	2640	3916
Всего	12663	8059	20722
1922 г.			
Виленское	3015	31451	34466
Новогрудское	9365	13970	23335
Полесское	13309	5522	18831
Всего	25689	50943	76632
1923 г.			
Виленское	2275	9460	11735
Новогрудское	18150	10691	28841
Полесское	12137	6936	19073
Всего	32562	27087	59649
1924 г.			
Виленское	717	8362	9079
Новогрудское	16506	9625	26131
Полесское	5333	3491	8824
Всего	22556	21478	44034
1925 г.			
Виленское	10140	9282	19422
Новогрудское	14372	11427	25799
Полесское	9427	6539	15966
Всего	33939	27248	61187
ИТОГО	127409	134815	262224

[1] Rocznik statystyki RP. 1930. Warszawa, 1930, s. 38—39. Гродненский и Волковысский уезды здесь включены в Новогрудское воеводство. Виленское воеводство взято с Вильно-Трокским, а Полесское — с Каменец-Каширским и Сарненским уездами. Таким образом, приведенные в таблице цифры несколько завышены. Отделить данные, соответствующие территории Западной Белоруссии, невозможно, так как статистика не дает сведений по уездам.

ранее наследникам князей Гогенлоэ[1]. Появлялись новые магнаты. Земли захватывали ксендзы и полицейские, чиновники и интеллигенция, все те, кто имел деньги и рассчитывал извлечь выгоду из операций с землей. Бывший министр аграрных реформ В. Станевич свидетельствовал: «Земельные операции проводились произвольно, приобретались большею частью целые имения, хозяева которых имели влиятельных покровителей»[2]. Остальная часть земель государственного фонда шла на наделение осадников.

Перераспределение частных земель проводилось через уполномоченные правительством учреждения и путем свободной распродажи помещиками своих угодий. Относительно уполномоченных учреждений следует заметить, что это были созданные на местах товарищества в помощь государственным земельным органам и состоявшие преимущественно из помещиков и кулаков. Коммунистический депутат польского сейма С. Круликовский в своей речи в июле 1923 г. дал правильную оценку деятельности этих товариществ, говоря, что парцелляцией с согласия сейма занялись «частные общества и разные спекулянты... Они будут проводить аграрную реформу в корыстных целях»[3].

По существу товарищества лишь содействовали распродаже крупными аграриями худших участков земли и отнятых у крестьян сервитутов. Помещики свое участие в комиссиях и товариществах использовали для того, чтобы найти способы избежать принудительной парцелляции и распродать излишки земель по спекулятивным ценам. Кулаки, проникая в земельные органы, вступали в сделки с владельцами, выбирали участки получше и скупали их. И те и другие наживались. Деятельность товариществ довольно точно охарактеризовал председа-

---

Следует заметить также, что зачастую разные официальные статистические издания Польши того времени содержат противоречивые данные. Например, «Rocznik statystyki RP. 1927» (Warszawa, 1927, s. 107) дает цифры парцелляции гораздо меньшие. Другое же официальное издание «Kwartalnik statystyczny. 1925» (t. II, zesz. 2, s. 252—253) дает другие цифры. Это затрудняет анализ. Здесь приводятся максимальные цифры. Это облегчает в случае необходимости внести поправку.

[1] «Змаганне», 1924, 24.I. (Прогрессивная белорусская газета).

[2] W. Staniewicz. Przebudowa ustroju rolnego w Polsce, s. 47.

[3] Posłowie rewolucyjni w sejmie (1920—1935), s. 61.

тель Новогрудского окружного земельного управления, говоря: «Результаты частной парцелляции очень мизерны и недостаточны. Наделение ряда учреждений правом парцелляции предусматривало помощь правительственным органам, которые не могли сами справиться. Но почти все упомянутые учреждения превратились в чисто спекулятивные организации и вызвали значительное вздорожание земли» [1]. Это признание было сделано на съезде уездных старост человеком, под руководством которого работали товарищества. Он знал им цену. Дополнил эту характеристику несвижский уездный староста, заявив: «Вообще парцелляционные товарищества проводят свои работы плохо, думают только о деньгах, но вовсе не об интересах государства; в результате земля продается тому, кто больше даст» [2].

Ясно, что трудящийся крестьянин не мог приобрести землю из рук таких товариществ. Он был не в состоянии покупать землю по вздутым ценам. Председатель Новогрудского окружного земельного управления говорил, что до 1923 г. земля вообще передавалась только осадникам. Лишь «с 1923 г. земельное управление начало распределять среди местного населения обрезки земли, остающиеся от осадничества» [3]. На том же съезде новогрудский воевода генерал М. Янушайтис заявил: «Запрещается передавать землю в руки людей враждебных или равнодушных польской государственности» [4].

Но кто же эти люди, враждебные или равнодушно относившиеся к польской государственности? С точки зрения господствовавших классов Польши, такими людьми являлись коммунисты, бывшие партизаны, участники национально-освободительного движения. Впрочем, все белорусское население рассматривалось ими как враждебное.

Полесский воевода в тайном циркуляре, разосланном уездным старостам, категорически требовал при проведении аграрной реформы не давать земли украинцам, белорусам, русским и евреям [5]. «Разумеется, это относится

---

[1] ГАБО, ф. 662, оп. 3, д. 7, л. 727.

[2] Там же, л. 709.

[3] Там же, л. 726.

[4] Там же, л. 708.

[5] ГАБО, ф. р-1, оп. 6, д. 2608, л. 30.

в первую очередь... к коммунистам, невзирая на их вероисповедание» [1].

Вот он — неприкрытый классовый и колонизаторский подход: землю передавать только полякам, ни при каких условиях не допустить ее перехода в руки коммунистов всех национальностей. Не случайно совпадали требования двух воевод. Они получали секретные указания из одного источника, из центра. От правительства в местные административные органы шли тайные директивы: «Претендентов на покупку земли подвергать политической проверке» [2]. В случае сомнений рекомендовалось обращаться за консультацией к самому воеводе. Разъяснялось, что при продаже земли «явная справедливость должна уступить великому интересу польскости» [3]. При таком подходе белорусскому трудящемуся крестьянству нечего было и думать о приобретении земли. В циркуляре местным органам полесский воевода разъяснял, что «Полесье вопреки местному языку и вероисповеданию огромного большинства жителей должно быть польским» [4]. В принятых законах говорилось одно, а в секретных распоряжениях — совсем другое. Законы носили пропагандистский характер и помогали господствующим классам держаться у власти. В инструкциях содержалось то, что открыто в законах нельзя было написать. Выполнялись не законы, а тайные директивы.

Из табл. 14 видно, что за пять лет помещики распродали 134 815 га, т. е. приблизительно столько же, сколько разошлось из государственных фондов на наделение осадников и другие цели. В среднем ежегодно ими продавалось по 26 963 га. Это очень небольшая площадь. Председатель Новогрудского окружного земельного управления признавал, что «результаты частной парцелляции очень мизерны и недостаточны» [5]. Распродажа земель шляхтой в первые два года шла в нарастающем темпе. В 1921 г. она выражалась цифрой в 8059 га, а в 1922 г. достигла апогея и составила 50 943 га. В последующие годы размеры распродажи земли значительно со-

---

[1] ГАБО, ф. р-1, оп. 6, д. 2608, л. 30.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] ГАБО, ф. 662, оп. 3, д. 7, л. 727.

кратились. Объяснялось это тем, что после пережитых революционных потрясений эксплуататорским классам удалось овладеть положением, сохранить свое господство и укрепиться у власти. Дворяне распродавали земли, пока не были уверены в сохранении своего имущества. С отливом революционной волны их положение укрепилось. Они не хотели расставаться с потомственными имениями и воздерживались от распродажи земель даже по вздутым ценам. После же расстрела рабочих в Лодзи и Кракове в ноябре 1923 г. шляхта вообще почувствовала себя победительницей, считала, что с революционным движением в стране навсегда покончено. Продажа земли из года в год сокращалась.

Магнаты всеми силами стремились уклониться от принудительной парцелляции и сохранить за собой земельную собственность. В качестве защиты они имели могущественное средство. В 1921 г. помещики и буржуазия Польши навязали народу конституцию, объявлявшую частную собственность «священной и неприкосновенной» и утверждавшую ее как основу существования общества. На охрану буржуазной собственности ставились армия, полиция, суд, тюрьма и все другие средства, составлявшие опору господствующих классов.

В резолюции съезда крупнейших землевладельцев Западной Белоруссии и Западной Украины говорилось: «Уважение собственности, утвержденное конституцией, должно быть соблюдено при проведении и финансировании аграрной реформы, а все отступления, допущенные до сих пор, должны быть исправлены» [1]. Резолюция земельных магнатов звучала как директива правительству. На основании конституции Верховный суд квалифицировал принудительный выкуп помещичьей земли государством как беззаконие, противоречившее конституции, и отменял постановления земельных органов о принудительном отчуждении частных земель по ценам, установленным государством. А помещичья газета объявляла закон об аграрной реформе не только «антиконституционным, но и чудовищно аморальным» [2] и извещала, что «приговор Верховного суда именем конституции гарантирует владельцам право собственности: в каждом случае при отчуждении будет выплачена полная стоимость от-

[1] «Słowo», 1923, 24.XI.
[2] «Słowo», 1925, 27.I.

чуждаемой земли»[1]. Так, сейм принимал законы о проведении реформы, а буржуазно-помещичий суд сводил их к нулю, что было равносильно их отмене. Не удивительно, что «правительство ... не выкупило принудительно ни одного моргена»[2]. Политика господствовавших классов защищала интересы капитала. Такая игра в реформы ничего не могла дать разорявшемуся крестьянству.

Когда же в отдельных случаях для помещиков складывалась неблагоприятная ситуация и часть их земель подлежала выкупу, они прибегали к другим спасительным средствам. Имения передавались членам семьи, родственникам, подставным лицам или влиятельным чиновникам. Оформлялись фиктивные документы, делались всякие другие махинации, и потомственные землевладельцы по-прежнему оставались хозяевами огромных латифундий. Буржуазное право давало такие возможности господствующим классам. В одном из польских исследований по вопросам права сказано, что «очень большой процент (около 60) хозяев распарцеллированных имений не передал покупателям право собственности на землю. Покупатели приобрели участки в пользование и в большей или меньшей степени уплатили за собственность, им не принадлежащую»[3]. Земля как будто продавалась, за нее выплачивались деньги, а собственность на нее попрежнему принадлежала старому владельцу. Это называлось «дикой парцелляцией».

Широкий размах спекуляции и всякого рода махинаций при торговле землей признавал и сам министр аграрных реформ В. Станевич: «Можно сделать упрек,— писал он,— что процветает дикая парцелляция; цены на землю так вздуты, что крестьянин может приобрести ее лишь ценой чрезмерной задолженности, это не может не отразиться на его дальнейшей судьбе»[4].

Среднегодовая парцелляция составляла 26 963 га. Это гораздо меньше того, что дворяне ежегодно продавали до первой мировой войны по собственной инициативе. В. Студницкий привел цифры распродажи помещиками Западной Белоруссии своих земель в конце XIX и начале

---

[1] «Słowo», 1923, 9.II.

[2] Jerzy Nowak. Krzywda chłopska, szyli o tym jak tumaniono chłopów reformą rolną, s. 25.

[3] Henryk Fiałkowski. Uporządkowanie stanu prawnego drobnych gospodarstw na Ziemiach Wschodnich. Lublin, 1937, s. 10.

[4] W. Staniewicz. Przebudowa ustroju rolnego w Polsce, s. 64.

XX в. С 1883 по 1915 г. они сбыли через Крестьянский банк: в Виленской губернии — 151 156 га, в Гродненской — 265 213 га, в части Минской губернии, вошедшей в состав Польши,— 726 096 га [1]. Таким образом, за 33 предвоенных года землевладельцы Западной Белоруссии только через банк распродали 1 142 465 га, что означало ежегодную распродажу по 34 620 га. Это на 28% больше того, что распродавалось ими во исполнение законов об аграрной реформе. Прогрессивный польский публицист Ежи Новак писал: «Такую ласку крестьяне имели еще до войны без аграрной реформы; имелось даже больше возможностей — кредит был доступнее и дешевле. Теперь же государственный кредит как будто и не существует» [2].

Помещики не только удерживали землю, но и укрепляли свои позиции в государственном аппарате и в экономике страны. Они старались интенсифицировать свои хозяйства, перестроить их на капиталистической основе, сделать товарными и рентабельными. Это было выгодно экономически. Кроме того, такие хозяйства освобождались от угрозы принудительной парцелляции. Крупные землевладельцы обогащались. Под видом жертв войны они получали помощь, кредиты, освобождались от налогов, пользовались льготами и поблажками.

Таблица 15

Характер парцелл, созданных в 1921—1924 гг., га [3]

Воеводство	Отдельных	Дополнительных к крестьянским наделам	Для рабочих и служащих	Государственных	Всего
Виленское	1053	1624	72	16	2765
Новогрудское	1871	7098	30	16	9015
Полесское	850	2608	30	3	3491
Всего	3774	11330	132	35	15271

[1] Wł. Studnicki. Przewroty i reformy agrarne Europy powojennej i Polski, s. 64; «Słowo», 1926, 12.XI.

[2] Jerzy Nowak. Krzywda chłopska, szyli o tym jak tumaniono chłopów reformą rolną, s. 14.

[3] Rocznik statystyki RP. 1925/1926. Warszawa, 1926, s. 136. Данные этой таблицы из-за некоторого несоответствия территории следует рассматривать как приблизительные и несколько завышенные.

За четыре года (1921—1924) в Западной Белоруссии было создано как максимум лишь 3774 новые отдельные парцеллы. Но кому были переданы или проданы эти участки? Уже к 1 января 1923 г. в Новогрудском воеводстве было выделено 2468 осад, на которых остался жить 2071 осадник. На Полесье за то же время возникла 991 осада, где закрепились 886 осадников. Всего в этих двух воеводствах на 3459 отрубах остались жить 2957 осадников [1]. Но военные осадники получали землю и после 1 января 1923 г., расселялись не только в двух упомянутых, но и в других воеводствах. Выходит, что все или почти все новые парцеллы были отданы осадникам. Этого не отрицал и министр аграрных реформ. «Земли на востоке,— заявил он,— использованы главным образом на военное осадничество» [2].

На I съезде КПЗБ отмечалось, что при парцелляции имений «80% земли переходит в руки кулаков и осадников» [3]. Местное население могло приобретать только обрезки, остающиеся после выделения отрубов осадникам. Эти обрезки довольно точно охарактеризовал В. Станевич. «На восточных окраинах,— говорил он,— под именем лесов не всегда существуют леса. Часто — это бывшие леса. Требовать от их владельцев восстановления лесов — нереально. Я считаю, что эти земли должны пойти на прирезку крестьянам» [4]. Это признание подтвердил и бывший глава правительства В. Грабский, сказав, что «парцелляция также обычно передает в руки крестьян худшие земли» [5]. На распродажу крестьянам шли только заросшие кустарниками пустыри да засыпанные песками бугры.

В табл. 15 показано, что за четыре года из обрезков было создано 11 330 дополнительных парцелл, которые поступили в продажу крестьянам. Напомним, что в Западной Белоруссии насчитывалось 349 239 крестьянских хозяйств. Получается, что ежегодно лишь один из 120 крестьян мог приобрести обрезки земли. При таких тем-

---

[1] Tablice statystyczne Polski. 1923, s. 49.

[2] Witold Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 184.

[3] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 312.

[4] Witold Staniewicz. O program agrarny w Polsce, s. 121.

[5] W. Grabski. Wieś i folwark. Warszawa, 1930, s. 52.

пах понадобилось бы по меньшей мере 120 лет, чтобы все крестьяне смогли хотя бы частично увеличить свои наделы.

Имеются интересные статистические данные о социальном составе лиц, которые приобрели землю при парцелляции.

Таблица 16

Социальный состав лиц, приобретших землю в 1921—1924 гг.[1], га

Воеводство	Безземельных	Малоземельных	Обеспеченных землей	Государственных и прочих парцелл	Всего
Виленское	766	1405	526	68	2765
Новогрудское	1574	7284	150	12	9020
Полесское	630	2705	253	1	3589
Всего	2970	11394	929	81	15374

Эти цифры относились к той же территории, которая была взята в табл. 15. Лица, показанные в первой графе табл. 16 как безземельные, представляли собой в основном осадников. За четыре года свои земельные наделы смогли увеличить 11 394 малоземельных[2] и 929 обеспеченных землей крестьян (очевидно, кулаков), всего 12 323 хозяина, что составляло только около 3,9% общего числа дворов. За один год менее одного процента хозяев могли прикупить кое-какие обрезки земли. Из табл. 16 следует также, что основными покупателями земли (кроме осадников, получавших отруба бесплатно) были безземельные, малоземельные и обеспеченные землей крестьяне. Но здесь нужно иметь в виду возможности зажиточных и обнищавших жителей деревни.

Кулаки приобретали землю по разным категориям, иногда как обеспеченные землей хозяева, зачастую как малоземельные, а в некоторых случаях даже как безземельные. Они наделяли своих сыновей ничтожными наделами или вовсе показывали их безземельными и поку-

[1] Rocznik statystyki RP. 1925/1926, s. 136. Данные таблицы приблизительны.

[2] В табл. 15 показано 11 330 дополнительных парцелл. Это по существу величины совпадающие.

пали им новые участки. Получалась видимость того, что землю покупают безземельные или малоземельные крестьяне. Фактически же земли скупала сельская буржуазия.

Таблица 17

Площадь парцелл, га (1921—1924 гг.)[1]

Воеводство	Новых	Дополнительных	Полученных рабочими и служащими	Государственных и прочих	Всего земли, разбитой на парцеллы
Виленское	17646	5486	104	1147	24383
Новогрудское	22281	19339	53	477	42150
Полесское	14768	8024	67	475	23334
Всего	54695	32849	224	2099	89867

Площадь распарцеллированной земли в табл. 15 не совпадает с общей площадью созданных парцелл в табл. 17. В 1921—1924 гг. было распарцеллировано (вернее, перераспределено) 201 037 га, а на нарезку парцелл пошло только 89 867 га, т. е. около 45%. Утечка земли (присвоение целых имений высокопоставленными чиновниками, передача площадей подставным лицам, создание государственных опытных хозяйств и т. д.) составляла около 55% подлежащих парцелляции площадей.

Чтобы получить среднюю величину парцеллы, надо сопоставить общее число нарезанных отрубов с их суммарной площадью. Если в соответствии с данными табл. 17 считать, что новые парцеллы были созданы на площади в 54 695 га, то окажется, что средняя площадь таких самостоятельных отрубов равнялась 14,5 га. Это был средний размер осады для солдат. На таких делянках могли возникать середняцкие и даже крепкие хозяйства.

Парцелляция, как государственная, так и частная, проводилась очень медленно. За 14 лет в Западной Белоруссии оказались распарцеллированными только 596 997 га, что составляло лишь около 20% площади крупной земельной собственности, включившей в себя 2 948 305 га. Принудительная парцелляция частных земель по существу не применялась.

---

[1] Rocznik statystyki RP. 1925/1926, s. 136. Данные таблицы приблизительны.

Таблица 18

Парцелляция в 1921—1934 гг.[1]

Воеводство	Государственная		Частная		Через Сельхозбанк		Всего	
	число парцелл	площадь, га	число парцелл	площадь, га	число парцелл	площадь, га	число парцелл	площадь, га
Виленское	9875	55023	27399	176008	459	3239	37733	234270
Новогрудское	13091	68100	24230	103887	208	650	37529	172637
Полесское	7909	66802	19473	120747	333	2541	27715	190090
Всего в Западной Белоруссии	30875	189925	71102	400642	1000	6430	102977	596997
Всего в Польше	133016	692677	461398	1495847	10490	58472	604904	2246997

Из сельских жителей чаще всего отдельные отруба покупали сыновья кулаков. Отцовские наделы за ними не числились, а деньги они имели. Выступая как безземельные, они сразу приобретали участки, быстро воздвигали постройки, покупали скот и инвентарь. Такие хозяйства уверенно становились на ноги и развивались.

Иная участь постигала безземельного бедняка, которому как-то посчастливилось приобрести отдельный участок. На новом месте ему предстояло построить избу, сарай, амбар, гумно, колодец. Чтобы вести хозяйство, надо иметь пару лошадей и хотя бы простейший инвентарь. Все это надлежало купить, а средств не было, так как и участок земли крестьянин приобретал на деньги, полученные в долг. Дополнительных кредитов на обзаведение хозяйством он нигде получить не мог. Такой неокрепший новый владелец земли не имел возможности делать очередные взносы в банк для погашения долга в установ-

[1] «Polska gospodarcza», 1935, zesz. 46, s. 1425. Эти цифры следует рассматривать как приблизительные, так как в таблице отсутствуют сведения по Волковысскому и Гродненскому уездам, а Виленское и Полесское воеводства взяты целиком. Эти данные, очевидно, несколько завышены. Так, в одном из отчетов по Полесскому воеводству сообщается, что до 1 июля 1934 г. на Полесье всего распарцеллировано 118 121 га (ГАБО, ф. р-1, оп. 6, д. 2043, л. 8).

ленные сроки. Время шло, росла пеня, задолженность быстро увеличивалась, а хозяйство на пустом поле не подымалось. Через некоторое время представители власти продавали с молотка его землю для погашения долга. Так, пролетарий, стремившийся выйти в хозяева, возвращался в исходное положение, вновь становился сельским батраком. В результате на вновь выделенных отрубах далеко не всегда получались самостоятельные хозяйства, на которые рассчитывали польские власти и ученые-аграрники.

Несколько по-иному шли дела у хозяев, увеличивавших свои земельные наделы за счет покупки отрезков, оставшихся от осадников. Их насчитывалось 11 394 человека [1], в общей массе они прикупили 32 849 га [2]. На каждое такое хозяйство в среднем приходилось по 2,9 га вновь приобретенной земли. Они имели уже ранее созданную экономическую основу — постройки, живой и мертвый инвентарь. Часть крестьян брала ссуды на приобретение земли, но их долги были не так велики. Наиболее зажиточные крестьяне прикупали землю за наличные. Такие хозяйства укреплялись, интенсифицировались, переходили в более высокую категорию: маломощные в середняцкие, зажиточные в кулацкие, а кулацкие в крупные капиталистические. Однако таких хозяйств было очень немного. Разве можно говорить о реформе, если в год только один из 120 хозяев мог купить в среднем 2,9 га?

Большое количество земель отошло под создание 81 государственного хозяйства. Их общая площадь в 1924 г. составляла 2099 га, или 1,1% распарцеллированных государственных земель. На каждый такой объект в среднем приходилось по 26 га. Какой смысл был ликвидировать крупные государственные предприятия для того, чтобы на их руинах создавать более мелкие? Надо полагать, что закладывались разного рода специализированные учреждения — племенные, зерновые, садовые, рыбные и другие хозяйства и станции. Но не слишком ли много организовывалось их в Западной Белоруссии? На три воеводства — 81 учреждение, или по 27 объектов в каждом воеводстве. Это новое доказательство того, что государственные земельные фонды расхищались; чиновники под

---

[1] См. табл. 16.

[2] См. табл. 17.

разными предлогами искусственно насаждали такие хозяйства (по 26 га) и эксплуатировали их для своих нужд. Органы власти относились к этому безразлично. Ведь министры и депутаты сейма, а за ними и все другие чиновники не прочь были погреть руки там, где позволяли обстоятельства, все были связаны коррупцией и круговой порукой. Недаром около 55% менявшей владельцев и категорию собственности земли не попадало в русло парцелляции [1].

Встает вопрос, где крестьянин мог взять заем при покупке участка земли? В принципе он имел две возможности изыскания кредита: добиваться его в Сельскохозяйственном банке и других кредитных учреждениях или просить в долг у ростовщика.

Возможности получения крестьянину кредита в банках и кассах были весьма ограниченными. В 1931 г. руководство Виленского и Новогрудского воеводства направило правительству совместный мемориал о состоянии кредитного дела в этих воеводствах. В нем говорилось о том, что в 1929 г. общая сумма долгосрочных и краткосрочных кредитов для двух воеводств составляла лишь 1,62% кредитов всей Польши [2], а сумма долгосрочных кредитов, предназначенных для сельского хозяйства,— около 30% довоенных [3].

Кредит в Сельхозбанке для жителей деревни практически был недоступен. Там выдавались ссуды под высокий процент и на короткий срок. Крестьянину же, покупавшему землю, нужен был кредит надолго. Впрочем, простым людям на любых условиях трудно было получить кредит в банке. Но еще тяжелее было погашать его. Один из делегатов I съезда КПЗБ рассказывал с трибуны съезда: «Я сам получил заем в 100 злотых... За одну сотню с меня взяли 10 злотых членского взноса, потом за 3 месяца — 3 злотых... потом в кассу 1 злотый... потом ползлотого — итого 14,5. Дают только на 3 месяца, но этот срок недостаточный, приходится продлять этот заем» [4]. Но чтобы продлить заем на следующие 3 месяца,

---

[1] См. табл. 16 и 17.

[2] ГАБО, 33-Б/М-49, л. 21.

[3] Там же, л. 23.

[4] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 375. Подпольный партийный псевдоним делегата — Василий. Настоящую фамилию его установить не удалось.

«надо опять платить 3 злотых в виде процента и 1 злотый на комиссию и 1 злотый на канцелярские расходы. Таким образом, чтобы оплатить издержки за заем на год, приходится из 100 отдать 28 злотых. На долгий срок нам займов не дают» [1]. Но высокий процент и невыгодные условия кредита в банке были еще не главным препятствием для крестьянина. Ростовщик тоже драл шкуру с того, кому давал взаймы.

Получение кредита в банке было сопряжено с огромными трудностями по другим причинам. Министр аграрных реформ В. Станевич так охарактеризовал деятельность Сельскохозяйственного банка: «В нем разгоралась ожесточенная политическая борьба» [2]. Каждая партия хотела превратить банк в орудие своей политики, обеспечить кредиты своим сторонникам. Далее В. Станевич говорил: «При огромной потребности в кредитах и ничтожной возможности ее удовлетворения займы могли получить только избранники судьбы, а по существу только участники политических группировок. Дело дошло до того, что парламентские власти часто вынуждены были оплачивать голосование в сейме кредитами в Сельскохозяйственном банке... Свыше 10% банковских кредитов составляли личные займы разных господ депутатов и их сторонников; кредиты давались главным образом под партийно-политическим углом зрения» [3]. Вот сущность и характер деятельности Сельхозбанка. Яснее и выразительнее трудно сказать. А ведь В. Станевич, будучи министром аграрных реформ, хорошо знал состояние дел в подчиненном ему банке.

Совершенно очевидно, что Сельскохозяйственный банк развертывал свою деятельность не в интересах крестьян. Так называемые кассы Стефчика также не могли удовлетворить огромные потребности крестьянства в кредитах и обслуживали преимущественно кулачество [4].

Правда, в буржуазной Польше существовали и другие банки, но они имели свое особое назначение. И если крестьянину трудно было получить заем в банках и кассах, специально предназначенных для кредитования сель-

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 375.

[2] W. Staniewicz. Przebudowa ustroju rolnego w Polsce, s. 48.

[3] Там же, стр. 47.

[4] Кассы Стефчика — кассы, где крестьянин мог получить небольшой кредит. Были созданы Ф. Стефчиком.

ских хозяев, то в других банках об этом не могло быть и речи. В тезисах I съезда КПЗБ отмечалось, что государственные кредиты «идут почти исключительно для помещичьих и кулацких хозяйств, а также для организаций, ведущих торговлю сельскохозяйственными продуктами...» [1] Трудно было белорусскому крестьянину получить государственную ссуду, очень трудно.

Нуждающийся земледелец вынужден был искать кредит у кулака и ростовщика. Они давали кредит на кабальных условиях, а затем бесчеловечно эксплуатировали должников. Кобринский уездный староста заявил на съезде старост: «Кредитные отношения — фатальны. Получение местного кредита, хотя бы минимального и на кратчайший срок, наталкивается на трудности по причине отсутствия наличных денег. Правительственные и другие кредиты ... почти не существуют» [2].

Газета «Слово» сообщила результаты обследования 80 крестьянских хозяйств на Виленщине в 1927 г. [3] При этом оказалось, что 8% дворов совсем не пользовались кредитами, 9% взяли ссуды в Сельхозбанке, 27% получили займы в учреждениях мелкого кредита (типа касс Стефчика) и 56% занимали у частных лиц на условиях уплаты иногда до 60% годовых [4]. Так шло кредитование и закабаление крестьян при проведении земельной реформы.

Белорусские крестьяне страдали еще и от того, что парцелляция лишала их тех участков земли, которые они ранее арендовали в крупных имениях. Эти участки распродавались и переходили к новым хозяевам. Земельный голод обострялся. Малоземельные хозяева вынуждены были искать аренду в других местах, но не всегда находили ее. Все это повышало арендную плату, утяжеляло издольщину, усиливало эксплуатацию тружеников полей. Правда, 20 июня 1924 г. был принят закон о наделении землей мелких арендаторов Западной Белоруссии и Западной Украины. Закон разрешал многолетним арендаторам приобретать арендуемые участки земли на полях,

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 124, л. 28.

[2] Archiwum Ministerstwa spraw wewnętrznych (Arch. MSW), sign. 119, k. 101.

[3] «Słowo», 1928, 6.X.

[4] Там же.

подлежавших парцелляции. Но закон не помогал тем, у кого не было денег. Арендаторы были разные — крупные и мелкие. Зачастую кулаки арендовали помещичьи земли. Существовала отдельная категория крупных арендаторов, ведших хозяйство наемным трудом на капиталистической основе. Такие арендаторы имели деньги и могли выкупать некоторые из арендованных ими участков земли. Но масса мелких арендаторов представляла собой безземельных и малоземельных крестьян, обрабатывавших землю своим трудом и не имевших средств для выкупа арендуемых участков. Они вынуждены были уступать обработанные ими делянки для продажи другим лицам.

Кроме того, как и все другие, этот закон содержал статью, запрещавшую продавать земли тем, кто боролся против польской армии или посягал на помещичью земельную собственность. Закон от 20 июня 1924 г. не наделял мелких хозяев землей, а отнимал у них даже те участки, которые они обрабатывали раньше в течение многих лет.

Итак, с какой бы стороны мы ни подошли, какой бы аспект аграрной реформы мы ни взяли, везде мы видим две тенденции — стремление к сохранению крупного помещичьего землевладения и экспроприацию масс трудящегося крестьянства. Эти две цели преследовало аграрное законодательство. Характеризуя политику пилсудчиков, Б. Тарашкевич говорил с трибуны польского сейма, что их знамена имели белую и черную стороны, что «на показной белой стороне этих знамен написано — за нашу и вашу вольность, а на обратной черной — за ваши земли для нас, за белорусские и украинские земли для польского пана и осадника» [1].

Магнаты и мысли не допускали о наделении землей белорусов. Недаром новогрудский воевода генерал Мариан Янушайтис заявил на съезде уездных старост в феврале 1925 г.: «Запас земли очень мал: всего 170 000 га, а малоземельных хозяев — 140 000. Ясно, что абсолютно невозможно наделение землей местного населения» [2]. Но генерал-воевода кривил душой и говорил неправду. Только в Новогрудском воеводстве к категории крупной соб-

---

[1] Бюлетэнь сеймавага клуба БСРГ, 1926, № 16.

[2] ГАБО, ф. 662, оп. 3, д. 7, л. 728.

ственности относилось 800 416 га земли [1] (не считая государственных лесов). В одном Несвижском майорате Радзивиллов было 75 тыс. га земли. А ведь этот майорат входил в Новогрудское воеводство. Трудно сказать, откуда воевода брал цифру 140 000 малоземельных крестьян. По переписи 1921 г. в этом воеводстве насчитывалось 111 427 бедняцких (до 10 га земли) и 16 022 середняцких хозяйства (от 10 до 20 га). Всего трудовое крестьянство насчитывало 127 449 дворов. При ликвидации помещичьего землевладения и перераспределении земли в пользу крестьянства можно было по меньшей мере в два раза увеличить надел каждого хозяина. Земли было много, но ее не желали передавать крестьянам.

На съезде магнатов в Вильно не зря говорилось: «Помещики в течение 60 лет после восстания преследовали единственную цель — удержать землю. То было альфой и омегой целой политической доктрины. В этом одностороннем направлении воспитывались поколения» [2]. Их газета, развивая ту же мысль, писала: «Наше общество оберегало польскость на восточных землях более 120 лет. Мы намерены оберегать ее в дальнейшем и отстоим» [3].

При таких намерениях господствующих классов Польши не было оснований ждать от них радикальной аграрной реформы.

6. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКО-РАБОЧЕЙ ГРОМАДЫ

В конце 1923 г. возникла отдельная, самостоятельная Коммунистическая партия Западной Белоруссии [4]. За сравнительно короткий срок, в течение полутора-двух лет, она смогла распространить свое влияние в массах и повести их за собой. Западная Белоруссия представляла собой край с преобладающим крестьянским населением. Поэтому работу в деревне коммунисты считали одной из важнейших своих задач. Им удалось собрать и организовать крестьянство под знаменем Белорусской крестьян-

---

[1] Pierwszy powszechny spis RP z dnia 30.IX 1921 roku, t. XI, zesz. 3, s. 3—4.

[2] «Słowo», 1924, 27.II.

[3] «Słowo», 1924, 14.XII.

[4] КПЗБ оформилась в декабре 1923 г. как секция КПП.

ско-рабочей громады. Краткая история ее создания и деятельности такова.

В 1922 г. состоялись выборы в польский сейм. Наиболее влиятельные белорусские, украинские, немецкие и еврейские партии вступили на выборах в блок и выдвинули свой объединенный список (№ 16) кандидатов в депутаты. По этому списку оказались избранными 15 белорусов: 12 депутатов сейма (Б. А. Тарашкевич, С. А. Рак-Михайловский, П. В. Метла, П. П. Волошин, А. Станкевич и др.) и 3 сенатора (В. Богданович, А. Власов, А. Назаревский) [1]. Белорусские избранники создали в сейме свою фракцию, которую назвали Белорусским депутатским клубом [2]. Во главе клуба встал Бронислав Адамович Тарашкевич, выдающийся ученый-филолог, автор первой грамматики белорусского языка, видный общественный и политический деятель. Однако среди членов Белорусского депутатского клуба идейного единства не было. По важнейшим проблемам социальной жизни и политической борьбы они придерживались различных взглядов и убеждений. Это в конце концов привело к расколу белорусской фракции в сейме.

В начале июля 1925 г. четыре депутата сейма — Бронислав Тарашкевич, Петр Метла, Семен Рак-Михайловский и Павел Волошин—вышли из состава Белорусского депутатского клуба и создали свою особую сеймовую фракцию, которую назвали Белорусской крестьянско-рабочей громадой (БКРГ) [3]. Возглавил новую группу Б. Тарашкевич. Возникшая как немногочисленная сеймовая фракция БКРГ в скором времени выросла в широкую революционно-демократическую организацию. Она развертывала свою деятельность под общим руководством компартии. Б. Тарашкевич вступил в КПЗБ [4].

Громада оказывала огромное влияние на формирование политических убеждений и рост национального самосознания белорусского населения. Повсеместно появлялись ее первичные организации [5], газеты Громады чита-

---

[1] AZHP przy KC PZPR, sign. 287/1-1, k. 3; Беларускі каляндар на 1923 г., стар. 30—34.

[2] Фракция называлась Белорусским посольским клубом. По-польски посол означает депутат.

[3] «Рэха», 1925, 8.VII.

[4] «Полымя», 1966, № 6, стар. 143.

[5] ГАБО, ЗКИ/с 23, л. 186.

лись почти в каждой крестьянской избе. На рост революционных настроений белорусского населения оказали влияние государственный переворот, совершенный И. Пилсудским в мае 1926 г., и проводившаяся пилсудчиками антинародная политика. Население Западной Белоруссии испытало усиление классового и национального угнетения. В связи с этим во второй половине 1926 г. наблюдался особенно бурный рост Громады. БКРГ представляла собой преимущественно крестьянскую организацию, но в нее входили также рабочие и интеллигенция. Среди ее членов было много поляков, литовцев и евреев. «Это было самое лучшее проявление общности борьбы угнетенных и бедноты всех национальностей» против одного классового врага — польского капитала [1].

Громада объединяла свыше 100 тыс. членов; сочувствующих, не успевших оформиться в члены партии, насчитывалось в несколько раз больше. Сторонниками БКРГ являлись 9/10 всего населения края [2]. Ее первичные организации имелись почти в каждой деревне. Громада наладила совместные действия с польскими, литовскими и еврейскими прогрессивными партиями, прежде всего с Независимой крестьянской партией (НПХ), объединявшей трудящееся крестьянство всей страны и находившейся под идейным влиянием Коммунистической партии Польши [3].

Громада возникла и развивалась в борьбе. Она росла и мужала в ожесточенных битвах с классовыми врагами. Ее первичные организации за короткое время своего существования стали центрами всей общественной, а иногда даже и политической жизни деревни [4].

С появлением Громады усилилось сопротивление крестьянства проведению выгодной помещикам аграрной реформы. Затормозился процесс «ликвидации сервитутов, а частная парцелляция под влиянием деятельности Громады полностью замерла» [5]. Бывший земский комиссар в Вилейке сообщал, что в 1926 г. было выполнено только

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 79.

[2] ГАБО, ЗКИ/с 23, л. 1186.

[3] НПХ — Независимая крестьянская партия (по-польски Незалежна партия хлопска) была создана в 1924 г.

[4] «Наш голас», 1927, 26.I.

[5] «Kurier wileński», 1928, 26.II.

50% плана комасации мелких земельных площадей. Частная парцелляция в те годы вовсе прекратилась[1]. Крестьяне не хотели покупать помещичью землю, надеясь, что овладеют ею бесплатно.

Деятельность Громады мобилизовала людей на борьбу против налоговой политики правительства. Это отразилось в многочисленных резолюциях, содержавших требования переложения налоговых тяжестей на имущие классы. Трудящиеся сопротивлялись бесконечным обложениям и поборам. «Даже зажиточные крестьяне, которые вовремя и регулярно вносили налоги, перестали их платить вплоть до прибытия экзекуторов. Войты не справлялись с трудностями взыскания налогов»[2].

После прихода к власти Пилсудского положение трудящихся в Польше ухудшилось. Возмущение народных масс на окраинах нарастало. Росла революционная активность крестьянства. Усилилось забастовочное движение среди лесных, сельскохозяйственных и сезонных рабочих. Осенью 1926 г. крестьяне проявили высокую степень организованности и выдержку в борьбе с помещиками. В ряде мест они выдвинули свои требования и упорно настаивали на их удовлетворении. Там, где помещики отказались их удовлетворить, в имениях на огромных массивах остался невыкопанным картофель, так как крестьяне не пошли работать[3].

Усилились бойкотистские настроения среди крестьян в отношении польских школ, распоряжений властей, выполнения дорожных работ (шарварков) и т. д. В Западной Белоруссии в то время еще существовали разошедшиеся по домам, но сохранившие оружие и тайную организационную связь бывшие партизанские отряды, которые в отдельных местах насчитывали сотни людей. Участились случаи убийств агентов дефензивы и провокаторов.

С первых дней существования Громады господствующие классы и правительство предпринимали всевозможные меры для борьбы с ней. Прежде всего применялись

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции БССР (ЦГАОР БССР), ф. 882, оп. 1, д. 27, л. 139.

[2] «Kurier wileński», 1928, 26.II (Экзекутор — налоговый агент).

[3] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, д. 79, л. 32.

средства идеологической обработки масс, для чего использовались буржуазные и находившиеся на содержании господствующих классов партии. Из белорусских антинародных и соглашательских партий больше других выслуживались перед правительством и усердствовали в клевете на Громаду так называемая Белорусская народная партия, возглавляемая Павлюкевичем и представлявшая собой открытую агентуру дефензивы [1], Белорусские христианские демократы — клерикальная партия, руководимая ксендзом А. Станкевичем [2], и Белорусский крестьянский союз, созданный Рогулей и Яремичем и являвшийся опорой польской реакции в Западной Белоруссии [3]. Их газеты изо дня в день помещали на своих страницах всякие провокационные измышления о Громаде и подстрекали правительство к расправе над ней.

В декабре 1926 г. было совершено вооруженное нападение агентов дефензивы, полицейских и осадников на уездный съезд членов Громады в Староберезове Бельского уезда [4]. Кроме рядовых делегатов, на съезде присутствовали П. Метла и П. Волошин. Нападавшие учинили массовую расправу и жестоко избили не только рядовых делегатов съезда, но и присутствовавших там основоположников Громады, депутатов сейма. Агенты дефензивы глумились над П. Метлой и П. Волошиным, попирая их парламентскую «неприкосновенность». В доме крестьянина Ивана Трещетки, где проходил съезд, выбили окна и выломали двери. Так пилсудчики начали наступление на крестьянскую организацию.

«По планам правительства разгром съезда Громады в Староберезове должен был стать поворотным моментом» [5]. Он фактически таким и стал. В ночь с 14 на 15 января 1927 г. полиция по заранее разработанному плану [6]

---

[1] «Бальшавік», 1928, № 5—6 (26), стар. 7—8.

[2] «Крыніца», 1936, 24.I; 9.II.

[3] Белорусский крестьянский союз был создан в 1925 г. из остатков Белорусского депутатского клуба после выхода из него Громады. Мелкобуржуазная партия, сотрудничала с польскими господствующими классами. Проявляла враждебность по отношению к СССР и БССР. Стремилась подчинить своему влиянию все западнобелорусское крестьянство. (Постановления III конференции Коммунистической партии Западной Белоруссии, стр. 22).

[4] Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922—1926, стар. 446—450.

[5] AZHP przy KC PZPR, N B 12542, k. 4.

[6] А. Чарвякоў. За Савецкую Беларусь. Мінск, 1927, стар. 114.

разгромила местные организации, уездные комитеты и Центральный секретариат Громады [1]. Везде были произведены обыски и погромы, забраны документы и деньги (членские взносы). В ту ночь дефензива арестовала свыше 800 деятелей организации [2]. При этом подверглись аресту создатели Громады Б. Тарашкевич, П. Метла, С. Рак-Михайловский, П. Волошин и один из руководителей Независимой крестьянской партии депутат сейма Ф. Головач. Депутатов арестовали даже без санкции сейма, по приказу министра внутренних дел [3]. Аресты продолжались несколько дней. «Одновременно с атакой на Громаду были совершены массовые обыски и аресты в Варшаве» [4]. Буржуазная демократия и парламентская неприкосновенность были растоптаны полицейскими сапогами.

Правительство пошло на новое преступление и 27 марта 1927 г. объявило о роспуске Громады [5]. Одновременно оказалась загнанной в подполье и Независимая крестьянская партия, насчитывавшая в Западной Белоруссии до 75 тыс. членов.

Подводя итоги деятельности и борьбы Громады, следует отметить:

1) БКРГ достигла колоссального успеха и накопила ценнейший опыт в деле объединения трудящихся масс и руководства ими в освободительной и революционной борьбе. Это был успех КПЗБ, образец сочетания ею нелегальной борьбы с широкой партийной работой в легальных организациях. Значимость этого опыта вышла за пределы деятельности КПЗБ и явилась огромным достижением всего международного коммунистического движения. В отчетном докладе I съезду КПЗБ это оценивалось так: «Громада — это тот большой опыт, который наша партия приобрела для себя и для других партий в руководстве крестьянским движением» [6].

2) Громада выросла и превратилась в самую массовую и одну из сильнейших политических организаций во

---

[1] AZHP przy KC PZPR, N B 12542, k. 5; «Сялянская ніва», 1927, 19.I.

[2] AZHP przy KC PZPR, arch. Duracza, k. 57; N B 12542, k. 5.

[3] ГАБО, ЗКИ/с 23, л. 184.

[4] Arch. MSW, sign. 18, k. 120.

[5] ГАБО, ЗКИ/с 23, л. 184.

[6] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 52.

всей Польше. Она развертывала свою деятельность под руководством КПЗБ и КПП, следовала идеям революционно-демократического интернационализма и выступала заодно с трудящимися всей Польши.

3) Она проделала колоссальную политико-массовую и культурно-просветительную работу среди населения. Б. Тарашкевич заявил на суде: «Вся польская и белорусская пресса признает, что БКРГ сыграла колоссальную роль в жизни белорусского народа. Белорусский народ без школы начал писать по-белорусски, и научила его этому БКРГ» [1]. На I съезде КПЗБ отмечалось: «Громада, безусловно, втянула широкие массы белорусского крестьянства в курс политической жизни... в Громаду было втянуто очень много женщин» [2]. Она стала школой идейного и организационного воспитания масс.

С разгромом Громады революционное движение в Западной Белоруссии не прекратилось. Массовые аресты, произведенные среди населения, вызвали возмущение народа и многотысячные демонстрации протеста, проходившие под революционными лозунгами. Росло сознательное и организованное сопротивление трудящихся масс политике польского капитализма.

Летом 1927 г. в Польше состоялись выборы органов местного самоуправления. В Западной Белоруссии они принесли огромный успех компартии и демократическим организациям. Политический секретарь ЦК КПЗБ И. Логинович сообщал, что в состав волостных правлений по всей Западной Белоруссии было введено от 60 до 90% коммунистов и сочувствующих им беспартийных активистов. «В Барановичском округе на 167 избранных мы имеем 100 коммунистов и 30 сочувствующих» [3]. Только 36 человек, или 22,2% избранных, принадлежали к другим партиям.

При выборах в сейм в 1928 г. рабоче-крестьянский блок, созданный и руководимый компартией, сгруппировал и повел за собой 300 тыс. человек, что составило около 25% всех избирателей [4]. Это была блестящая победа коммунистов и всех трудящихся.

---

[1] ЦГАОР БССР, ф. 882, оп. 1, д. 27, л. 391.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 79.

[3] AZHP przy KC PZPR, sign. 158/1—4, t. 11, k. 66.

[4] AZHP przy KC PZPR, sign. 158/1—5, t. 12, k. 120.

Под руководством КПЗБ были проведены весьма внушительные демонстрации в связи с одиннадцатилетием Октябрьской революции, массовые акции в защиту Товарищества белорусских школ. Под руководством КПЗБ революционное и национально-освободительное движение, несмотря на террор властей, поднималось на высший уровень. В этом была немалая заслуга и Громады.

Разорение крестьянства Западной Белоруссии

1. Закон об аграрной реформе от 28 декабря 1925 г.

Аграрная реформа в Польше, проводившаяся на основании закона от 15 июля 1920 г., не удовлетворила крестьянство. Деревня бурлила от негодования и переходила к новым формам борьбы.

Борьба крестьянства во всей Польше становилась все более массовой, организованной и упорной; основным ее содержанием был аграрный вопрос. Крестьянское движение возглавлялось коммунистами. Оно носило ярко выраженный революционный характер. В таких условиях правительство и так называемое общественное мнение постоянно должны были возвращаться к вопросу о перераспределении земельной собственности.

Вокруг вопроса об аграрной реформе в Польше беспрерывно шла ожесточенная борьба, напряженность которой усиливалась по мере истощения государственных фондов и появления опасности парцелляции помещичьих земель. Магнатам все труднее становилось сохранять в неприкосновенности свою собственность. Их сопротивление осуществлению радикальной аграрной реформы возрастало пропорционально росту крестьянской борьбы за землю.

Крупные землевладельцы, заняв командные посты в правительственных учреждениях, всячески старались доказать нецелесообразность проведения коренного перераспределения земель. По аграрному вопросу в Польше было опубликовано большое количество исследований,

преследовавших цель укрепить крупное землевладение, сохранить латифундии, оставить все по-старому. Ученые, принадлежавшие к господствующим классам или находившиеся у них на содержании, защищали интересы крупных аграриев. В своих публикациях они, как правило, поддерживали высказывания официальной прессы и помещичьих газет.

Так, газета «Час» утверждала, что «всякая аграрная реформа, основанная на отчуждении, противоречит конституции, опасна для общественного порядка, вредна для государства и несправедлива по отношению к тем, от кого отчуждают. Цель аграрной реформы может быть достигнута только путем добровольной распродажи... Любая другая попытка решения этой проблемы явится нарушением права, определяющего существование державы, и приведет государство к грозным потрясениям» [1]. Виленская помещичья газета «Слово», выступая против парцелляции, писала, что «распыление земли на малые участки неизбежно повредит хозяйственной будущности Польши» [2].

Те же мысли развивали и ученые. Известный аграрник, бывший премьер-министр Польши, В. Грабский писал: «Некрупные имения (до 250 га) дают наивысшие валовые доходы в сравнении со всеми другими типами хозяйств, обеспечивая заработки крестьянам и создавая богатый поставляющий рынок для городов, благодаря чему обогащается не только деревня, но и вся страна» [3]. В. Грабский сам был владельцем подобного имения, не удивительно, что он защищал и рекламировал милое его сердцу имение средней величины как самое выгодное и даже «обогащавшее всю страну».

Крупные землевладельцы и их теоретики широко использовали в защиту полуфеодальных латифундий и такой наивный довод: нельзя ликвидировать крупные имения еще и потому, что они дают заработки многим батракам и крестьянам; при парцелляции же деревенская беднота лишится средств к существованию. Нет нужды опровергать эти надуманные утверждения. Они давно опровергнуты теорией и жизнью.

---

[1] «Czas», 1925, 8.III.

[2] «Słowo», 1925, 31.III.

[3] W. Grabski. Wieś i folwark, s. 81.

Помещичьи хозяйства не только не обогащали страну, но дорого обходились ей и не обеспечивали ее даже хлебом. После неурожая 1924 г. для подъема сельского хозяйства был ассигнован государственный кредит в размере 10 млн. злотых [1]. Из этой суммы на долю Виленского воеводства пришлось 375 тыс., Новогрудского — 500 тыс., Белостокского — 625 тыс. злотых [2]. Так как поставщиками хлеба были помещики, то все эти средства перешли в их карманы. Им списывалась налоговая задолженность, составлявшая сотни миллионов злотых. Подобные операции проводились постоянно.

Апологеты помещичьего землевладения применяли и такой метод. Доказывали жизненность, устойчивость, высокую доходность и выгодность мелкого сельскохозяйственного производства. Ими был вымышлен образец небольшого, но жизнеспособного, самообеспечивающегося, рентабельного крестьянского хозяйства, названного ими «самодельным» хозяйством [3].

Однако мнения расходились при определении его размеров. Газета «Слово» считала «самодельным» хозяйство в 15 га [4], заявляя при этом, что «жить должно только то, что имеет наилучшие условия для жизни, слабейшие, мелкие хозяйства должны исчезнуть» [5]. Эта черносотенная газета делала ставку на помещиков и кулаков, считая, что они должны экспроприировать и вытеснить мелкие производственные единицы.

Ученые-аграрники по-разному определяли минимальную площадь самообеспечивающихся хозяйств. Одни находили достаточными ее размеры от 5 до 20 га [6], другие — от 15 до 30 га [7]. Большинство же аграрников за

---

[1] «Dziennik Poznański», 1925, 15.II.

[2] Там же.

[3] Здислав Людкевич дал следующее определение этого хозяйства: «Самодельное хозяйство отличается тем, что доставляет достаточно труда всей семье владельца в течение весны, лета и осени. В нем свободно можно применять конскую тягловую силу, в худшем случае — одну сильную лошадь». (Zdz. Ludkiewicz. Ustrój rolny Polski i jego niedomagania. Warszawa, 1935, s. 22).

[4] «Słowo», 1925, 31.III.

[5] Там же.

[6] Dr Bohdan Dederko. Najkorzystniejszy rozmiar gospodarstw wiejskich. Warszawa, 1925, s. 11; Dr Styś Wincenty. Struktura rolna Polski, s. 7.

[7] Zdz. Ludkiewicz. Ustrój rolny Polski i jego niedomagania, s. 22.

минимальную норму самообеспечения крестьянских хозяйств склонно было считать площадь в 4—5 га. Журнал «Рольництво», опровергая это мнение, писал: «Почему, собственно, такая норма (4—5 га) признана за критерий, трудно сказать. Наука и жизнь давно доказали, что норма земли самообеспеченных хозяйств находится выше»[1].

Ученые-аграрники старались убедить крестьян в том, что им много земли не надо, что на той площади, которой они владеют, можно получать прибыли и жить в достатке. Если же крестьянские хозяйства не являются прибыльными, то виновны в этом лишь сами «нерадивые» их владельцы. Поэтому им прирезка земли не нужна. Вот к чему приводили ученые трактаты о «самодельных» хозяйствах. Особенно усердно поработал на этом поприще В. Грабский. Он писал, что «крестьянское хозяйство получает валовую продукцию с гектара тем выше, чем оно мельче»[2]. В одном месте он утверждал, что «средние крестьянские хозяйства дают наивысший чистый доход и лучше всего оплачивают труд»[3]. В другой раз он воспевал мельчайшие хозяйства. «Если бы мы хотели выделить хозяйства, имеющие наивысшую производительность, доход и выгоду с гектара,— писал он,— то мы должны были бы обратиться к хозяйствам, ведущимся на площади в 2—3 га, а не 3—5 га»[4]. Эта мысль подкреплялась рядом аргументов. «Применение людского труда, насыщенность инвентарем, а также эффективность использования почв при подсчете на гектар — наибольшие в самых крошечных хозяйствах»[5]. Если всю аргументацию В. Грабского принять всерьез, то можно прийти к выводу, что надо интенсивнее проводить парцелляцию и дробить крупные хозяйства на мелкие, скорее передавать помещичью землю крестьянам. Однако сам автор к таким выводам не приходил.

Варшавская же помещичья газета «Час», отбросив все рассуждения ученых, откровенно заявляла, что «цели аграрной реформы можно достичь только на пути добровольной парцелляции... Любая другая попытка решения проблемы приведет государство к аграрному потрясению

---

[1] «Rolnictwo», 1932, kwiecień, s. 21.
[2] W. Grabski. Wieś i folwark, s. 80.
[3] Там же, стр. 81.
[4] «Rolnictwo», 1937, № 88, s. 5.
[5] Там же.

и будет нарушением права, от которого зависит существование государства»[1]. В. Грабский поддерживал это мнение, утверждая: «Экономическое преимущество мелких хозяйств над крупными в сфере чистых доходов ведет к тому, что при свободной игре экономических сил первые выкупят вторые безо всякого вмешательства в эти области законодательства»[2]. В теоретических исследованиях В. Грабского не сходились концы с концами. С одной стороны, он доказывал, что мелкое хозяйство — самое выгодное и рентабельное, а с другой — боялся и старался не допустить осуществления аграрной реформы, неизбежным следствием которой должно было явиться увеличение численности мелких хозяйств.

В. Грабский не стремился к выяснению истины и лишь всеми доступными ему средствами защищал интересы помещиков. Однажды, отбросив витиеватую научную терминологию, он заговорил начистоту: «Для того ли мы будем проводить аграрную реформу в Польше, чтобы создать в польской деревне основу для новых форм классовой борьбы? Не можем мы вместо сельскохозяйственных рабочих в имениях создавать класс фермерско-крестьянских батраков»[3]. Шляхта боялась батрачества и усиления его борьбы за землю. А ведь тот же В. Грабский, будучи главой правительства, должен был проводить аграрную реформу. Ясно, что он делал все от него зависящее для того, чтобы ее не допустить, затормозить, сорвать. Крестьянству нечего было ждать от такого правительства.

Авторы ученых изысканий утверждали, что крестьянское хозяйство еще и тем выгоднее, что «на 100 га крестьянской земли приходится в несколько раз больше лошадей и другого скота, чем на 100 га помещичьей земли»[4]. В. И. Ленин давно вскрыл сущность подобных доводов и определил их классовую направленность. Он разъяснил, что «ошибочные мнения о «превосходстве» мелкого земледелия»[5] прочно удерживаются в сознании многих людей, что «буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки этого типа» легко уживаются «с большим

[1] «Czas», 1925, 8.III.
[2] W. Grabski. Wieś i folwark, s. 82.
[3] «Rolnictwo», 1937, № 88, s. 9.
[4] Dr. Styś Wincenty. Reforma rolna, jako walka z przeludnieniem wsi, s. 7.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 191.

прогрессом социальной и, в частности, сельскохозяйственной статистики»[1]. Он показал, что «прочность этих ошибок и предрассудков поддерживается еще интересами буржуазии, стремящейся затушевать глубину классовых противоречий современного буржуазного общества, а когда дело касается интересов, тогда самые бесспорные истины, как известно, начинают оспариваться»[2]. Апологеты эксплуататорских классов склонны делать заключения «вообще о побивании крупного производства мелким в земледелии»[3]. В. И. Ленин доказал несостоятельность подобных утверждений. Хотя в мелких хозяйствах число голов скота на равных участках земли действительно больше, но в крупных фермах продуктивность скота выше и на такую же площадь земли приходится больше мяса, молока и т. д.[4] Недаром около 75% лошадей для польской армии, как наиболее рослых, поставляла крупная собственность[5].

Одним из «аргументов», выдвигавшихся против парцелляции помещичьих земель, было перенаселение деревни. Утверждалось, что крестьянство имеет «дурную привычку слишком быстро размножаться», что при таком темпе роста населения всем земли не хватит. «Даже отчуждение всей помещичьей собственности до последнего клочка земли не удовлетворило бы необеспеченных земледельцев, зато привело бы к полной пауперизации помещиков, что в дальнейшем усилило бы и обнищание крестьянства»[6]. И если бы даже однажды удалось удовлетворить всех землей, то через несколько лет, когда вырастет новое поколение, все равно опять наступит земельный голод. «Парцеллируя остатки запаса земли,— говорили адвокаты шляхетского землевладения, — мы должны считаться с тем, что через десять лет снова встанем перед проблемой перенаселения деревни, только тогда запаса земли уже не будем иметь»[7]. Нет нужды опровергать такие утверждения.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 191.
[2] Там же.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 251.
[4] Там же, стр. 239.
[5] Pamiętnik IX ogólnopolskiego zjazdu fachowo-rolniczego w dn. 7 i 8 marca 1939 r., s. 85.
[6] «Czas», 1925, 9.III.
[7] Pamiętnik IX ogólnopolskiego zjazdu fachowo-rolniczego w dn. 7 i 8 marca 1939 r., s. 102.

Вопрос об обеспечении крестьян землей в буржуазно-помещичьей Польше преподносился как неразрешимая проблема. Так зачем же ликвидировать помещичьи имения, вопрошалось в сейме, в газетах и в научных статьях, если крестьян все равно невозможно насытить землей? Увеличение численности населения вызывало тревогу господствовавших классов. Вот одно из типичных высказываний по этому поводу: «Рост нашего народонаселения, которому завидует Франция и который, с плохо скрываемым беспокойством, приветствует Германия, в нашем государстве вызывает скорее тревогу, чем радость... Рождаемость у нас очень высокая, а прирост населения чрезмерный»[1]. Что же делать для того, чтобы не было прироста населения? В. Грабский высказал свое мнение и по этому вопросу. «Если никакого иного способа разрешения наших трудностей не будет найдено,— заявил он,— то нашему народу ничего другого не останется, как прекратить размножаться»[2]. Так могли говорить только люди, боявшиеся своего народа.

Прекращение роста численности народонаселения казалось делом далекого будущего. Это не устраивало крупных собственников. Им нужны были срочные меры, они искали способа непосредственного сокращения населения страны. Правящие классы Польши устраивала массовая эмиграция крестьянства за границу. Она должна была сократить число безработных. В Польше постоянно работали иностранные миссии по набору рабочей силы. Уезжали все те, кому родина была не матерью, а мачехой, кто у себя не мог найти работы. Антинародная политика буржуазии и помещиков привела к тому, что поляков, а вместе с ними украинцев и белорусов, эмигрировавших в те годы из Польши, можно встретить во многих странах мира. И всюду они выполняют самые тяжелые, низкооплачиваемые работы. Кто не знает судьбы бесправных эмигрантов в капиталистическом мире? Они в последнюю очередь получают работу, а в случае кризиса или других неблагоприятных обстоятельств увольняются первыми.

Но и искусственно поддерживаемая правительством эмиграция трудящихся за границу проблемы не решала.

---

[1] Dr. Zofia Daszyńska-Golińska. Zycie gospodarcze a ekonomika społeczna. Lwów, 1923, s. 92—93.

[2] W. Grabski. Inwestycje rolnicze. Warszawa, 1936, s. 6.

Земельный голод не смягчался. Брожение крестьянства усиливалось, революционное движение в стране шло на подъем. В таких условиях правительство вынуждено было заниматься проблемами земельной реформы. В политических кругах и в литературе постоянно выдвигались и обсуждались проекты аграрных преобразований. К концу 1925 г. проект нового закона был подготовлен на основе компромисса различных политических группировок, прежде всего в результате сговора между кулацкой партией ПСЛ-Пяст и помещиками [1]. Компромисс достигался за счет разорения и усиления эксплуатации трудящихся слоев деревни. После длительной межпартийной тяжбы 28 декабря 1925 г. проект был поставлен в сейме на голосование и принят как новый закон [2].

Существо принятого 28 декабря 1925 г. закона сводилось к следующему. Допускалась возможность отчуждения частных земель посредством выкупа по ценам, назначаемым правительством. Устанавливался максимум площади земли для одного хозяйства, не подлежащей отчуждению, в размере 60 га в пригородах и промышленных районах и 180 га — в остальных местах.

Однако в законе опять делалась оговорка о том, что имения высокой сельскохозяйственной культуры, с точки зрения мелиорации, продуктивности и технической оснащенности, парцелляции не подлежали. Собственностью владельцев оставались также лесные массивы, имевшие площадь свыше 50 га (а на восточных землях — свыше 100 га), рыбные пруды площадью свыше 3 га и прочие пруды — свыше 20 га. Кроме того, правительству предоставлялось право освобождать от парцелляции имения, которые оно найдет нужным.

Общая площадь всех земель, не подлежащих дроблению, устанавливалась в 600 тыс. га для всей Польши. Закон предусматривал ежегодную парцелляцию площади в 200 тыс. га и реализацию реформы в течение 10 лет.

Величина нарезаемых парцелл устанавливалась в среднем в 15 га, а для Западной Белоруссии — не свыше 25 га. Батраки распарцеллированных имений могли приобрести за деньги участки на землях, которые они обрабатывали, или компенсацию от бывших владельцев в

---

[1] Adam Bandos. Walki chłopskie 1937 roku. Warszawa, 1953, s. 5.

[2] Dziennik ustaw RP, 1926, № 1, poz. 1.

сумме 500 злотых. Впрочем, оставшиеся не у дел сельскохозяйственные рабочие не могли воспользоваться законом для получения компенсации или приобретения земли. Через месяц после прекращения работы в имении они должны были освободить занимаемое жилье [1].

Новый закон не отличался последовательностью. Его противоречивость — следствие того, что он принимался в условиях острой межпартийной борьбы. Это подтверждал и В. Станевич, говоря, что «закон от 28 декабря 1925 г. недостаточен и, кажется, не удовлетворяет никого ни справа, ни слева; он является результатом определенного компромисса, достигнутого в ожесточенной борьбе» [2]. Проявляя трезвые суждения, он утверждал также, что этот закон как «компромисс содержит в себе зачатки грозного общественного конфликта» [3].

В. Станевич разъяснил статью о выкупных ценах, заявив, что правительство должно устанавливать «реальные», т. е. рыночные, цены при так называемой принудительной парцелляции имений, чтобы не пострадали интересы землевладельцев [4].

В законе говорилось, что страна «будет опираться на сильные, здоровые, способные к интенсивному производству хозяйства разного типа и величины, представляющие частную собственность их владельцев» [5]. Ясно, что новый закон защищал лишь интересы помещиков и кулаков. Предусматривалась дальнейшая перестройка сельского хозяйства на капиталистической основе.

Оценивая закон от 28 декабря 1925 г., журнал «Польска господарча» напоминал о том, что еще до первой мировой войны в Польше помещики широко распродавали земли, удаленные от господских дворов, как мало рентабельные. Уже тогда в сельских местностях преобладали имения в 160—250 га, а вблизи городов — 80—160 га [6]. Журнал обращал внимание на то, что «принятые в ст. 4 закона от 1925 г. нормы не подлежащей принудительной парцелляции собственности — 180 га в сельских местно-

---

[1] Cz. Madajczyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 208.

[2] Witold Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 75.

[3] Там же, стр. 31.

[4] Там же, стр. 185.

[5] Dziennik ustaw RP, 1926, № 1, poz. 1, art. 1.

[6] «Polska gospodarcza», 1935, zesz. 46, s. 1423.

стях и 60 га в пригородах» соответствовали нормам, которые сами собой установились в помещичьих имениях в разных зонах страны.

Даже при этих условиях помещики встали в оппозицию новому закону, препятствовали его реализации. «От земли идет наш род и мы ее не отдадим» [1], — заявляли крупные собственники. Это была не только угроза. Уже в первом квартале 1926 г. правительство лишило кредитов министерство аграрных реформ [2]. В дальнейшем возникали новые препятствия.

Принятием закона от 28 декабря 1925 г. завершился так называемый хиено-пястовский этап в развитии аграрной политики правящих классов Польши. Характерными чертами политики Хиено-Пяста [3] являлись «прямолинейность, система грубого и ничем не прикрытого террора и экстерминации, открытой насильственной колонизации, отрицания самого факта существования белорусского народа» [4]. Осуществляя такую политику, польский капитал опирался в Западной Белоруссии исключительно на мощь государственного аппарата с его средствами принуждения и насилия, на костел, помещиков, осадников и некоторые весьма малочисленные соглашательские элементы, встречавшиеся среди белорусского населения [5].

Земля раздавалась, как правило, полякам. Такая политика революционизировала пролетариат и широкие массы крестьянства, вызывала недовольство даже среди кулачества и белорусской интеллигенции. «Наиболее яркой и крайней формой этого недовольства среди белорусской интеллигенции была все более усиливающаяся советофильская ориентация, которая вдобавок стимулировалась бурным ростом хозяйственного и культурного строительства в БССР. Следствием этого было почти полное банкротство польских соглашательских партий, как ППС и Вызволение... рост революционной волны в

---

[1] Aleksandr Kobylański. Oświetlenia do programu gospodarczego i zmiany ustroju rolnego w Polsce. Kraków, 1927, s. 143.

[2] Cz. Madajczyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 212.

[3] Хиено-Пяст — правительственная коалиция, включавшая в себя правые партии от христианских демократов до ПСЛ-Пяст. Существовала до мая 1925 г., до переворота, совершенного Пилсудским.

[4] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 6, д. 67, л. 5.

[5] AZHP przy KC PZPR, sign, 158/1-4, t. 11, k. 45.

Западной Белоруссии, могучее усиление влияния компартии»[1] и т. д.

В противовес реакционной аграрной политике господствующих классов коммунисты выдвинули свою революционную аграрную программу.

2. АГРАРНАЯ ПРОГРАММА КПП И КПЗБ

В 1923 г. состоялся II съезд Коммунистической рабочей партии Польши, который определил тактику партии, основанную на принципах марксизма-ленинизма в классовой борьбе пролетариата и крестьянства против господства капитала. Съезд выдвинул лозунг о безвозмездном отчуждении всех помещичьих земель и бесплатном наделении ими тех, кто на них работает. Он взял курс на усиление революционного союза пролетариата и крестьянства и разъяснил, что революция в стране возможна только как рабоче-крестьянская[2].

Решения съезда имели огромное идейное влияние на трудящихся деревни и на радикальные, демократические слои крестьянских партий. В 1923 г. на съезде партии ПСЛ-Вызволение под давлением низов была принята резолюция с требованием бесплатной передачи земли крестьянству[3]. А через год из ПСЛ-Вызволение выделилось левое крыло и образовало самостоятельную Независимую крестьянскую партию (НПХ), превратившуюся в массовую революционно-политическую организацию и вставшую под идейное влияние коммунистической партии.

В январе 1925 г. состоялся III съезд КПРП, конкретизировавший аграрную программу партии. Ее основными требованиями были: 1) конфискация всей помещичьей и церковной земли без компенсации и бесплатное наделение ею безземельных и малоземельных крестьян; 2) создание революционных крестьянских комитетов для бесплатного наделения трудового крестьянства землей. Комитеты должны избираться на сельских сходах и съездах[4].

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 6, д. 67, лл. 5—6.

[2] Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине. Минск, 1935, стр. 17—22.

[3] «Советская Беларусь», 1924, 16.XI.

[4] Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине, стр. 65.

Эта программа легла в основу партийной тактики в деревне на весь последующий период.

Коммунистическая партия Западной Белоруссии с момента своего возникновения всегда уделяла важнейшее внимание крестьянскому вопросу. В январе 1926 г. состоялась третья конференция КПЗБ. Она приняла «Тезисы о задачах партии в деревне»[1], чем положила начало выработке аграрной программы партии на марксистско-ленинских принципах. В тезисах дан глубокий анализ всех экономических и социальных процессов, происходивших в Западной Белоруссии, отмечены специфические особенности положения в крае, обусловленные колонизаторской политикой польского капитала. Это национальный гнет, обезземеливание местного крестьянства, насаждение осадничества, непосильные налоги, шарварки, политическое бесправие коренного населения, произвол администрации, террор, безработица, бойкот местной рабочей силы, расслоение деревни и т. д.

Партия учитывала все эти особенности и исходила из них.

Конференция взяла курс на укрепление революционного союза рабочего класса и крестьянства в их совместной борьбе против капитала. Она разъясняла широким массам, что «их социальное и национальное освобождение возможно только в результате победы общепольской революции, осуществленной объединенными усилиями рабочих и крестьян всего польского государства[2]. Это была правильная ориентировка трудящихся разных национальностей на объединение сил в борьбе против эксплуататоров.

Был выдвинут также лозунг о создании революционным путем рабоче-крестьянского правительства. В резолюции конференции говорилось: «Основными лозунгами партии для мобилизации крестьянских масс под свои знамена должны быть: земля без выкупа, национальное освобождение, рабоче-крестьянское правительство, созданное революционным путем, и рабоче-крестьянский союз»[3]. Лозунг о создании рабоче-крестьянского прави-

---

[1] Постановления III конференции Коммунистической партии Западиой Белоруссии, стр. 49—68.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, д. 34, л. 29.

[3] Постановления III конференции Коммунистической партии Западной Белоруссии, стр. 61.

тельства давал партии и трудящимся ориентировку на социалистическую революцию в Польше.

Конференция выдвинула и так называемые частичные требования, или лозунги повседневной борьбы: против осадничества и выгодной помещикам парцелляции; против налогов и шарварков; за освобождение от налогов беднейшего и среднего крестьянства и переложение налоговых тяжестей на имущие классы; за предоставление крестьянам долгосрочных кредитов, строительных материалов и др.

Под руководством компартии революционное движение в Западной Белоруссии шло на подъем.

3. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬСКОЙ САНАЦИИ

В мае 1926 г. Пилсудский и его единомышленники совершили государственный переворот в стране и захватили власть в свои руки. В Польше начался период, известный под названием «санация», продолжавшийся свыше тринадцати лет. Перед пилсудчиками сразу же возникла проблема аграрной политики. Встал вопрос, «что делать с земельной реформой» [1],— свидетельствовал В. Станевич. «Отбросить ли только что принятый закон от 28 декабря 1925 г. и приступить к выработке новых концепций в аграрном законодательстве или оставить закон в силе, использовать то, что в нем было приемлемо?» [2], т. е. придать ему такое содержание, которое соответствовало бы целям нового правительства, отражало бы аграрную политику санации?

Но не признать и перечеркнуть все сделанное ранее уже было нельзя. Тысячи осадников получили белорусские и украинские земли, помещики захватили сервитуты, крестьянство сгонялось на хутора. Многие министры, сенаторы, депутаты сейма приобрели земли, стали владельцами крупных латифундий. Сам Пилсудский присвоил имение. Слишком много высокопоставленных государственных чиновников, военнослужащих и помещиков нажилось на аграрной реформе. Отменить все это было невоз-

---

[1] Witold Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 187.

[2] Там же.

можно, так как означало бы нажить себе многих влиятельных врагов. Кроме того, «опасно было отменять недавно принятый закон, который к тому же был определенным компромиссом, и тем самым вызывать борьбу даже в правительственных кругах» [1],—признавал министр аграрных реформ. И, наконец, над всем довлела угроза аграрной революции. Господствовавшие классы боялись народа и его революционной инициативы. «В конце концов, не следовало подрывать среди масс авторитет права и веру в возможность проведения аграрной реформы на основе законодательства. Иначе бы это способствовало аграрному перевороту революционным путем» [2].

После новых межпартийных пререканий и стычек в верхах было решено закон от 28 декабря 1925 г. оставить в силе. Внесением в него ряда поправок и дополнений, применением нового толкования ряда статей он был трансформирован, приспособлен к новым требованиям и положен в основу политики санации в деревне.

Будучи креатурой самых реакционных сил в стране, Пилсудский не намеревался в какой-либо мере ущемлять интересы земельных магнатов и портить с ними отношения. Нуждаясь в поддержке господствовавших классов, Пилсудский искал сближения со шляхтой. С этой целью он в октябре 1926 г. посетил князя Радзивилла в Несвиже.

К его приезду в родовом несвижском замке собрались знатнейшие представители крупного землевладения Западной Белоруссии и Западной Украины. Они приветствовали Пилсудского как «спасителя и защитника кресовой шляхты перед угрозой развивающегося белорусского народного движения» [3]. Между ними и диктатором имел место сговор о взаимной поддержке и согласованной политике. После совещания состоялся банкет, на котором Пилсудский поднял бокал за родовитых магнатов. «Поднимаю этот тост,— сказал он,— за принимающий меня сегодня род Радзивиллов, чтобы он был вечным, как вечны каменные стены несвижского замка» [4]. Тост имел

---

[1] Witold Staniewicz. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie, s. 19.

[2] Там же.

[3] Jerzy Sochacki. Przeciw wydania sądom 5 aresztowanych posłów Gromady i NPCH. Warszawa, 1927, s. 5.

[4] Jósef Piłsudzki. Pisma zbiorowe, t. IX, Warszawa, 1925, s. 48.

символическое значение и провозглашал здравие и вечное господство не только рода Радзивиллов, но и всего шляхетства. Это было кредо Пилсудского и клятва в том, что он не посягнет на крупную земельную собственность и дворянские привилегии.

Недаром газета «Слово» писала тогда: «Соглашение между маршалом Пилсудским ...и польскими помещиками сегодня достигнуто. Будущность Польши — в руках маршала Пилсудского, характер же этой будущности — в руках тех господ, которых, как своих вождей, выдвинула «несвижская ориентация». То господа Александр Мейштович, Евстафий Сапега, Януш Радзивилл» [1]. Яснее трудно сказать. Газета прямо писала, что помещики будут определять политику и судьбу страны, а Пилсудский — лишь послушный исполнитель их воли. «Несвижская ориентация» — это неприкосновенность шляхетских привилегий и богатств. При такой ориентации людей, стоявших у власти, трудно было ждать от них какой-нибудь радикальной аграрной реформы.

Политика правительств, существовавших до переворота 1926 г., в отношении угнетенных национальностей отличалась прямолинейностью, отсутствием гибкости и дифференциации в подходе к различным социальным прослойкам, основывалась «на применении принципов звериного национализма» [2] и великодержавного шовинизма. «Правительство ставило перед собой задачу просто колонизировать белорусское население» [3]. Такая политика влекла за собой возмущение народа, вызывала недовольство интеллигенции, революционизировала массы и даже ставила в оппозицию кулачество.

Оппозиционность кулачества вызывалась тем, что его интересы не учитывались, а его способность сотрудничать с польским капиталом и служить реакции игнорировалась. К участию в органах местного самоуправления оно не допускалось, кредиты ему не давались, земля распродавалась помимо него, хуторизация не шла. Все это не устраивало кулачество. Все сельское население, за исключением крупных землевладельцев, сопротивлялось политике, проводившейся до 1926 г. В таких условиях

---

[1] «Słowo», 1926, 29.X.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 14.

[3] Там же.

укреплялся единый фронт трудящихся деревни и города в борьбе против помещиков и капиталистов.

Цель и содержание национальной и аграрной политики Пилсудского и его окружения остались теми же, что были и до них: расчистить путь для капиталистического развития сельского хозяйства при сохранении полуфеодальных отношений в деревне. То была прежняя линия на реорганизацию и интенсификацию сельского хозяйства по прусскому образцу, на сохранение помещичьего землевладения.

Новое правительство несколько изменило лишь методы осуществления этой политики, сделало ее более гибкой.

Политика санации преследовала цель — «удовлетворение интересов помещиков и кулаков» [1], но была рассчитана также на то, чтобы «посеять иллюзии в более широких массах крестьянства, в первую очередь — в верхних прослойках середнячества» [2]. Она сократила размеры военного осадничества и одновременно открыла «доступ к участию в дикой парцелляции белорусскому кулачеству» [3]. Зажиточным слоям деревни предоставлялись некоторые возможности в приобретении земли, в их интересах усиливалась хуторизация, форсировалась выгодная для них ликвидация сервитутов. За сервитутные земли в некоторых случаях в виде компенсации им прирезалось на отрубах дополнительное количество земли. Кулаки приобретали парцеллы, скупали участки у разорявшихся крестьян. Они получали займы, обновляли постройки, заводили машины, приобретали породистый скот, применяли минеральные удобрения, вводили севообороты, интенсифицировали хозяйство, становились капиталистами-аграриями. Кулакам были сделаны и некоторые политические уступки. Они стали допускаться «на низшие административные должности, главным образом в органах местного самоуправления» [4]. Пилсудский проводил «своеобразную политику Столыпина по

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 67, л. 6.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 15.

созданию крепкого кулацкого крестьянства, на которое он мог бы опереться»[1],—говорил В. Мицкевич-Капсукас.

Пилсудский повел более гибкую политику и по отношению к угнетенным окраинам.

«Применяя в еще большей мере систему беспощадных репрессий и террора в отношении трудящихся и эксплуатируемых масс»[2], санационное правительство путем мелких уступок, подкупа и обещаний старалось привлечь на свою сторону «верхушечные слои белорусской мелкой буржуазии города и деревни»[3], подчинить своему влиянию белорусскую интеллигенцию, вовлечь «эти элементы в блок с польским капиталом, помещиками и осадниками»[4].

Кулачество оценило маневр нового правительства, сориентировалось в изменившейся ситуации, вышло из состояния оппозиции, в которой оно находилось раньше»[5], стало на сторону польского капитала. В освободительной борьбе трудящихся кулак становился агентом и опорой польских господствующих классов. Он пристраивался к радикальному движению масс теперь уже только для того, чтобы внести в него раскол, придать ему непоследовательный, соглашательский характер и ослабить его.

Политика санации усиливала классовое расслоение деревни, вела к массовому разорению и обнищанию трудящегося крестьянства, обостряла земельный голод, создавала «новую армию крестьян-пауперов, не могущих ни вести самостоятельного хозяйства, ни найти заработка в промышленности»[6]. Она вызывала негодование трудящихся, вела к их объединению вокруг компартии. На новую ступень поднималось революционное движение. Развертывала свою деятельность Громада.

Власти усиливали репрессии, громили прогрессивные организации (Громада, НПХ и др.), закрывали очаги культуры (избы-читальни, народные дома, национальные школы); запрещали газеты и т. д. Передовые люди нахо-

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 183, л. 388.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 67, л. 6.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 14.

[6] Там же, д. 194, л. 27.

дились в тюрьмах и застенках. Всякое стремление угнетенных народов к организованности и самостоятельности расценивалось как государственное преступление и преследовалось. Погромы и аресты умножались. Но репрессии не достигали поставленной цели. Правительство широко использовало другие методы воздействия на массы. Стараясь разложить революционное и классовое движение изнутри, оно повсюду засылало своих агентов.

На завоеванных землях создавались новые соглашательские партии, представлявшие собой креатуру колонизаторов. Некоторые из них в Западной Белоруссии подделывались под популярную в народе Громаду и в демагогических целях заимствовали ее лозунги, извращая их и вкладывая в них свой смысл. Иногда они переделывали на свой манер даже лозунги компартии.

Сравнивая положение до и после майского переворота, И. Логинович говорил: «Ранее наша гегемония в национальном движении Западной Белоруссии была никем не оспариваема. Сейчас положение изменилось в том отношении, что у нас имеются соперники, которые стремятся овладеть этим движением, чтобы совлечь массы на путь соглашательства» [1] с польскими господствующими классами. В качестве такой агентуры выступали католическая партия Белорусская христианская демократия, Крестьянский союз и некоторые группировки, создававшиеся дефензивой. Польские соглашательские партии — ППС, ПСЛ и другие — всячески старались подчинить своему влиянию белорусские массы. Так проявлялся сговор Пилсудского с земельными магнатами, осуществлялась «несвижская ориентация» стоявших у власти кругов. «На съезде в Несвиже, — говорил Ежи Сохацкий, — подписан вексель, который через несколько месяцев, в январе, был реализован Пилсудским и его правительством. Разгром Громады явился той печатью, которую правительство наложило на торжественный несвижский договор» [2].

В связи с изменением обстановки в стране и в Западной Белоруссии коммунистам необходимо было выработать новую тактику руководства крестьянской борьбой.

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 18.

[2] Jerzy Sochacki. Przeciw wydania sądom 5 aresztowanych posłów Gromady i NPCH, s. 5.

Так как содержание аграрной политики господствующих классов по существу не менялось, то и лозунг партии по крестьянскому вопросу оставался тот же. «Основным нашим лозунгом в деревне, мобилизующим массы, попрежнему является лозунг «земля без выкупа — крестьянству»[1].

Поискам новых форм работы с крестьянством много внимания уделил проходивший в июне-июле 1928 г. I съезд КПЗБ. И. Логинович докладывал съезду: «Задачей нашей партии в деревне является создание массовых крестьянских организаций[2]. Так как создать новую организацию типа Громады было невозможно, то в центре внимания партии встали крестьянские комитеты.

Еще проходивший в июне 1925 г. пленум ЦК КПЗБ взял курс на организацию крестьянских комитетов. В резолюции пленума говорилось: «Учитывая... стремление крестьянства к организованным выступлениям против правительства, партия выдвигает лозунг создания крестьянских комитетов, которые должны будут руководить борьбой в деревне на почве повседневных крестьянских требований»[3].

На I съезде КПЗБ по этому вопросу развернулась дискуссия, которая позволила теоретически осмыслить роль крестьянских комитетов в революционной борьбе и оценить опыт создания их в практической деятельности партии. Резолюция съезда ориентировала коммунистов на использование этой формы организации крестьянских масс.

На пленуме ЦК КПЗБ, состоявшемся в январе 1929 г., вновь обсуждался вопрос о формах и методах работы в деревне. В принятой им резолюции говорилось, что «крестьянские комитеты в настоящий период отсутствия непосредственной революционной ситуации являются только органами, которые создаются в ходе разных массовых кампаний для осуществления через них руководства партией этими кампаниями»[4].

Партия готовила крестьянские массы к решительной схватке с капиталом.

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 38.

[2] Там же.

[3] «Большевик», 1925, № 3, стр. 3.

[4] Сітуацыя і задачы партыі. Вільня, 1929, стар. 88.

4. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ПЕРЕД МИРОВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ (1927 г.)

О социальных процессах, происходивших в западнобелорусской деревне, в частности о дальнейшем расслоении крестьянства, можно судить по результатам переписи скота, проведенной в Польше и в Западной Белоруссии в 1927 г. Перепись имела некоторые особенности. Она охватила более широкий круг хозяйств, чем перепись 1921 г., иначе говоря, в 1927 г. было учтено гораздо больше производственных единиц в деревне, чем раньше.

Увеличение числа учитываемых объектов обусловливалось следующими обстоятельствами. К этому времени возвратились многие беженцы. Число хозяйств увеличилось также в связи с закономерным процессом раздела родительского наследия между сыновьями. Способствовала увеличению числа объектов и проводившаяся земельная реформа. Насаждались осадники, покупали землю некоторые крестьяне, арендаторы и др. Все это предопределило рост численности хозяйств.

Влиял на увеличение числа единиц, подлежащих переписи, и другой подход к учету хозяйств, другой критерий выбора объектов регистрации. Так, в 1921 г. не учитывались безземельные хозяйства, даже если они имели скот [1]. Перепись 1927 г. охватила все объекты, имевшие свои постройки и скот. Регистрировались даже безземельные батрацкие хозяйства, которые имели своих коров, ходивших в помещичьих стадах. Впрочем, хозяйства, не имевшие своих построек, не учитывались и в 1927 г. [2] По утверждению польской статистической литературы, перепись 1927 г. получилась достаточно полной. Неточность цифр, определяющих число хозяйств по различным категориям, не превышала 0,1% [3].

Материалы переписи скота, проведенной в 1927 г., имеют и свои недостатки. Так, статистика сообщает отдельно данные о количестве лошадей и коров и не дает комбинированных, связанных сведений о наличии поголовья рабочего и продуктивного скота в различных типах

---

[1] Kwartalnik statystyczny. 1928, t. V, zesz. 2, s. 596.
[2] Там же.
[3] Там же.

хозяйств. Это затрудняет анализ. Все же результаты переписи представляют огромный интерес для изучения аграрных отношений в крае.

Таблица 19

Классификация хозяйств по наличию в них лошадей (по переписи 1927 г.)[1]

Воеводство	Число учтенных хозяйств	Число хозяйств, имевших лошадей					
		одну	две	три	четыре	пять и более	всего
Белостокское	56463	32986	6687	557	224	266	40720
Виленское	138640	80011	15885	2334	718	684	99632
Новогрудское	166190	103260	13773	1255	490	759	119537
Полесское	146717	82130	16309	1275	308	331	100353
Всего	508010	298387	52654	5421	1740	2040	360242

Табл. 19 содержит информацию о наличии лошадей на территории Западной Белоруссии. Для сравнения аграрной структуры края, сложившейся к 1927 г., со структурой, существовавшей в 1921 г., надо иметь данные, относящиеся к одной и той же территории, и сопоставить эти показатели. Из приведенных таблиц такие сведения нетрудно выделить. Для этого достаточно исключить из табл. 19 данные по Ошмянскому и Свенцянскому уездам.

Таблица 20

Классификация хозяйств по наличию в них лошадей по переписи 1927 г. (на территории, где проводилась перепись в 1921 г.)[2]

Воеводство	Число учтенных хозяйств	Число хозяйств, имевших лошадей					
		одну	две	три	четыре	пять и более	всего
Белостокское	56463	32986	6687	557	224	266	40720
Виленское	109569	63402	13027	1970	593	528	79520
Новогрудское	166190	103260	13773	1255	490	759	119537
Полесское	146717	82130	16309	1275	308	331	100353
Всего	478939	281778	49796	5057	1615	1884	340130

[1] Kwartalnik statystyczny, 1928, t. V, zesz. 2, s. 652, 654.
[2] Там же.

Не следует забывать о том, что в разных хозяйствах скот не одинаковый. На крупных фермах породистость, состояние, качество скота и его продуктивность намного выше, чем у крестьян; различна и его стоимость. В. И. Ленин напоминал, что «предположение статистиков о равной стоимости каждой штуки скота в разных группах заведомо неверно» [1]. Буржуазная статистика нарочито уравнивала показатели в крупных и мелких хозяйствах. Это затушевывало дифференциацию и классовые противоречия в деревне, в значительной степени преуменьшало превосходство крупного хозяйства над мелким. Прежде всего представляет интерес поголовье и распределение по дворам рабочего скота — лошадей и волов. Их количество в хозяйстве — один из признаков классовой принадлежности владельца. В. И. Ленин устанавливал классовую дифференциацию в деревне по количеству рабочего скота.

В статистике довольно полно представлены сведения о наличии лошадей и содержатся весьма скупые данные о поголовье волов. А между тем на Полесье они довольно широко использовались в качестве рабочего скота, их число достигало там 28 028 голов [2]. Всего в Западной Белоруссии насчитывалось 29 892 вола [3]. Это была дополнительная тягловая сила, влиявшая на дифференциацию землевладельцев.

Однако поголовье волов как рабочего скота имело существенное значение только на Полесье. В других воеводствах оно было так незначительно, что не оказывало заметного влияния на классовую дифференциацию деревни. Подсчет общего поголовья лошадей и волов в крае, выявление характера их распределения по хозяйствам позволяют установить степень обеспеченности землевладельцев тягловой силой и их классовую дифференциацию.

Табл. 21 относится ко всей территории Западной Белоруссии. Чтобы выяснить, в каком направлении развивались аграрные отношения, как менялась классовая дифференциация с 1921 по 1927 г., необходимо выделить из этой таблицы данные, относящиеся к территории, на которой проводилась перепись в 1921 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 5, стр. 206.
[2] Kwartalnik statystyczny, 1928, t. V, zesz. 2, s. 625, 627.
[3] Там же, стр. 621, 623, 625.

Таблица 21

Наличие рабочего скота (по переписи 1927 г.)

Воеводство	Число учтенных хозяйств	Число хозяйств, не имевших рабоч. скота	%	Число хозяйств, имевших					
				лошадь	пару волов	две лошади	лошадь и пару волов	2 лошади и 1 пару волов	более
Белостокское	56463	15729	27,85	32876	14	6665	110	22	1047
Виленское	138640	38988	28,12	79783	20	15840	228	45	3736
Новогрудское	166190	46620	28,10	102937	33	13730	323	43	2504
Полесское	146717	44795	30,53	73118	1569	14521	9012	1788	1914
Всего	508010	146132	28,8	288714	1636	50756	9673	1898	9201

Таблица 22

Наличие рабочего скота в сельском хозяйстве по переписи 1927 г. (на территории, где проводилась перепись в 1921 г.)

Воеводство	Число учтенных хозяйств	Число хозяйств, не имевших рабоч. скота	%	Число хозяйств, имевших					
				лошадь	пару волов	две лошади	лошадь и пару волов	2 лошади и 1 пару волов	более
Белостокское	56463	15729	27,86	32876	14	6665	110	22	1047
Виленское	109569	30035	27,41	63225	14	12991	177	36	3091
Новогрудское	166190	46620	28,05	102937	33	13730	323	43	2504
Полесское	146717	44795	30,53	73118	1569	14521	9012	1788	1914
Всего	478939	137179	28,65	272156	1630	47907	9622	1889	8556

В. И. Ленин относил крестьян, не имевших рабочего скота, к категории сельских пролетариев. «Безлошадный крестьянин,— писал он,— это такой, который стал уже совсем неимущим. Это—пролетарий» [1]. Безлошадность— критерий разорения и нищеты крестьянства. Что представлял собой крестьянин, не имевший рабочего скота? Как он мог обрабатывать землю, как вести хозяйство? Он должен был нанимать лошадь за отработки, так как денег для оплаты не имел, или запрягать корову, если она была, или сдавать землю на обработку другим. При таких условиях о качестве обработки земли не могло

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 155.

быть и речи. Хороших урожаев нечего было ждать. Безлошадный хозяин доходил до последней степени нищеты. В Западной Белоруссии набиралось 146 132 хозяйства, не имевших рабочего скота (28,8%).

Однолошадных крестьян В. И. Ленин относил к категории бедноты, или полупролетариев. «Если взять всю массу однолошадных,— писал он,— то несомненно, что это масса бедноты и нищеты» [1]. С одной лошадью трудно вести хозяйство, нельзя прокормить семью. «Однолошадный крестьянин наполовину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Вот почему таких крестьян и называют *полупролетариями*» [2]. В Западной Белоруссии в 1927 г. насчитывалось 288 714 таких дворов, что составляло 56,6% общего числа учтенных единиц. В Новогрудском воеводстве число однолошадных хозяйств достигало 62%. Безлошадные и однолошадные вместе составляли 434 846 хозяйств, или 85,4%.

В. И. Ленин говорил, что крестьяне, имевшие по две лошади или «по одной паре рабочего скота» [3], должны считаться середняками. Поэтому все дворы, имевшие по две лошади или по одной паре быков, должны быть отнесены к категории середняцких. В 1927 г. имелось 52 392 таких хозяйства, или 10,30% общего числа их.

Эксплуататорские хозяйства имели более чем по паре рабочего скота. Они насчитывали 20 772 двора и составляли около 4,1% всех владельцев.

Анализируя данные переписи скота в 1927 г., можно установить дифференциацию хозяйств по наличию в них рабочего скота. 434 846 хозяйств, или 85,4%, составляли группу бедноты, 52 392 двора (10,3%) относились к середнякам, 20 772 хозяйства (4,1%) принадлежали эксплуататорским классам.

Эти цифры относятся ко всей территории Западной Белоруссии. Однако очень важно сравнить классовую структуру края по данным двух переписей (1921 и 1927 гг.). Для этого необходимо составить такую же таблицу для той территории, на которой проводилась перепись в 1921 г. (т. е. исключить Ошмянский и Свенцянский уезды). При этом получится следующая разбивка хозяйств по классовой принадлежности: 409,335 хо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 155.
[2] Там же, стр. 156.
[3] Там же, стр. 151.

зяйств, или 85,46%, составляли группу бедноты, 49 537 (10,34%) — середнячества, 20 067 (4,20%) — эксплуататорские классы.

Такова классовая структура западнобелорусского села в 1927 г., выявленная на основе анализа материалов о наличии рабочего скота в хозяйствах.

Классовое расслоение деревни выявлялось в данной работе дважды — сначала по площади, принадлежавшей различным владельцам земли, а затем по количеству рабочего скота. Эти расчеты дают возможность вскрыть закономерность и направление развития аграрных отношений в Западной Белоруссии.

Теперь можно сравнить характер классового расслоения деревни по результатам переписей 1921 и 1927 гг. (на той территории, где проводилась перепись в 1921 г.).

Таблица 23

Дифференциация деревни в 1921 и в 1927 гг.[1]

Классовая принадлежность хозяйств	Перепись 1921 г.		Перепись 1927 г.	
	общее число хозяйств	%	общее число хозяйств	%
Бедняцкие	284706	80,15	409335	85,46
Середняцкие	49426	13,91	49537	10,34
Кулацкие	15107	4,25	20067	4,20
Помещичьи	5987	1,69		
Всего	355226	100,0	478939	100,0

В период с 1921 по 1927 г. общая численность нетрудовых хозяйств сократилась на 1027 единиц (с 21 094 до 20 067). Сокращение в общем весьма незначительное, около 170 хозяйств в год. Оно происходило за счет ликвидации церковных земель, которые переходили в государственный фонд, за счет парцелляции государственных владений и распродажи имений, потерявших своих хозяев. Крупное государственное землевладение трансформировалось в мелкое, частное. На землях бывших имений появлялись осадничьи хутора.

В процентном отношении число нетрудовых хозяйств уменьшилось на 1,74%, что объясняется не столько со-

[1] По переписи 1927 г. невозможно отделить кулацкие хозяйства от помещичьих, поэтому здесь они даются вместе. Данные таблицы следует рассматривать как ориентировочные.

кращением их количества, сколько ростом численности мелких хозяйств [1].

Середняцкая прослойка в абсолютных цифрах не сократилась. В процентном же отношении она уменьшилась с 13,91 до 10,34%, что означало ежегодное уменьшение на 0,6%.

Следует иметь в виду, что количество середняцких хозяйств постоянно пополнялось. Ведь подавляющее большинство осадников получило середняцкие наделы и имело по паре лошадей. При парцелляции государственных и распродаже частных имений, при разделе кулацких хозяйств между сыновьями появлялись новые землевладельцы середняцкого типа. И все же, несмотря на это, слой середнячества в общей массе хозяйств становился все тоньше. Среднее крестьянство разорялось и переходило в категорию бедноты. Подтверждался ленинский закон вымывания середняка.

Потрясающая картина обнищания деревни выявляется при рассмотрении группы бедноты. Эта категория землевладельцев выросла с 284 706 до 409 335 хозяйств, составив 85,5% (вместо 80,2% в 1921 г.) всех хозяйств. Появилось 124 629 новых владельцев, которые не могли прокормиться со своего хозяйства. Так изменилась аграрная и социальная структура края за шесть лет. Основное направление ее изменений—обнищание трудящихся слоев крестьянства.

О пределах обнищания деревни можно судить по поголовью скота: 6,6% дворов вообще не имели скота, у 14,6% хозяйств не было коров, 15,2% дворов держали только по корове; не имея никаких других животных. Однокоровных насчитывалось 51,1%. У 25,8% хозяйств было по две коровы. Безлошадные и однолошадные хозяйства составляли 85,5% всех дворов.

5. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБНИЩАНИЕ ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Признаков обнищания и разорения крестьянства много, но не всегда они очевидны, чаще всего — скрыты, обнаружить и вскрыть их иногда бывает трудно. «Задача

---

[1] Уточнение объектов переписи в 1927 г. по сравнению с 1921 г. значительно увеличивало в статистических документах число мелких хозяйств без фактического роста их численности.

научного исследователя,— говорил В. И. Ленин,—... состоит прежде всего и больше всего в том, чтобы точно определить признаки разорения, которые вовсе не отличаются простотой и однообразием»[1].

В 1931 г. в Польше была проведена вторая всеобщая перепись населения. В деревне учитывались только те хозяйства, которые являлись главным источником существования семей владельцев. Если же семьи в основном жили за счет заработной платы, доходов от торговли и других источников, а принадлежавшие им наделы или имения в деревне являлись только подспорьем, то такие объекты регистрации не подлежали. Лесные и огородные хозяйства не учитывались. В результате свыше 20% всех хозяйств, среди которых имелись и крупные, не были охвачены переписью[2]. Хозяйства группировались не по общей величине принадлежавшей им земельной собственности, а по площади пахоты[3]. Поэтому перепись 1931 г. не отображала аграрной структуры края и ее изменения за десятилетие с 1921 по 1931 г. Ее результаты не содержат достаточных данных для анализа аграрных отношений.

Однако в польской статистической литературе имеются относящиеся к тому же 1931 г. сведения о распределении мелкой земельной собственности между различными категориями владельцев[4].

Хозяйственный институт восточных земель, существовавший в Польше, в 1931 г. подсчитал имевшееся количество хозяйств разных групп мелкой земельной собственности и площадь принадлежавшей им земли. Сравнивая данные института с соответствующими показателями переписи 1921 г., можно установить характер изменения аграрной структуры в Западной Белоруссии в период между 1921 и 1931 гг. и выявить тенденцию его дальнейшей эволюции в крае. К сожалению, институт не опубликовал сведений о состоянии крупной земельной собственности в 1931 г. Этот пробел затрудняет анализ.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 193.

[2] M. Mieszczankowski. Struktura agrarna Polski międzywojennej, s. 35.

[3] Drugi powszechny spis ludności z dnia 9.XII 1931 r. Województwo Nowogródzkie, s. 62.

[4] Instytut gospodarczy Ziem Wschodnich. Struktura posiadania mniejszej własności rolnej na Ziemiach Wschodnich. Opracowano pod kierownictwem dr. Ludwika Grodzickiego. Warszawa, 1938.

Таблица 24

Распределение мелкой земельной собственности между различными группами хозяйств в 1931 г.[1]

Классификация хозяйств по площади принадлежащей им земли, га	Число хозяйств	Площадь принадлежавшей им земли
Менее 1	23327	12759
1— 3	110527	220483
3— 5	128934	502099
5— 7	95719	569281
7—10	85593	714742
10—15	60199	724464
15—20	23618	404029
20—30	16126	383355
30—50	7294	270808
Всего	551337	3802020

Для характеристики аграрной структуры Западной Белоруссии в тридцатых годах цифры, приведенные в табл. 24, имеют большое значение.

Однако можно сопоставлять лишь сопоставимые показатели. Правомерно сравнивать цифры, относящиеся к той территории, на которой проходила перепись в 1921 г. (для нее имеются показатели учета от 1921 и 1931 гг.). Чтобы узнать количество хозяйств и площадь принадлежавшей им земли на той территории Западной Белоруссии, где в 1921 г. проходила перепись, надо из табл. 24 исключить данные, относящиеся к Ошмянскому и Свенцянскому уездам Виленского воеводства, на территории которых перепись тогда не проводилась.

Чтобы определить характер перераспределения земельной собственности за десять лет и направление эволюции в структуре сельского хозяйства, надо сравнить результаты переписи 1921 г. с данными Хозяйственного института восточных земель, относящимися к 1931 г.

---

[1] Таблица составлена по материалам: Struktura posiadania mniejszej własności rolnej na Ziemiach Wschodnich (według danych statystyki produkcji rolnej z 1931 r.). Opracowano pod kierownictwem dr. Ludwika Grodzickiego. Nakł. Instytut gospodarszy Ziem Wschodnich.

[2] Исчисление проводилось для всей интересующей нас территории Западной Белоруссии.

Таблица 25

Распределение мелкой земельной собственности между различными группами хозяйств в 1931 г. (на территории, где проходила перепись в 1921 г.)

Классификация хозяйств по площади принадлежащей им земли	Число хозяйств	Площадь принадлежавшей им земли
Менее 1	22435	12311
1— 3	106566	212622
3— 5	122522	476854
5— 7	90164	536339
7— 10	79829	666458
10— 15	56060	674895
15— 20	22041	377003
20— 30	14966	355756
30— 50	6689	247908
Всего	521272	3560146

Таблица 26

Сравнительные данные о числе хозяйств и площади принадлежавшей им земли в 1921 и 1931 гг. (на территории, где проходила перепись в 1921 г.)[1]

Классификация хозяйств по земельной площади, га	В 1921 г.			В 1931 г.		
	число хозяйств	площадь принадлеж. им земли	приходилось в среднем на хозяйство	число хозяйств	площадь принадлеж им земли	приходилось в среднем на хозяйство
Менее 1	20540	9084	0,44	22435	12311	0,55
1— 3	65404	136131	2,08	106566	212622	2,00
3— 5	85339	338684	3,97	122522	476854	3,89
5—10	113423	806216	7,11	169993	1202797	7,07
10—20	49426	667577	13,51	78101	1051898	13,47
20—50	15107	434696	28,77	21654	603664	27,88
Всего	349239	2392388		521271	3560146	

В табл. 26 представлено только мелкое землевладение, в ней отсутствуют сведения о крупных хозяйствах. Поэтому нельзя сопоставить количество помещичьих имений с числом крестьянских дворов, невозможно сравнить площади принадлежавших им земель. Не представляется возможным сопоставить численность разных групп

[1] См. табл. 1 и 25.

крестьянских хозяйств между собой и с общим количеством землевладельцев, установить процентное соотношение различных категорий аграриев и их земельных владений.

За неимением материалов этого периода нельзя разграничить хозяйства по классовой принадлежности, выявить классовую дифференциацию в деревне. Но социальные процессы, происходившие в деревне, в частности обезземеливание трудового крестьянства, можно показать другим путем.

Важно заметить, как изменилась земельная площадь различных групп хозяйств, охваченных таблицей, в сравнении с 1921 г. Значительно увеличилось общее число дворов в сфере мелкой собственности. Если в 1921 г. насчитывалось 349 239, то в 1931 г. оказалось 521 271 хозяйство. Увеличение численности хозяйств определялось рядом причин: возвращение беженцев и бывших солдат, хозяйства которых в 1921 г. почти не учитывались [1], насаждение военного и гражданского осадничества, естественный прирост населения и раздел отцовского имущества между сыновьями-наследниками, покупка земельных участков при парцелляции разными лицами, не принадлежащими к крестьянству, организация многочисленных государственных опытных и показательных полей, станций, специализированных хозяйств. Однако решающую роль в увеличении числа производственных единиц сыграл процесс раздела отцовского имущества между сыновьями.

Наблюдался также рост земельной площади в сфере мелкой собственности. Если в 1921 г. мелким хозяйствам принадлежало 2 392 388 га, то в 1931 г. они владели 3 560 146 га земли.

Может возникнуть вопрос — за счет чего шел рост площади мелкого землевладения? Откуда бралась дополнительная земля? Как это можно понять в свете положений В. И. Ленина о том, что «основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным» [2]?

---

[1] М. Мещанковский считает, что в Западной Белоруссии 87% всех вновь появившихся хозяйств возникло в результате раздела отцовского имущества между сыновьями. (M. Mieszczankowski. Struktura agrarna Polski międzywojennej, s. 197). Аналогичного мнения придерживаются и другие польские ученые.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 193.

Основные закономерности общественного развития в Польше и на завоеванных ею землях, конечно, оставались в силе. Вытеснение мелкого производства крупным, несомненно, имело место. Однако развитие капитализма в Западной Белоруссии проходило в специфических условиях колонизаторской политики завоевателей, которой в экономической области сопутствовали налоговый гнет, грабеж, отсутствие работы для трудящихся города и деревни и повальное обнищание их. Разоренным крестьянам некуда было податься, они должны были жить в деревне за счет сельского хозяйства. Население росло, хозяйства дробились, но люди впроголодь продолжали существовать на карликовых наделах. Своеобразие положения в Западной Белоруссии характеризовалось, кроме того, наличием переходного этапа развития от феодализма к капитализму, живучестью полукрепостнических отношений в деревне, а также проводившейся правительством аграрной реформой, парцелляцией крупных имений, распродажей земель небольшими участками, насаждением осадничества, искусственным созданием многочисленных мелких хозяйств. Дробление земельной собственности было одним из аспектов официальной политики правительства и предопределялось законодательством.

Но в условиях анархии капиталистического производства и рыночных отношений, несомненно, шел и процесс концентрации земельной собственности и сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствовал хотя бы рост числа кулацких хозяйств.

Таким образом, в Западной Белоруссии одновременно развивались два противоположных процесса — вытеснение мелкого производства крупным и дробление хозяйств всех категорий, иначе говоря: концентрация производства и измельчание его. Это неотъемлемый закон капитализма. «Пока существует вообще буржуазный строй,— писал К. Маркс,— земледелие должно постоянно вращаться в этом круге из концентрации и раздробления» [1].

Эти два процесса шли параллельно, но с разной интенсивностью, причем в рассматриваемый период доминировал процесс дробления хозяйств. Это было вре-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII. М.—Л., 1930, стр. 316.

менное явление, обусловленное проводившейся земельной реформой. Если бы аграрные преобразования в деревне закончились до второй мировой войны, то положение в сельском хозяйстве в какой-то мере стабилизировалось бы, прекратился бы процесс законодательного дробления хозяйства, четче бы проявилась тенденция к вытеснению мелкого производства крупным, она выступила бы в неприкрытом виде.

Кроме того, «вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев. Это ухудшение проявляется и в чрезмерном труде или ухудшенном питании мелкого земледельца, и в обременении его долгами, и в ухудшении корма и вообще содержания скота, и в ухудшении условий ухода за землей, обработки, удобрения ее и т. п., и в застое техники хозяйства и т. д.» [1] В этом смысле вытеснение мелкого производства в Западной Белоруссии было очевидным и несомненным фактом.

Надо иметь в виду специфичность и своеобразие развития капитализма в деревне, которые ведут к тому, что «в пределах капиталистического способа производства невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии» [2]. Капитализм вытесняет в деревне мелкое производство, но не способен ликвидировать его полностью. Поэтому во всех капиталистических странах до сего времени в сельскохозяйственном производстве наряду с крупными существуют и мельчайшие хозяйства.

Не следует думать, что увеличение площади земли в сфере мелкой собственности шло лишь по линии крестьянского землевладения. Распарцеллированная земля только частично приобреталась трудящимися деревни. Основные же ее массивы переходили в руки чиновников, колонистов, спекулянтов. Создавались также государственные, муниципальные, пришкольные хозяйства и т. д. Все они (до 50 га) относились к мелкой земельной собственности и вошли в табл. 26. Они влияют на средние показатели площади земли по соответствующим группам.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 193.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 129.

Интересно проследить, как во всем крае выросли отдельные группы хозяйств и как изменилась у них площадь земли. Группа с наделами до 1 га выросла на 1895 единиц. Совершенно очевидно, что владельцы мизерных наделов не в состоянии обогащаться за счет земледелия. Нищенские хозяйства не могут расти, они могут только окончательно разоряться и исчезать. Рост числа карликовых хозяйств означал разорение и переход трудящегося крестьянства к последней степени нищеты. Увеличение числа самых мелких хозяйств в Западной Белоруссии свидетельствовало о разорении трудового крестьянства и живучести полуфеодальных форм эксплуатации в земледелии. Несомненно, что на рост этой группы в какой-то мере влияли и другие причины (покупка крохотных участков, выделение служебных хозяйств и т. д.).

В группе карликовых хозяйств с площадью до 1 га средний надел увеличился на 0,11 га. В 1921 г. он был равен 0,44 га, а в 1931 г.—0,55 га. Это единственный случай увеличения надела среди всех других прослоек трудящегося крестьянства. Ничтожное увеличение среднего надела в этой группе хозяйств не могло оказать влияния на улучшение положения тружеников села, как не могло изменить общей картины обезземеливания крестьянства. Ведь хозяйства этой группы составляли только 4,3% всех крестьянских дворов, а прирост их земельной площади равнялся лишь 0,27% общего прироста во всех группах мелких землевладельцев.

Во всех других группах хозяйств земельные участки в общем сократились. Иначе говоря, надел каждого владельца в среднем уменьшился в пределах от 0,02 га (в группе с наделами 3—5 га) до 0,89 га (в группе с наделами 20—50 га). Наблюдался всеобщий процесс обезземеливания всех категорий крестьянства. Если в 1921 г. бедняцкий надел в среднем равнялся 4,54 га, то в 1931 г. он сократился до 4,52 га. А ведь это самая многочисленная прослойка среди сельских хозяев.

Земельная площадь каждого середняцкого хозяйства в среднем уменьшилась на 0,04 га. В 1921 г. она равнялась 7,11 га, а в 1931 г. — 7,07 га.

Владение каждого кулацкого двора по кругу уменьшилось с 28,77 га в 1921 г. до 27,88 га в 1931 г. Зато число дворов сельской буржуазии увеличилось с 15 107

до 21 655, т. е. более чем на 43%. Это один из признаков концентрации земель и производства в руках деревенских богатеев. Само собой разумеется, что уменьшение кулацкого надела не меняло классовой сущности сельской буржуазии. Ведь процесс интенсификации земледелия «очень часто ведет к увеличению размеров *хозяйства*, к росту *производства* и *капитализма* при *уменьшении* среднего количества обрабатываемой земли в хозяйстве» [1]. Уменьшение земельного надела сопровождалось обогащением кулака. В селе шла интенсивная классовая дифференциация.

Необходимо отметить, что общий процесс обезземеливания крестьянства в определенной степени скрадывался и затушевывался тем, что насаждалось осадничество преимущественно с наделами до 50 га. Эти хозяйства, входя в табл. 26, приукрашивали действительное положение вещей в деревне. Если из таблицы исключить хозяйства осадников, то процесс обезземеливания крестьянства представился бы более выразительно.

Следует иметь в виду также и то, что в приведенных таблицах отсутствуют сведения о ликвидации сервитутов и потере крестьянами части тех земель, которые они ранее арендовали. Они потеряли более миллиона гектаров сервитутных земель. Многие беженцы и солдаты лишились своих наделов. Нигде в официальной статистике эти факты не отражены.

В результате парцелляции государственных фондов и частной распродажи помещичьих земель численность латифундий сократилась. Крупная собственность трансформировалась в мелкую. Мельчали и крестьянские наделы. Их количество в крае значительно возросло, но каждый из них в среднем уменьшился. Шел всеобщий процесс дробления земельной собственности. Аграрная структура края ухудшалась.

На I съезде КПЗБ И. Логинович, разъясняя эти процессы, констатировал, что «дробление крестьянских хозяйств неуклонно растет... в деревне имеется избыток свободных рук и отплыв этих свободных рук ни в город, ни в эмиграцию невозможен» [2]. Наблюдался «процесс

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 156.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 24.

дробления не только бедняцких, но и середняцких хозяйств [1]. Аналогичное положение было во всей Польше.

В тридцатых годах, когда всеобщее измельчание сельского хозяйства для всех стало очевидным фактом, перед санационным правительством Польши возник вопрос: что делать, чтобы приостановить этот опасный процесс? Ни распродажа помещичьих земель, ни хуторизация хозяйств, ни эмиграция населения за границу оказались не в силах противостоять ему. В правительственные органы начали поступать заявления наподобие следующего. «Полесский воеводский землеустроительный совет считает, что возможность неограниченного раздела мелких хозяйств при унаследовании становится вечной угрозой уничтожения землеустройства и пролетаризации деревни. Просим министерство аграрных реформ ускорить выработку закона, ограничивающего возможность раздела мелких хозяйств, и скорейшего осуществления такого закона» [2]. В сейме обсуждались проекты законов о запрещении раздела крестьянских хозяйств [3].

Таблица 27

Число осадников в 1931 г. [6]

Воеводство	Количество осадников
Белостокское	1811
Виленское	2630
Новогрудское	2444
Полесское	2539
Всего	9424

Обезземеливание крестьян обусловливалось теми же причинами, что и ранее. Росла численность колонистов. Если к концу 1925 г. на окраинах Польши было расселено 13 тыс. осадников [4], то к 1933 г. — 16 798, из них 8874 военных и 7924 гражданских [5].

К началу тридцатых годов в Гродненском уезде получили земли 360, а в Волковысском 313 осадников [7].

---

[1] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 25.

[2] ГАБО, ф. 60, оп. 1, д. 135, л. 33.

[3] В 1937 г. обсуждался проект Ф. Бартчака. Но закон сеймом принят не был. (Cz. Madajczyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 311).

[4] «Dziennik wileński», 1926, 6.II.

[5] ГАБО, 333/С-74, л. 6.

[6] Związek osadników. Sprawozdanie z dzialalności za czas od 1.IV 1931 do 1.XI. 1933 roku. Warszawa, 1933, s. 6; ГАБО, 333/С-74, л 7.

[7] ГАГО, ф. ОНСА, инв. 1157, л. 53; Sprawozdanie wojewody białostockiego od 1.IV 1930 do 1.IV 1931, s. 92.

Если в табл. 27 внести поправку по Белостокскому воеводству, то получится, что в Западной Белоруссии в тридцатых годах насчитывалось более восьми тысяч осадников и количество их все возрастало. Местные органы постоянно держали для них резервные фонды земли. Так, в Виленском воеводстве было выделено и подготовлено для наделения осадников 6383 участка, а занято только 2496. На Полесье в 1929 г. было нарезано 6383, а занято только 2505 осадничьих участков[1]. Резервные участки использовались местными властями по своему усмотрению.

Аналогичное положение имело место в других воеводствах. Число осадников не равнялось количеству нарезанных для них участков. Земельные фонды, выделенные для колонистов, значительно превышали площади, освоенные ими. Кажется, не будет преувеличением считать, что в Западной Белоруссии к 1939 г. было расселено не менее 10 тыс. осадников. Приблизительно столько же нарезанных и подготовленных к наделению отрубов ждали приезда новых колонистов. Много ли это? Около 4% всех хозяйств крестьянского типа.

Продолжался процесс принудительной ликвидации сервитутов. Новогрудский воевода сообщал, что в 1931/32 гг. в воеводстве ликвидировано 73 сервитута (3153 га), в большинстве случаев в принудительном порядке[2]. На 1932/33 гг. предусматривалась ликвидация 216 сервитутов (9477 га)[3].

Таблица 28

Ликвидация сервитутов с 1919 по 1934 г.[4]

Воеводство	Число ликвидированных сервитутов	Число пострадавших хозяйств
Виленское	1015	22726
Новогрудское	706	39348
Полесское	393	38358
Всего	2114	100432

[1] ЦГА ЛитССР, ф. 6, оп. 7, д. 2528, л. 38.
[2] ГАГО, ф. 551, оп. 1, д. 593, л. 25.
[3] Там же.
[4] «Rolnictwo», Rok VII, t. II, zesz. 2, s. 210.

Процесс ликвидации сервитутов шел в нарастающем темпе.

В статистике нет точных сведений о количестве и размерах сервитутов, о ходе их ликвидации.

Табл. 28 не отражает площади присвоенных помещиками сервитутных земель. Она показывает лишь число пострадавших от этого крестьянских хозяйств. Процесс ликвидации сервитутов продолжался до 1939 г. На Виленщине к 1 апреля 1938 г. 1095 деревень лишилось сервитутных земель, в результате чего пострадало 24 469 крестьянских дворов[1]. Польский ученый Ч. Мадайчик считает, что в восточных воеводствах Польши с 1920 по 1938 г. в процессе ликвидации сервитутов пострадало 162 100 хозяйств, или 45,5% всех крестьянских дворов[2]. Это утверждение близко к истине.

С приходом к власти санационного правительства усилился процесс хуторизации.

Таблица 29

Проведение хуторизации в 1918—1936 гг.[3]

Воеводство	Число хозяйств, вышедших на хутора	Площадь разбитой на отруба земли, га	Число деревень, расселенных на хутора
Виленское	57565	499946	2076
Новогрудское	76341	527505	1028
Полесское	54883	500840	384
Всего	188789	1528291	3488

К концу 1936 г. около 36% крестьян было выселено на хутора. К данным табл. 29 можно еще добавить следующее. К 1 апреля 1938 г. в Виленском воеводстве оказались выселенными на отруба 63 977 дворов на площади в 541 695 га[4]. В Новогрудском воеводстве в 1937 г.

[1] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 2-а, д. 620, л. 19.

[2] Cz. Madajczyk. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939), s. 365.

[3] «Rolnictwo». Rok IX, t. I, zesz. 1, s. 94. Сведений по Белостокскому воеводству не обнаружено.

[4] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 2, д. 620, л. 19.

вышли на хутора 244 деревни, насчитывавшие 23 020 хозяйств на площади в 139 753 га[1]. На Полесье к 1 января 1939 г. хуторизация была проведена в 466 деревнях и охватила 66 083 хозяйства (68,3%)[2]. За время господства польского капитала в Западной Белоруссии на хутора было выселено около 65% крестьянских дворов.

Насильственная хуторизация приводила к массовым волнениям на селе. Вот лишь один из эпизодов сопротивления крестьянства комасации.

Деревня Бараново Индурской волости Гродненского уезда в течение длительного времени сопротивлялась выселению на хутора. Весной 1932 г. землеустроители под охраной карателей разделили ее земли на участки. Крестьяне уничтожили межевые знаки и игнорировали распоряжения властей. Вновь поставленные столбы постигла та же участь. Атмосфера в деревне накалялась. Многие жители деревни были арестованы и отправлены в полицейский участок в местечко Колесники, где подверглись истязаниям. Но сопротивление крестьян продолжалось.

В Индурской, Алекшицкой и других соседних волостях состоялось свыше 20 массовых митингов, на которых принимались резолюции протеста. В одной из них говорилось: «Мы, крестьяне деревни Лаша, собравшись 29 ноября на митинг, категорически протестуем против кровавой комасации в деревне Бараново... правительство самым диким способом истязает трудящихся крестьян... Требуем освобождения нашего вождя Б. Тарашкевича! Долой карательные экспедиции! Да здравствует боевой союз рабочих и крестьян всей Польши! Да здравствует социалистическая революция!»[3]

4 декабря в деревне Бараново собралось более 600 человек из окружающих деревень. Состоялся митинг протеста против принудительной хуторизации. Митинг перерос в демонстрацию с красными знаменами и пением «Интернационала». На следующий день в деревню прибыл отряд карателей. Жандармы арестовали 15 мужчин и 10 женщин. Часть из них была отправлена в гродненскую тюрьму.

---

[1] ГАГО, ф. 551, оп. 2, д. 747, л. 16.

[2] ГАБО, ф. р-1, оп. 6, д. 2608, л. 54.

[3] «Барацьба», 1933, студзень.

Каратели расправились с жителями деревень Хлыстовичи, Дорошевичи и с батраками в имении «Кругляны».

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. потряс и сельское хозяйство. Особенно тяжелым было положение хуторян. У многих из них были большие долги, которые они не могли уплатить. Жители местечка Кривичи Вилейского уезда в 1933 г. в письме в газету «Барацьба» так оценивали ситуацию. Во время выхода на хутора корова в этих местах стоила 300, а пуд хлеба — 8 злотых. Хозяин, взявший в долг 300 злотых, мог за них купить корову и, наоборот, продав одну корову, мог уплатить долг. «Каждый из нас думал,— писали они,— что, продав кое-что или заработав на стороне, можно будет вернуть долги. Но все вышло иначе, цены пали, заработков никаких нет... В настоящее время, чтобы отдать эту сумму, надо продать все хозяйство... Теперь никто не платит, так как нечем платить. Каждый ждет, что будет дальше» [1].

Коммунисты правильно оценивали сущность происходивших процессов. В партийной печати отмечалось: «Стоном стонет трудящееся крестьянство... отданное во власть помещика, осадника, кулака. Хоть и работает крестьянин, как черный вол, но постоянно умирает с голода; изо дня в день бьется в своей беде, как рыба об лед. Кулацкая комасация выбрасывает бедняка и середняка на пустырь, разрушает его избу-развалюшку. А истощавшая скотина, если она у кого есть, рычит от голода, так как сервитуты отобраны, а барин пауком раздался на своих просторах. Теснота и безземелье, курице негде ступить» [2].

Начиная с 1926 г. парцелляция шла на основе нового закона, принятого 28 декабря 1925 г. Работы развертывались медленно.

На Виленщине до 1 января 1938 г. было распарцеллировано государственными органами 71 695 га, через банк 3914 га, распродано частным путем 191 702 га, всего перераспределено 267 311 га земли [3]. Это совсем немного. При частной распродаже земель 1690 га перешло в руки 218 многолетних арендаторов (в среднем по

---

[1] «Беларуская газета», 1933, 18.X.
[2] «Чырвоны сцяг», 1928, № 4(60), стар. 3.
[3] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 2-а, д. 620, л. 20.

7,5 га), 218 га приобрели 97 мелких арендаторов (по 2,25 га) [1]. Всего 315 арендаторов выкупили 1908 га земли (в среднем по 6 га на каждого). Много ли это? Нет, это мизерная доля крестьянской массы, это одна большая деревня (в 315 дворов). Таков результат парцелляции по Виленщине.

По Новогрудскому воеводству удалось обнаружить сведения только за 1931 г. Там было распарцеллировано всего лишь 5668 га, при этом на площади в 2714 га создано 203 новых хозяйства [2]. Но в том же 1931 г. на Новогрудчине получил участки 201 осадник [3]. Таким образом, на распарцеллированных землях новые хозяйства создавали только осадники.

На Полесье до 1 января 1939 г. всего было распарцеллировано 224 025 га земли, при этом на площади в 144 544 га возникли новые, главным образом осадничьи хозяйства, 106 534 га пошло на дополнительную прирезку уже существовавшим хозяйствам и 897 га — на другие цели [4].

Буржуазные националисты продолжали требовать, чтобы при всех условиях земля оставалась в польских руках. «Речь идет не о том, — писал один из них, — чтобы прекратить парцелляцию, а о том, чтобы парцелляция шла самопроизвольно (стихийно) путем эволюции, чтобы в результате возникли рентабельные богатые хозяйства, способные кормить город и обеспечить армию, чтобы земля при парцелляции переходила только в польские руки» [5]. Такие требования оставались категоричными. «Главным догматом парцелляции должен быть: польская земля — для поляков! Другой подход к этой проблеме граничит с изменой польскому народу. Мы должны понимать, что кресовые земли сильнее всего привяжет к нам польский крестьянин, который будет ими владеть» [6].

Правительство и местная администрация строго соблюдали эту линию до конца своего господства в За-

---

[1] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 2-а, д. 620, л. 20.
[2] ГАБО, ф. 551, оп. 1, д. 593, л. 25.
[3] Там же.
[4] ГАБО, ф. р-1, оп. 6, д. 2043, л. 54.
[5] Bronisław Rykowski. Zagadnienie kultury polskiej a reforma rolna. Warszawa, 1937, s. 19.
[6] Tadeusz Skrzypek. O narodawy program reformy rolnej. Lwów, 1937, s. 89.

падной Белоруссии. В июне 1939 г. в местные органы власти восточных земель было разослано правительственное распоряжение, в котором говорилось, что наделение землей людей из центральных и западных воеводств «с целью усиления польского элемента»[1] на восточных землях является обязательным, что и в дальнейшем «надлежит подбирать ценный осадничий элемент и окружать его исключительной опекой»[2]. В том же приказе высшие власти предупреждали местную администрацию о том, что «удержание существующей польской собственности, недопущение передачи в чужие руки недвижимого имущества» — категорическое требование.

Предлагалось также отстранять белорусов от участия в деятельности местных организаций. «В местностях со смешанным в национальном отношении населением руководителями организаций должны быть, как правило, поляки»[3].

Законы о земельной реформе постепенно замалчивались и предавались забвению. В конце концов было даже ликвидировано министерство аграрных реформ, оно слилось с министерством земледелия.

Теперь представляется возможным провести более точный подсчет крестьянских хозяйств, имевшихся в Западной Белоруссии в 1921 г., т. е. с учетом сведений по Ошмянскому и Свенцянскому уездам. Сопоставляя результаты переписи 1921 г. со статистическими данными за 1931 г., можно приблизительно подсчитать, сколько хозяйств было в 1921 г. в Ошмянском и Свенцянском уездах (где в 1921 г. перепись не проводилась) и в интересующих нас пределах Виленского воеводства. Внося поправки в данные по Виленскому воеводству и по всей Западной Белоруссии, получим уточненную картину аграрной структуры края. Можно было бы сопоставить данные, касающиеся и помещичьих хозяйств, но это делать не представляется целесообразным потому, что сведения о них в разных источниках очень противоречивы. Устраняя одни неточности, можно допустить другие.

Необходимо внести поправку и на неточность, допу-

---

[1] ГАБО, ф. р-1, оп. 6, д. 2608, л. 54.
[2] Там же.
[3] Там же.

щенную переписью 1921 г. В материалах переписи учтены только хозяйства, расположенные в сельской местности, и оставлены без внимания хозяйства, имевшиеся в городах[1]. Между тем некоторые городские жители, особенно в уездных городах, имели наделы и занимались земледелием. Соотношение между численностью сельскохозяйственных объектов, имевшихся в городах и в сельской местности, можно определить из данных переписи 1931 г.[2] Количество городских хозяйств в разных воеводствах составляло от 1,35 до 2,33% от числа хозяйств, расположенных в сельской местности.

После внесения поправок к данным переписи 1921 г. получится уточненная картина крестьянского землевладения в первое время вхождения Западной Белоруссии в состав Польши.

Таблица 30

Крестьянское землевладение в Западной Белоруссии в 1921 г., га

Группировка хозяйств по наличию у них земли	Число хозяйств	Площадь принадлежавшей им земли
Менее 1	22164	9898
1— 3	70058	145706
3— 5	90588	366886
5—10	125532	890671
10—20	54678	737914
20—50	16932	488564
Всего	379952	2639639

Обезземеливание крестьянства было не единственным показателем его обнищания. Весьма ярко проявлялись и другие признаки пауперизации земледельцев. Пулавский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, существовавший в тот период в Польше и изучавший экономику восточных земель, сообщил, что в годы мирового экономического кризиса суммарные доходы всех отраслей хозяйства в Западной Белоруссии уменьшились. В 1929 г. доходы составляли 316 626 тыс.

---

[1] Statystyka Polski. Pierwszy powszechny spis RP z dn. 30.IX 1921, t. XI, zesz. 3, s, 1.

[2] Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII 1931 r.: Województwo Białystockie, s. 79, 85; Nowogródzkie, s. 60—62; Poleskie, s. 66—67; Wileńskie, s. 36—41.

злотых, или 100%, в 1930 г.—298 387 тыс. (94%), а в 1931 г.—267 785 тыс., или 84%.

Итак, доходы за два года упали на 16% [1]. Однако в разных отраслях хозяйства картина была не одинаковой. Падение прибыли в одних не исключало повышения ее в других отраслях хозяйства.

Виленская промышленно-торговая палата опубликовала сведения о колебаниях доходов по Белостокскому, Виленскому и Полесскому воеводствам в годы кризиса.

В промышленности и торговле даже в те годы доходы росли [2]. В 1926 г. доходы составляли 76 230 тыс. злотых, или 100%, в 1927 г.—105 595 тыс. (138,5%), в 1928 г.—125 368 тыс. (164%), в 1929 г.—163 072 тыс. (213,9%), в 1930 г.—155 339 тыс. (200,4%), в 1931 г.—143 626 тыс., или 188,4%.

До 1929 г. включительно доходы росли очень бурно (продолжали действовать докризисные силы — выполнялись ранее полученные заказы и т. д.). С 1930 г. они начали снижаться, но все же почти в два раза превосходили уровень 1926 г.

В Западной Белоруссии вся тяжесть кризиса падала на сельское хозяйство, особенно на мелких землевладельцев. Промышленно-торговая палата делила сельскохозяйственные производственные единицы по наличию у них земли на две категории: до 60 га и свыше 60 га [3]. Доходы крупных хозяйств сократились на одну треть. В 1928 г. доходы составляли 47 434 тыс. злотых, или 100%, в 1929 г.—46 651 тыс. (98%), в 1930 г.—43 237 тыс. (91%), в 1931 г.—29 666 тыс., или 63%.

Это весьма заметное влияние кризиса. Однако основные тяготы и невзгоды, вызванные кризисом, выпали на долю мелких землевладельцев. В 1928 г. их доходы составляли 65 220 тыс. злотых, или 100%, в 1929 г.—63 822 тыс. (97,8%), в 1930 г.—39 218 тыс. (60,1%), в 1931 г.—24 523 тыс., или 37,6% [4]. В эту обширную группу землевладельцев (до 60 га земли) включались трудовое крестьянство, кулачество, осадничество и даже

---

[1] Badania nad opłacalnością gospodarstw włościańskich. Warszawa, 1936, s. 137.

[2] Sprawozdania o sytuacji gospodarczej okręgu Izby Przemysłowo-handlowej w Wilnie. Warszawa, 1929, s. 306.

[3] Там же, стр. 30.

[4] Там же.

мелкопоместная шляхта. Таблица объединяет их и нивелирует показатели. Несмотря на это, картина получается потрясающей. Доходность мелких хозяйств безудержно падала, падение приобретало катастрофический характер.

Обнищание крестьянства в Западной Белоруссии предопределялось и налоговой политикой правящих классов. На население беспрерывно разверстывались непосильные налоги без учета возможностей их уплаты. В Западной Белоруссии (как и во всей Польше) трудно было сосчитать многочисленные налоги, тяжелым бременем ложившиеся на плечи населения. Кроме других податей, существовал, например, налог на наследство, вызывавший возмущение населения. Б. Тарашкевич охарактеризовал этот налог следующим образом: «Когда в крестьянской семье умирает отец и оставляет вдову и детей сирот, тогда этот налог на наследство выглядит наказанием за смерть, крестьяне его так и расценивают» [1].

На съезде уездных старост в Новогрудке в феврале 1925 г. говорилось: «Важнейшим делом является упорядочение налогообложения, так как сейчас налоги взимаются по 7—8 раз в год, что вызывает возмущение людей» [2]. Рост налогов в Западной Белоруссии характеризовался следующими цифрами. В 1911 г. в бывшей Виленской губернии на каждого жителя в среднем приходилось по 4 злотых государственных налогов и на каждый 1 км^2 земли — 196,7 злотых. В 1928/29 г. в Виленском воеводстве на каждого человека начислялось 16,7 злотых, а на каждый 1 км^2—576,9 злотых [3].

Аналогичная картина была и в других воеводствах. Имеются сведения о росте налогов в Белостокском, Виленском и Полесском воеводствах в годы мирового экономического кризиса. В 1913 г. общая сумма прямых государственных налогов на указанной территории составила 20 752 тыс. злотых, или 100%. В 1926/27 г. она равнялась 47 788 тыс., или 216%, в 1927/28 г.—54 838 тыс. (264%), в 1928/29 г.—62 823 тыс. (303%), в 1929/30 г.—65 613 тыс. (311%), в 1930/31 г.—59 719 тыс., или 288%.

Налоги все возрастали. Наивысшей суммы они достигли в 1929/30 г. Государственные налоги дополнялись

---

[1] «Сын беларуса», 1924, 21.VI.

[2] ГАБО, ф. 662, оп. 3, д. 7, л. 717.

[3] Sprawozdania o sytuacji gospodarczej okręgu Izby Przemysłowo-handlowej w Wilne w roku 1929. Wilno, 1930, s. 29.

местными, которые в 1929/30 г. составили 46 914 тыс. злотых (71,5% от общей суммы государственных налогов) [1]. Всего в том году налоги по трем воеводствам исчислялись суммой 112 527 тыс. злотых. Это в 5,5 раза больше, чем в 1913 г. Но сюда не вошли косвенные налоги: штрафы, всякие единовременные поборы и налоги с оборота. Высокие и все возраставшие цены на соль, спички, табак, мыло, керосин, сахар и другие товары первой необходимости являлись косвенным обложением населения, средством пополнения государственного бюджета и источником дохода предпринимателей. К ним относились также штрафы, которые налагались каждым полицейским, вымогаемые «пожертвования», взносы и т. д. Косвенные налоги по своим размерам значительно превосходили прямые обложения. В 1928 г. в Виленском воеводстве прямые обложения на каждого налогоплательщика в среднем составляли 222, а налоги с оборота —411 злотых [2].

Росли поземельные налоги [3]. В 1930/31 г. в Польше они составили 50 млн. злотых, в 1931/32 г.—46 млн., в 1932/33 г.—55 млн., в 1933/34 г.—59 млн., в 1934/35 г.—62 млн.

Таблица 31

Рост поземельных налогов в Западной Белоруссии в тыс. злотых[4]

Воеводство	1931/32 г.	1932/33 г.	Увеличение, %
Белостокское	1857	2509	35,1
Виленское	1343	1728	28,7
Новогрудское	1137	1431	25,9
Полесское	1149	1293	12,5
Всего	5486	6961	26,9

Вся тяжесть поземельных налогов ложилась на крестьянство. Помещики получали от правительства заказы, кредиты, субсидии, дотации. От уплаты налогов они

[1] Sprawozdania o sytuacji gospodarczej okręgu Izby Przemysłowo-handlowej w Wilnie w roku 1929. Wilno, 1930, s. 30c.
[2] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 11, д. 358, л. 31.
[3] Mały rocznik statystyczny 1934, s. 201.
[4] Sprawozdanie Pałaty handlowej 1933, s .14.

всегда уклонялись. Еще в середине двадцатых годов их задолженность исчислялась в 740 млн. злотых [1]. У одного только земельного магната Замойского недоимки к 1925 г. составили 2 млн. 500 тыс. злотых [2]. Помещики обогащались, а налоговые тяготы несло крестьянство. «Налоги являются одним из самых острых, болезненных моментов деревни Западной Белоруссии, стоящим почти наравне с земельным голодом,— отмечалось на I съезде КПЗБ.—... Содержание армии, подготовка к войне... увеличение импорта... все это ложится на плечи трудящихся» [3]. Крестьяне не имели средств для уплаты налогов. Среди них весьма популярным был лозунг, выдвинутый компартией: «Ни гроша налогов правительству голода, безработицы, террора и войны» [4].

Для выколачивания налогов и недоимок по деревням рассылались карательные отряды, которые устраивали кровавые экзекуции, грабежи и распродажу с аукциона крестьянского имущества. «На протяжении многих лет с разоренных и голодающих масс беспощадно взыскиваются налоги, штрафы, административные обложения и недоимки. Распродажа с молотка имущества крестьянской бедноты принимает эпидемический характер» [5].

Осенью 1929 г. поставский уездный сеймик избрал делегацию для вручения меморандума воеводе о безвыходном положении крестьян в уезде. В меморандуме говорилось о том, что на каждую душу населения приходится по 16,21 злотого и на каждый гектар земли по 5,66 злотого налогов. К тому же за одну и ту же площадь в 1927 г. платили подоходного налога 120 злотых, а 1928 г.—200 злотых, а в 1929 г. получили извещение об уплате 400 злотых [6]. «Положение крестьян на территории уезда в нынешнем году является катастрофическим» [7].

В Виленском и Новогрудском воеводствах налоговая задолженность в апреле 1928 г. равнялась 11 374 тыс.

---

[1] Бюлетэнь сеймавага клуба БСРГ, 1926, № 13, 2.VII.

[2] Филиал Минского областного архива в городе Молодечно, ф. 93, оп. 1, д. 7, л. 295.

[3] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 184, л. 314.

[4] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 6, д. 66, л. 58.

[5] Там же, л. 6.

[6] ЦГА ЛитССР, ф. 51, оп. 11, д. 270, л. 19.

[7] Там же, л. 47.

злотых, а в апреле 1930 г.—20 145 тыс. злотых, за два года она возросла на 77% [1]. Даже местная администрация признавала непосильность налогов, докладывая по инстанциям, что «задолженность образовалась не в результате злой воли налогоплательщиков, а в силу невозможности уплаты налогов» [2].

Администрации Виленского и Новогрудского воеводств написали правительству совместную докладную записку об экономическом положении в этих воеводствах. В ней говорилось: «Наш край должен сверх сил терпеть налоговое бремя и социальный гнет. Размер налогов теперь в четыре раза больше, чем в довоенное время, и имеет тенденцию дальнейшего повышения. Местные налоги возросли в еще большей степени и составляют около трех четвертей государственных налогов. До того дошел социальный гнет, ранее неизвестный» [3]. Это писали те, которые сами облагали и грабили население захваченных территорий. Далее в записке говорилось, что «чрезмерные в сравнении с платежеспособностью нашего края налоговый и социальный гнет есть одна из мучительно ощущаемых причин хозяйственного упадка северо-восточных земель» [4].

Авторы докладной записки правильно определили и некоторые причины хозяйственного запустения края. Сравнивая создавшееся положение с довоенным, они писали: «При мизерности собственных капиталов хозяйственная жизнь нашего края питалась в значительной степени притоком краткосрочных кредитов, выделявшихся русскими банками. Долгосрочный кредит был также относительно выгодным. Однако же и здесь важнейшую роль играли русские капиталы» [5]. В записке говорилось об экономическом упадке края в связи с его переходом к Польше и об отсутствии условий для его подъема. «До настоящего времени новые условия, обеспечивающие нормальное экономическое развитие, не созданы» [6]. Тем самым признавалось, что политика польских господствовавших классов была причиной этого упадка.

---

[1] Sprawozdania o sytuacji gospodarszej okręgu Izby Przemysłowo-handlowej w Wilnie w roku 1929, s. 30 c.
[2] ГАБО, 33-Б/М-49, л. 61.
[3] Там же, л. 14.
[4] Там же.
[5] Там же, л. 7.
[6] Там же.

В записке приводились конкретные цифры о финансовом состоянии края, говорилось, что сумма учетных кредитов, выделяемых польским банком для этих воеводств, составляла менее 2% общепольских кредитов (по 1% на воеводство), что сумма вкладов в виленских частных банках составляла немногим более 6,5% довоенной суммы, а размеры долгосрочных кредитов, используемых в этих воеводствах,— немногим более 20% довоенных [1]. Воеводы сокрушались о том, что «утрачен традиционный емкий русский рынок», который ранее обеспечивал активность промышленного производства и торговли и поглощал продукцию западнобелорусской промышленности [2]. «В Вильно — упадок торговли, сокращение, частичная ликвидация тех отраслей производства, которые сбывали свои изделия на русском рынке и которые в послевоенное время не смогли найти новых рынков сбыта и приспособиться к изменившейся ситуации» [3]. С переходом Западной Белоруссии в состав Польши положение изменилось к худшему: ни рынка, ни сырья, ни кредитов, ни льготного тарифа. «До сих пор наши земли не смогли выйти из состояния экономического маразма, в который они были погружены войной и известными политическими условиями» [4]. Под известными политическими условиями, очевидно, следует понимать господство польского капитала в крае.

Итак, сами воеводы признали, что захват Западной Белоруссии был главной причиной «экономического маразма», наступившего в ней, что два воеводства «находятся в исключительно неблагоприятной экономической ситуации, проявляющейся почти во всех сферах хозяйственной жизни. Из года в год эта ситуация постепенно, но неуклонно ухудшается, независимо от временных изменений общепольской и мировой конъюнктуры» [5]. Не отрицалось, что трудящиеся массы в городе и в деревне нищали, что везде были безработные. «Заработки в деревне невероятно низкие, в районах, пораженных неурожаем, среди сельского населения наблюдается страшная нищета. Размеры безработицы устрашают» [6].

---

[1] ГАБО, 33-Б/М-49, л. 13.
[2] Там же, л. 9.
[3] Там же, лл. 9—10.
[4] Там же, л. 2.
[5] Там же, л. 1.
[6] ГАБО, 33-Б/М-49, л. 11.

Еще хуже обстояло дело на Полесье. В 1936 г. правление Общества развития восточных земель вручило правительству меморандум о положении, создавшемся в этом воеводстве. «Полесье нищает из года в год,— говорилось в нем,— и сельскому населению, несмотря на его минимальные требования, угрожает катастрофическое отсутствие средств для жизни и источников заработков» [1]. В меморандуме говорилось о том, что необходимость поддержания голодающего населения на Полесье представляет собой постоянное явление. «Положение дел, убожество и хозяйственный примитив, низкие темпы общего развития ставят Полесье за пределы нормальной хозяйственной и культурной жизни» [2]. Если Западная Белоруссия была названа «Польшей Б», то Полесье мемориал предлагал назвать «Польшей С» [3]. В том же году это общество направило правительству и второй мемориал, в котором говорилось, что «полещук» вынужден умирать с голода, «с тоской поглядывая на восточные границы, откуда должен прийти избавитель» [4].

Так оценивали положение в Западной Белоруссии те, кто сами были виновны и несли ответственность за ее ограбление, за превращение в отсталую колонию. Авторы памятных записок не были благодетелями, но они видели, что при такой хищнической политике колонизации и грабежа край нищает, его богатства растаскиваются, источники наживы иссякают. Они лишь заботились о том, чтобы их доходы не сокращались.

Экономическое положение Западной Белоруссии в составе Польши характеризовалось и следующими фактами. Западная Белоруссия равнялась одной четверти территории страны; население составляло 11% всех жителей Польши, но в ней находилось лишь 2,4% общего количества промышленных предприятий, и те были мелкие, полукустарные. Поэтому рабочих в ней было только 1,4% от численности общепольского пролетариата. В крае вырабатывалось 1,06% электроэнергии, собиралось 1,6% пшеницы, 11% ржи и 7,6% картофеля [5].

---

[1] ГАБО, 33-Б/Г-72, л. 8.
[2] Там же, л. 6.
[3] ГАБО, 33-Б/М-72, л. 6.
[4] ГАБО, 33-Б/Н-20, л. 8.
[5] «Słowo», 1928, 6.X.

Крестьяне правильно оценивали положение. В одном из их писем из Новогрудчины говорилось: «Наше сельское хозяйство мало чем отличается от хозяйства прадедов. Мы производим мало и дорого, а продаем дешево. Ныне бедный и даже средний хозяин, не заработав, не имеет средств к жизни, заработать же негде. Мы живем одним картофелем. Хлеб на столе бывает в праздник, и то из картофеля и свеклы, приправленный для запаха мукой. И мысли нет о потреблении молока, яиц или сала, все это продается, так как не на что купить соли, керосина, мыла, лаптей»[1]. Крестьяне деревни Зеленка Лынтупской волости Свенцянского уезда писали: «Цены на сельскохозяйственные продукты так пали, что весь урожай надо продать, чтобы кое-как оплатить налоги. А себе что оставить? Посох да суму? Не выиграешь. Что же нищий у нищего выпросит?»[2]

Повального обнищания деревни не отрицал и В. Станевич, говоря: «Восточные земли ... сегодня они безмерно убоги. Убоги они потому, что сельское хозяйство в них находится в упадке, что крестьянин ведет натуральное хозяйство, которое в двух словах можно охарактеризовать: что посеешь, то и съешь. Потребности мелких хозяев вследствие этого очень ограничены, а их покупательная способность на рынке ничтожна»[3].

Нищета в деревне доходила до крайних пределов. «Белорусская газета» так описывала положение в деревне: «Спичек нет. Хозяйки научились поддерживать в печи «вечный огонь», закапывая горячие угли в пепел. Как только наступает утро, соседки ходят друг к другу с посудой за горячими угольками. Новой одежды нет. Часто женщины носят юбки, сшитые из нескольких лоскутов полотна, окрашенных в разные цвета. Дети по снегу ходят в школу босыми»[4].

В январе 1934 г. та же газета сообщала, что в результате низкого урожая, собранного осенью, весной нечем будет сеять. «Запасы зерна кончаются. Люди еще в ноябре ели хлеб с примесью жмыхов. Из-за отсутствия кормов погибает скот. В Дисненском уезде 20 000 детей

---

[1] «Беларуская газета», 1933, 26.VII.

[2] Там же.

[3] Witold Staniewicz. O program agramy w Polsce i jego wykonanie, s. 21.

[4] «Беларуская газета», 1933, 14.IX.

школьного возраста нуждаются в срочной помощи. В Поставском уезде наблюдаются случаи, когда дети опухают от голода. Нужна срочная помощь. Более 100 000 душ глядят в глаза голодной смерти... В то же время с них требуют налоги» [1].

На II съезде КПЗБ отмечалось, что «в деревне небывалый голод... молодежь бросает свои хаты» [2], что молодые люди часто «становятся нищими, идут искать лучшего, но нигде не могут найти его. Мы имеем в деревне страшную безработицу, которая никогда не регистрируется... Еще в худших условиях живет та молодежь, которая... работает у помещиков... Она не только не может заработать на жизнь, но ежедневно терроризуется, ежедневно облагается разными штрафами. Молодежь в деревне ходит оборванной, босой. Особенно это чувствует учащаяся молодежь, которая ходит в школу за несколько километров и ей зимой приходится ходить босой и раздетой» [3].

Вот конкретная зарисовка жизни деревни на Полесье. Польская путешественница из Варшавы в 1929 г. так описывала свои впечатления о деревне Гощи. Деревня маленькая, всего 28 дворов. Со всех сторон она окружена непроходимыми топями, это остров среди болот. Доступ в деревню возможен только зимой во время морозов. В 1928 г. впервые проложена кое-какая дорога (гать) через болото. Избы крестьян такие же, как много веков назад, «никакой мебели, полок с посудой, ни в одной избе... не видела кровати» [4]. Все бедно, «лавки вокруг избы, стол в углу, большая печь, сделанная так, чтобы на ней можно было спать, с коминком для лучины, сплетенная из лозы люлька, подвешенная к потолку. Это все» [5]. Кругом неописуемая нищета. «В одной избе видела карманное зеркальце, вделанное в стену — единственный след цивилизации двадцатого века» [6]. Люди жили, как в патриархальные времена. «В другом конце избы размещен скот, в сенях — кросна и каменные допотопные

---

[1] «Беларуская газета», 1934, 30.I.

[2] Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 242, оп. 1, д. 494, л. 1.

[3] Там же, лл. 1—2.

[4] Na drodze do dobrobytu Ziem Wschodnich. Warszawa, 1937, s. 9.

[5] Там же.

[6] Там же.

жернова»[1]. «Хозяйство полностью натуральное»[2]. Почти ничего не продавалось и не покупалось. «Люди одеты исключительно в самотканое полотно и лапти... Живут тем, что дают им лоскуты полей среди болот. Была в июне, учительница говорила, что в большинстве домов хлеба нет от пасхи. Единственное, что покупается,— это черная соль и спички, это предметы драгоценные»[3]. Даже керосин крестьяне не могли приобретать. По вечерам в избах жгли лучину и при ее тусклом свете женщины пряли и шили.

Деревня Гощи не была исключением. Так жило население во всей Западной Белоруссии. Многие семьи десятилетиями жили в землянках и блиндажах, оставшихся от первой мировой войны. Еще в 1932 г. в Новогрудском воеводстве не было восстановлено 5136 жилых домов и 13 008 хозяйственных построек, разрушенных войнами[4].

Жители села Телеханы Коссовского уезда написали письмо в газету «Сын беларуса». «Наш голос — голос погибающих от нищеты, которая широкой волной залила наши жилища,— пусть не будет гласом вопиющего в пустыне. Пусть знает вся Речь Посполитая, что мы погибаем от земельного голода, от отсутствия работы, хлеба; погибаем в варварской темноте от недостатка школ; погибаем от неслыханной тяжести государственных налогов и еще в большей степени от нечеловеческого гнета местных помещиков и спекулянтов... У нас забирают даже ту мелочь, которую мы имели в русские времена: не имеем никаких прав на наши сервитуты, забрали у нас пашню, которой мы пользовались с 1870 года, за которую платили и готовы платить дальше одну треть ежегодного урожая.

Нет числа подобным насилиям, нет от них спасения, ибо полиция, суды и разные власти — все стоят за наших врагов, как будто все сговорились окончательно нас разорить и уничтожить.

Мы, жители, приросшие к матери-земле, призываем: Дайте нам землю и школу! Вон помещиков и их слуг!»[5].

---

[1] Na drodze do dobrobytu Ziem Wschodnich, s. 9.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же.
[4] ГАГО, ф. 551, оп. 1, д. 593, лл. 2—3.
[5] «Сын беларуса», 1924, 13.VI.

6. БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ САНАЦИОННОГО РЕЖИМА

Классовый и национальный гнет, крайнее обнищание трудящихся Западной Белоруссии дополнились новыми тяжестями, принесенными наступившим в 1929 г. экономическим кризисом капитализма. Кризис охватил и парализовал в крае машиностроительную, стекольную, кожевенную, химическую, деревообделочную, текстильную, строительную и другие виды промышленности. Только в городах Западной Белоруссии свыше 300 тыс. человек потеряли работу [1]. Безработица охватывала все более широкие слои трудящихся.

Трудящиеся задыхались под тяжестью все возраставшего налогового гнета, дополнявшегося многочисленными штрафами и поборами. Правительство с невиданной жестокостью выколачивало налоги, недоимки и штрафы с обнищавших масс. Продажа с молотка крестьянских пожитков часто принимала повальный характер. Это вызывало возмущение и гнев голодных людей в городе и деревне.

В 1928 г. состоялся I съезд КПЗБ. Вооруженная решениями съезда партия повела трудящихся на борьбу за их права. Во главе эксплуатируемых города и деревни шел пролетариат.

Летом 1929 г. забастовали рабочие стеклозавода в Гродно. В стачке участвовало свыше 700 человек. Они требовали повышения заработной платы и сокращения продолжительности рабочего дня. Стеклодувы героически боролись с предпринимателями около двух месяцев. Лишь грубые репрессии, примененные администрацией и властями, вынудили их вернуться к работе [2].

Летом 1929 г. вспыхнула стачка 700 рабочих на стеклозаводе «Неман» около Лиды [3]. Для ее подавления на территорию завода и поселка были введены воинские части. На главных магистралях появились военные посты, пикеты и подразделения солдат, вооруженных винтовками и пулеметами. Завод оказался на военном

---

[1] «Бальшавік», 1930, № 2—3 (36), стар. 8.

[2] См. В. Полуян и И. Полуян. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии. Минск, 1962, стр. 150.

[3] «Бальшавік», 1929, № 5—6 (32), стар. 8.

положении. Но это не запугало рабочих, они проявили организованность и упорство в борьбе. Стачка, продолжавшаяся два месяца, сопровождалась массовыми митингами и манифестациями. Она закончилась частичной победой рабочих.

Бастовали строители Слонима, табачники Гродно, пекари, кожевники, рабочие коммунального хозяйства, лесопильных и фанерных предприятий, трудящиеся многих других профессий на всей территории Западной Белоруссии.

Весной 1933 г. забастовали рабочие фанерной фабрики в Мостах. Стачка носила длительный и упорный характер. Забастовщики заняли помещение фабрики, не пускали штрейкбрехеров и отбивали вооруженные атаки полиции. Им помогали жены и дети. Их борьба закончилась победой [1].

Если в 1931 г. по промышленным предприятиям Западной Белоруссии прокатилось 26, то в 1932 г.—39 забастовок. Большинство из них окончилось победой рабочих. Летом 1932 г. в стачках участвовало свыше 16 тыс. рабочих [2]. Забастовочное движение из года в год нарастало. Экономическая борьба пролетариата приобретала политическую окраску. Рабочий класс мужал и закалялся в борьбе, его классовое сознание и организованность повышались, он вырастал в самостоятельную политическую силу. Пролетариат Западной Белоруссии выступал заодно с польским рабочим классом.

Активное участие в рабочем движении принимали безработные. В городах Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины они устраивали массовые демонстрации под лозунгами: «Хлеба и работы», «Долой санацию», «За национальное самоопределение» и т. д.[3]

Политическим союзником рабочего класса выступало белорусское трудовое крестьянство. Известно, что промышленный кризис капитализма в 1929—1933 гг. дополнялся аграрным. Всю тяжесть аграрного кризиса помещики перекладывали на плечи крестьянства. Рабочий день батраков удлинялся, а заработная плата резко

---

[1] См. В. Полуян и И. Полуян. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии, стр. 159—162.

[2] Там же, стр. 155.

[3] «Бальшавік», 1930, № 2—3 (36), стар. 8.

снижалась. В имениях проводились массовые сокращения сельских рабочих, их все более заменяли поденщиками. Основные работы выполнялись попавшими в барскую кабалу крестьянами. Обострявшийся земельный голод усиливал экономическую зависимость бедноты и середнячества от крупных землевладельцев.

Доведенное до отчаяния крестьянство под руководством коммунистической партии поднималось на борьбу. Оно требовало земли без выкупа, выступало «против кабальной эксплуатации со стороны помещиков, буржуазии и кулаков» [1], против аграрной политики Пилсудского и санационной диктатуры. Участились забастовки батраков и сезонных рабочих. В городе и деревне борьба поднималась на высшую ступень и «приобретала явно выраженный наступательный характер, увлекая все более широкие массы» [2].

Компартия призвала трудящихся Западной Белоруссии выступить единым фронтом против капитала в Международный день борьбы с голодом и безработицей — 25 февраля 1931 г. Рабочие и крестьяне откликнулись на призыв и повсеместно вышли на улицы со своими требованиями. Особенно внушительная демонстрация состоялась в этот день в Кобрине. Безработные города, батраки и беднейшие крестьяне из окружающих имений и сел с женами и детьми собрались на площади города. Колонна, насчитывавшая свыше 1500 человек, с красными знаменами и транспорантами, с пением революционных песен и требованиями «Хлеба и работы!» двинулась к магистрату [3]. На демонстрантов напали конные и пешие полицейские и начали избивать их резиновыми палками и ружейными прикладами. Демонстранты оказали сопротивление. Произошли стычки с вооруженной жандармерией. Колонна была рассеяна, 120 человек арестованы.

Революционные выступления солдат отмечались в Вильно, Семятичах и других местах [4]. В стране в условиях углублявшегося экономического кризиса капитализма и революционного подъема масс нарастали «элементы... революционной ситуации» [5].

---

[1] Пастановы IV пленума ЦК КПЗБ. Вільня, 1930, стар. 21.
[2] Там же, стр. 20.
[3] У суровыя гады падполля. Мінск, 1958, стар. 177.
[4] Там же, стр. 22.
[5] «Бальшавік», 1930, № 2—3 (36), стар. 8.

Это свидетельствовало о том, что вся Польша и Западная Белоруссия стояли «перед новым могучим подъемом революционной борьбы, перед новыми решающими классовыми битвами трудящихся масс во главе с пролетариатом» [1].

Это ставило перед Компартией Западной Белоруссии весьма ответственные задачи, требовало от нее политической зрелости. Коммунисты понимали это. «Наша партия,— говорилось в письме ЦК КПЗБ,— должна понять в этот период решающую роль субъективного фактора в лице нашей партии как организатора и руководителя борьбы трудящихся масс во главе с пролетариатом» [2] за свержение диктатуры крупного капитала.

Партия нацеливала трудящихся на организацию средств самообороны, на создание боевых дружин [3]. Таков был курс коммунистов в классовой борьбе, рассчитанной на длительное время, на подъем революционного движения в стране.

Коммунистическая партия мобилизовала массы также и на борьбу за непосредственные повседневные требования. «Борьба против налогового гнета... является основным звеном» [4] для подъема революционной активности масс. Она подводит их «вплотную к борьбе за землю без выкупа» [5], — говорилось в решениях пленума ЦК КПЗБ.

В августе 1930 г. на Западной Украине началось крестьянское движение. К нему присоединились крестьяне Полесья. Вновь запылали помещичьи усадьбы, осадничьи и кулацкие дворы. Снова почувствовали себя в опасности чиновники и полицейские. Ситуация напоминала грозные времена 1924—1925 гг. Правительство усилило репрессии, повсеместно бесчинствовали карательные экспедиции.

Тридцатые годы ознаменовались ростом сознательности, организованности и политической активности людей, занятых на лесоразработках (пильщиков, грузчиков и возчиков). То были в основном крестьяне. Безлошадные

---

[1] Пастановы IV пленума ЦК КПЗБ, стар. 24.
[2] Там же, стр. 43.
[3] Там же, стр. 56.
[4] Там же, стр. 58.
[5] Там же.

работали лесорубами и грузчиками, имевшие лошадей — возчиками. Трудились они по 14—16 часов в сутки, выполняя неимоверно тяжелую работу. Ночевали в шалашах, а то и просто под кустами, питались сухим хлебом (если он еще был), никакой охраны труда не существовало, месяцами им за выполненную работу ничего не платили. Люди надеялись хотя бы что-нибудь заработать для поддержания семьи и терпели невзгоды. Но всему бывает предел. Наступил момент, когда терпение рабочих иссякло.

В октябре 1932 г. среди лесорубов и возчиков Беловежской и Ружанской пущ начались волнения, а с 1 ноября четыре тысячи рабочих прекратили работу и объявили забастовку, потребовав ограничения продолжительности рабочего дня до 8 часов, оплаты труда в размере 1,2—2 злотых в день и введения охраны труда [1]. Их поддержало окружающее население. К забастовке примкнули также батраки помещичьих имений и беднота из окружающих деревень [2].

Дирекция государственных лесов вызвала полицию. Ей помогали соглашательские партии, стараясь уговорить забастовщиков возобновить работу. Доводы соглашателей дополнялись полицейскими акциями, 50 забастовщиков было арестовано, один из них (Тарасевич) убит в полицейском застенке [3]. Администрация пыталась привлечь к работе штрейкбрехеров. Но ничто не могло сломить стойкости и веры крестьян в свою победу.

Забастовщики избрали по лесничествам несколько забастовочных комитетов, поддерживавших между собою связь и действовавших согласованно. В них были широко представлены коммунисты. Компартия обратилась к трудящимся с призывом поддержать лесорубов, был организован сбор средств в помощь забастовщикам, повсеместно принимались резолюции солидарности с ними. Компартия издавала даже газету «Лесоруб в борьбе» [4]. Из Пружанского уезда борьба перекинулась на Слонимщину и втянула новые тысячи крестьян. В ней участвовало около 70 деревень. Кроме экономических требова-

---

[1] У суровыя гады падполля, стар. 196; «Чырвоны сцяг», 1932, № 8 (95), стар. 4.
[2] У суровыя гады падполля, стар. 196.
[3] «Чырвоны сцяг», 1932, № 8 (95), стар. 4.
[4] У суровыя гады падполля, стар. 210.

ний, лесорубы выдвигали политические лозунги — прекратить репрессии, освободить арестованных, долой буржуазно-помещичье правительство и т. д. Повсеместно собрания и митинги заканчивались пением «Интернационала», «Варшавянки» и других революционных песен. Экономическая стачка продолжалась более полугода и перерастала в политическую забастовку [1].

Сознательность, организованность и стойкость забастовщиков обеспечили им успех в борьбе. Их требования в основном были удовлетворены. В середине февраля 1933 г. крестьяне прекратили стачку. Лесная эпопея закончилась и стала примером для других.

За время забастовки выросла численно и укрепилась организация компартии у лесорубов. Ее влияние заметно усилилось. Лесные рабочие объединились в профессиональный союз.

Летом 1933 г. произошло вооруженное столкновение крестьян Кобринского уезда с жандармерией. В середине 1933 г. революционное движение достигло такого накала, что возможны были внезапные, стихийные выступления с самыми неожиданными последствиями. Чтобы предотвратить непредвиденные и нежелательные схватки крестьян с правительственными вооруженными силами, которые могли послужить предлогом для массовых кровавых репрессий против революционных сил, КПЗБ рекомендовала предъявление правительству совместных крестьянских требований. Это укрепляло бы общий фронт и единство действий всех революционных сил деревни.

Призывы компартии нашли особенно сочувственное отношение на Полесье. На 4 августа был намечен совместный поход крестьян деревень Большие Радваничи, Малые Радваничи, Михалино, Малиновка, Новоселки, Новый Двор, Волки, Муры, Павлополь, Подлесье, Франополь, Черняки, Семисосны и других в имение братьев Молочевских для вручения владельцам требований крестьян. Вечером 3 августа жители этих сел по разным дорогам направились в Большие Радваничи как в условленное место сбора. Некоторые из них имели при себе оружие. Кто-то из крестьян выстрелил в повстречавшегося агента полиции и ранил его. Прибежав в отделение полиции в Новоселки, агент рассказал о случившемся. Начальник отделения срочно затребовал по телефону

---

[1] У суровыя гады падполля, стар. 197.

помощь из Кобрина и Дивина. Придя в Новоселки, манифестанты прервали телефонную связь с Кобрином и Дивином и напали на полицейский участок. Начавшаяся ружейная перестрелка продолжалась несколько часов. На рассвете появились жандармы и разгромили крестьян. Многие из них были арестованы и избиты. Кобринский и смежные с ним уезды были объявлены на осадном положении.

По деревням бесчинствовали карательные отряды. Людей хватали без разбора. Организаторы крестьянского похода Л. Богданович, А. Гузюк, И. Кицель, С. Козлович, И. Лискович, Р. Мацюк, В. Никончук, Р. Тимощук и вместе с ними секретарь Брестского окружного комитета компартии Регина Каплан были преданы военно-полевому суду. Им угрожала смертная казнь.

По призыву компартии на их защиту поднялись широкие народные массы Западной Белоруссии и всей Польши. Повсюду создавались комитеты помощи жертвам полицейского произвола. Народное возмущение нарастало. Это вынудило правительство воздержаться от кровавой расправы. Организаторы крестьянского похода были приговорены к пожизненному заключению. Дело Р. Каплан было передано в обычный гражданский суд.

Крестьянство нередко переходило к партизанским методам борьбы. В лесах Западной Белоруссии вооруженные отряды народных мстителей появились с весны 1931 г. Так же, как и прежде, они поджигали помещичьи и осадничьи дворы, нападали на полицейские участки, военные и государственные объекты. Особенно широких размеров партизанское движение достигло в 1932 г. Буржуазная пресса заговорила о вооруженном восстании на Полесье. Вновь для борьбы с партизанами был создан особый штаб и отмобилизованы военные силы. По лесам и деревням пошли карательные отряды. Партизанское движение в тот период широкого распространения не получило.

Отмечались волнения и в польской армии.

С установлением фашистского режима в Германии польское правительство вступило в союз с Гитлером. В Польше по фашистскому образцу появились концлагери для коммунистов и прогрессивных деятелей. В 1935 г. санационный режим принял новую конституцию. Уничтожались последние крохи демократических

свобод, уцелевшие после переворота 1926 г. На основе конституции и реакционного избирательного закона были проведены выборы в сейм, но трудящиеся бойкотировали их. С 1935 г. началась полоса политического кризиса правительства Польши. Коммунистическая партия выдвигает лозунг единого народного фронта против капитала.

Советская Армия в сентябре 1939 г. спасла крестьянство Западной Белоруссии от полной пауперизации. Кончился период господства польского капитала в этом многострадальном крае. Западная Белоруссия, осуществив свое право на национальное самоопределение, вошла в состав БССР и стала неотъемлемой ее частью.

На территории Западной Белоруссии вошло в силу советское законодательство. Вся земля — поля, леса, луга, болота, воды — стала всенародным достоянием.

Сбылась заветная мечта земледельцев. Крестьяне стали хозяевами земли. В деревне восторжествовали новые, социалистические производственные отношения, построенные на всенародной собственности на землю и средства производства. Люди стали хозяевами своей судьбы. Вместе со всеми советскими народами белорусский народ стал активным строителем коммунистического общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В книге приведен ряд таблиц. Одни из них взяты из польских статистических публикаций, другие представляют собой результаты вычислений, проведенных автором. Для лиц, занимающихся изучением аграрных отношений, существовавших в Западной Белоруссии, может понадобиться более детальное ознакомление с цифрами, характеризующими данную проблему. Этой цели и служат приложения.

Приложение 1

Распределение земельной собственности в Западной Белоруссии между различными категориями хозяйств, га (по переписи 1921 г.)[1]

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли	Количество хозяйств	%	Площадь принадлежавшей им земли	%
Белостокское воеводство[2]				
Менее 1	3210	8,15	1207	0,22
1— 2	2998	7,61	4585	0,85
2— 3	4071	10,34	10367	1,91
3— 5	9205	23,37	36775	6,76
5— 10	12726	32,32	90317	16,61
10— 20	5420	13,76	73042	13,44
20— 50	1215	3,09	33734	6,21
50—100	197	0,50	13243	2,44
Свыше 100	338	0,86	280380	51,56
Всего	39380	100,00	543650	100,00

[1] Pierwszy powszechny spis RP z dn. 30. IX.1921, т. XI. Gospodarstwa wiejskie: Белостокское воеводство—t. XI, zesz. 2, s. 19—21; Виленское—t. XI, zesz. 3, s. 5; Новогрудское—t. XI, zsez. 3, s. 3—4; Полесское—t. XI, zesz. 3, s. 5—6.

[2] По Белостокскому воеводству взяты только Волковысский и Гродненский уезды.

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли	Количество хозяйств	%	Площадь принадлежавшей им земли	%
	Виленское воеводство[1]			
Менее 1	4558	5,63	1848	0,17
1— 2	5385	6,66	8170	0,72
2— 3	7484	9,25	18953	1,67
3— 5	18226	22,53	72130	6,36
5— 10	26654	32,95	188390	16,61
10— 20	12173	15,05	162987	14,37
20— 50	4457	5,51	129733	11,44
50—100	927	1,15	63614	5,61
Свыше 100	1031	1,27	488275	43,06
Всего	80895	100,00	1134100	100,00
	Новогрудское воеводство			
Менее 1	6976	5,22	3152	0,19
1— 2	10571	7,91	15969	0,98
2— 3	15573	11,65	38925	2,38
3— 5	35636	26,66	140994	8,63
5— 10	42671	31,93	300735	18,41
10— 20	16022	11,99	213707	13,08
20— 50	4171	3,12	119582	7,32
50—100	768	0,58	52955	3,24
Свыше 100	1260	0,95	747461	45,76
Всего	133648	100,00	1633480	100,00
	Полесское воеводство[2]			
Менее 1	5796	5,72	2877	0,13
1— 2	8703	8,59	12937	0,68
2— 3	10619	10,48	26225	1,29
3— 5	22272	22,00	88785	4,37
5— 10	31372	30,96	226774	11,17
10— 20	15811	15,61	217841	10,73
20— 50	5264	5,20	151647	7,47
50—100	693	0,68	45824	2,25
Свыше 100	773	0,76	1256553	61,91
Всего	101303	100,00	2029463	100,00

[1] По Виленскому воеводству взяты Браславский, Дисненский, Дуниловичский и Вилейский уезды. В Ошмянском и Свенцянском уездах перепись не проводилась.

[2] Из данных по Полесскому воеводству исключены цифры по Каменец-Каширскому и Сарненскому уездам. По Пинскому уезду исключена 1/3 хозяйств и земельной площади.

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли	Количество хозяйств	%	Площадь принадлежавшей им земли	%
Всего по Западной Белоруссии				
Менее 1	20540	5,78	9084	0,17
1— 2	27657	7,79	41661	0,78
2— 3	37747	10,63	94470	1,77
3— 5	85339	24,02	338684	6,34
5— 10	113423	31,93	806216	15,09
10— 20	49426	13,91	667577	12,50
20— 50	15107	4,25	434696	8,14
50—100	2585	0,73	175636	3,29
Свыше 100	3402	0,96	2772669	51,92
Всего	355226	100,00	5340693	100,00

Приложение 2

Национальная принадлежность владельцев крупных хозяйств в Западной Белоруссии[1]

Размеры хозяйств по величине земельной площади, га	Всего хозяйств	Принадлежало					
		полякам		белорусам		другим национальностям	
		число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%
Белостокское воеводство[2]							
50— 100	291	280	96,0	7	2,4	4	1,6
100— 500	476	439	92,2	12	2,5	25	5,3
500—1000	117	105	90,0	4	3,4	8	6,6
Свыше 1000	81	76	93,8	—	—	5	6,2
Всего	965	900	93,2	23	2,4	42	4,4

[1] Wielka własność rolna, s. 8.

[2] Данные относятся к полной территории четырех воеводств. Но это существенным образом не влияет на результат исследования, так как в данном случае нас интересует только процентное соотношение владельцев разных национальностей.

Размеры хозяйств по величине земельной площади, га	Всего хозяйств	Принадлежало					
		поляком		белорусам		другим национальностям	
		число хозяйств	%	число хозяйств	%	число хозяйств	%
Виленское воеводство							
50— 100	1019	862	84,6	107	10,5	50	4,9
100— 500	1255	1085	86,5	97	7,7	73	5,8
500—1000	126	116	92,1	3	2,4	7	5,5
Свыше 1000	136	119	87,5	1	0,7	16	11,8
Всего	2536	2182	86,0	208	8,2	146	5,8
Новогрудское воеводство							
50— 100	387	342	88,4	40	10,3	5	1,3
100— 500	624	542	86,8	52	8,3	30	4,9
500—1000	122	107	87,7	5	4,1	10	8,2
Свыше 1000	111	96	86,5	5	4,5	10	9,0
Всего	1244	1087	87,4	102	8,2	55	4,4
Полесское воеводство							
50— 100	180	88	49,0	71	39,4	21	11,6
100— 500	318	227	71,4	50	18,9	41	9,7
500—1000	107	74	69,1	14	13,1	19	17,8
Свыше 1000	246	166	67,5	17	6,9	63	25,6
Всего	851	555	65,2	152	17,9	144	16,9
Всего по Западной Белоруссии							
50— 100	1877	1572	83,8	225	12,0	80	4,2
100— 500	2673	2293	85,8	211	7,9	169	6,3
500—1000	472	402	85,2	26	5,5	44	9,3
Свыше 1000	574	457	79,6	23	4,0	94	16,4
Итого	5596	4724	84,4	485	8,7	387	6,9
во всей Польше	19348	15857	82,0	487	2,5	3004	15,5

Классификация хозяйств по наличию в них лошадей в Западной Белоруссии (по переписи 1927 г.)[1]

Уезды воеводств	Число учтенных хозяйств	Число хозяйств без скота	Число хозяйств, имеющих лошадей					
			одну	две	три	четыре	пять и более	всего
Белостокское воеводство								
Гродненский	28217	1532	17029	3913	369	119	137	21567
Волковысский	28246	2073	15957	2774	188	105	129	19153
Всего	56463	3605	32986	6687	557	224	266	40720
Виленское воеводство[2]								
Браславский	26568	2044	14841	3540	544	156	102	19183
Дисненский	26844	1902	14608	3907	684	189	182	19570
Молодечненский	13967	674	8291	1045	167	71	99	9673
Ошмянский	16721	735	9471	1501	198	87	106	11363
Поставский	20177	1748	11552	2838	398	134	77	14999
Свенцянский	12350	860	7138	1357	166	38	50	8749
Вилейский	22013	1510	14110	1697	177	43	68	16095
Всего	138640	9473	80011	15885	2334	718	684	99632
Новогрудское воеводство								
Барановичский	25456	2002	16007	1756	127	63	106	18059
Лидский	44529	1899	26937	4637	530	217	277	32598
Несвижский	17824	777	11216	1459	155	59	107	12996
Новогрудский	25725	2588	15166	1591	126	47	88	17018
Слонимский	19654	1052	12001	2026	107	36	62	14232
Столбцовский	12892	662	8422	814	76	27	48	9387
Воложинский	20110	614	13511	1490	134	41	71	15247
Всего	166190	9594	103260	13773	1255	490	759	119537

[1] Kwartalnik statystyczny. 1928, t. V, zesz. 2, s. 652, 654.

[2] Из Виленского воеводства исключен Вильно-Трокский уезд. По Свенцянскому уезду взята 1/2 всех величин.

Уезды воеводств	Число учтенных хозяйств	Число хозяйств без скота	Число хозяйств, имеющих лошадей					
			одну	две	три	четыре	пять и более	всего
Полесское воеводство[1]								
Брестский	30078	2829	17225	3315	215	55	72	20882
Дрогичинский	18040	2080	10443	807	50	13	23	11336
Кобринский	21297	1985	10655	1403	117	42	77	12294
Коссовский	13181	756	8245	1134	70	8	13	9470
Лунинецкий	15055	661	8231	2494	200	31	26	10982
Пинский	16885	963	10819	1429	89	24	44	12405
Пружанский	16370	797	10927	1292	79	24	45	12367
Столинский	15811	534	5585	4435	455	111	31	10617
Всего	146717	10605	82130	16309	1275	308	331	100353
Итого	508010	33277	298387	52654	5421	1740	2040	360242

Приложение 4

Распределение мелкой земельной собственности в Западной Белоруссии между различными группами хозяйств в 1931 г., га[1]

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли	Количество хозяйств	Площадь принадлежавшей им земли
Белостокское воеводство (Волковысский и Гродненский уезды)		
Менее 1	2711	1390
1 — 3	11241	22233
3 — 5	14365	56690
5 — 7	11630	69402
7 — 10	10976	91853
10 — 15	7891	95004
15 — 20	3015	51761
20 — 30	1984	46808
30 — 50	965	35424
Всего	64778	470565

[1] Из Полесского воеводства исключены Каменец-Каширский и Сарненский уезды. Из Пинского уезда исключена 1/3 величин.

[2] Struktura posiadania mniejszej własności rolnej na Ziemiach Wschodnich (według danych Statystyki Produkcji Rolnej z 1931 r.). Opracowana pod kierownictwem dr Ludwika Grodzickiego. Nakł. Inst. Gospodarczy Ziem Wschodnich.

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли	Количество хозяйств	Площадь принадлежавшей им земли
Виленское воеводство[1]		
Менее 1	3790	1720
1 — 3	18491	37317
3 — 5	26512	104573
5 — 7	21601	128356
7 — 10	20529	171237
10 — 15	15698	188325
15 — 20	6007	103011
20 — 30	4637	110429
30 — 50	2221	83243
Всего	119486	928211
Новогрудское воеводство		
Менее 1	9368	5349
1 — 3	43818	86593
3 — 5	46496	182913
5 — 7	32847	194897
7 — 10	26810	222657
10 — 15	17701	212111
15 — 20	6157	104597
20 — 30	3694	87262
30 — 50	1510	56553
Всего	188401	1152932
Полесское воеводство[2]		
Менее 1	7458	4300
1 — 3	36977	74340
3 — 5	41561	157923
5 — 7	29641	176626
7 — 10	27278	228995
10 — 15	18909	229024
15 — 20	8439	144660
20 — 30	5811	138856
30 — 50	2598	95588
Всего	178672	1250312

[1] Виленское воеводство взято без Вильно-Трокского уезда и с учетом 1/2 данных по Свенцянскому уезду.

[2] Полесское воеводство взято без Каменец-Каширского уезда. Из показателей по Пинскому уезду исключена 1/3 величин.

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли	Количество хозяйств	Площадь принадлежавшей им земли
По всей Западной Белоруссии		
Менее 1	23327	12759
1 — 3	110527	220483
3 — 5	128934	502099
5 — 7	95719	569281
7 — 10	85593	714742
10 — 15	60199	724464
15 — 20	23618	404029
20 — 30	16126	383355
30 — 50	7294	270808
Всего	551337	3802020

Приложение 5

В приводимой ниже таблице даются цифры, относящиеся к той территории Виленского воеводства, на которой проводилась перепись в 1921 г. Чтобы получить эти цифры, достаточно из таблиц Хозяйственного института восточных земель исключить данные, относящиеся к Ошмянскому и Свенцянскому уездам, в которых в 1921 г. перепись не проводилась.

Распределение мелкой земельной собственности в Виленском воеводстве между различными группами хозяйств в 1931 г. (на той территории, где проходила перепись в 1921 г.)[1]

Классификация хозяйств по площади принадлежавшей им земли, га	Количество хозяйств	Площадь принадлежавшей им земли
Менее 1	2898	1272
1 — 3	14529	29456
3 — 5	20100	79328
5 — 7	16046	95414
7 — 10	14765	122953
10 — 15	11559	138756
15 — 20	4430	75985
20 — 30	3477	82830
30 — 50	1616	60343
Всего	89420	686337

[1] Struktura posiadania mniejszej własności rolnej na Ziemiach Wschodnich.

Приложение 6

Сравнительные данные о числе мелких хозяйств и площади принадлежавшей им земли в 1921 и 1931 гг. (для территории, где проходила перепись в 1921 г.)[1]

Классификация хозяйств по земельной площади, га	В 1921 г.			В 1931 г.		
	число хозяйств	площадь принадлежавшей им земли	приходилось в среднем земли на одно хозяйство	число хозяйств	площадь принадлежавшей им земли	приходилось в среднем земли на одно хозяйство
Белостокское воеводство						
Менее 1	3210	1207	0,38	2711	1390	0,51
1 — 3	7069	14952	2,11	11241	22233	1,98
3 — 5	9205	36775	3,99	14365	56690	3,94
5 — 10	12726	90317	7,10	22606	161255	7,13
10 — 20	5420	73042	13,47	10906	146765	13,46
20 — 50	1215	33734	27,76	2949	82232	27,88
Всего	38845	250027		64778	470565	
Виленское воеводство						
Менее 1	4558	1848	0,40	2898	1272	0,44
1 — 3	12869	27123	2,10	14529	29456	2,03
3 — 5	18226	72130	3,95	20100	79328	3,95
5 — 10	26654	188390	7,07	30811	218367	7,09
10 — 20	12173	162987	13,39	15989	214741	13,43
20 — 50	4457	129733	29,10	5093	143173	28,11
Всего	78937	582211		89420	686337	
Новогрудское воеводство						
Менее 1	6976	3152	0,45	9368	5349	0,57
1 — 3	26144	54894	2,10	43818	86593	1,98
3 — 5	35636	140994	3,96	46496	182913	3,93
5 — 10	42671	300735	7,04	59657	417554	7,00
10 — 20	16022	213707	13,34	23858	316708	13,27
20 — 50	4171	119582	28,67	5204	143815	27,63
Всего	131620	833064		188401	1152932	

[1] По Белостокскому воеводству взяты только Волковысский и Гродненский уезды. По Виленскому воеводству взяты Поставский, Браславский, Дисненский, Молодечненский и Вилейский уезды, в которых в 1921 г. проводилась всеобщая перепись. Из Полесского воеводства исключен Каменец-Каширский уезд. Из Пинского уезда исключена 1/3 всех величин. Новогрудское воеводство взято полностью. Исходные данные брались из польской статистики. Struktura posiadania mniejszej własności rolnej na Ziemiach Wschdonich.

Классификация хозяйств по земельной площади, га	В 1921 г.			В 1931 г.		
	число хозяйств	площадь принадлежавшей им земли	приходилось в среднем земли на одно хозяйство	число хозяйств	площадь принадлежавшей им земли	приходилось в среднем земли на одно хозяйство
Полесское воеводство						
Менее 1	5796	2877	0,50	7458	4300	0,57
1 — 3	19322	39162	2,03	36977	74340	2,01
3 — 5	22272	88785	3,99	41561	157923	3,80
5 — 10	31372	226774	7,23	56919	405621	7,13
10 — 20	15811	217841	13,77	27348	373684	13,66
20 — 50	5264	151647	28,81	8409	234444	27,88
Всего	99837	727086		178672	1250312	
По всей Западной Белоруссии						
Менее 1	20540	9084	0,44	22435	12311	0,55
1 — 3	65404	136131	2,08	106566	212622	2,00
3 — 5	85339	338684	3,97	122522	476854	3,89
5 — 10	113423	806216	7,11	169993	1202797	7,07
10 — 20	49426	667577	13,51	78101	1051898	13,47
20 — 50	15107	434696	28,78	21654	603664	27,88
Всего	349239	2392388		521271	3560146	

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 3—609.

Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 95—152.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 95—268.

Ленин В. И. К деревенской бедноте. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 129—203.

Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 303—348.

Ленин В. И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 239—270.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 193—413.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 148—173.

Ленин В. И. Аграрные прения в III Думе. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 308—332.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 57—137.

Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 319—344.

Арэхва Н. С. Рэвалюцыйны рух у Заходняй Беларусі ў гады белапольскай акупацыі. Мінск, 1958.

Беларуская сялянска-работніцкая грамада. Мінск, 1928.

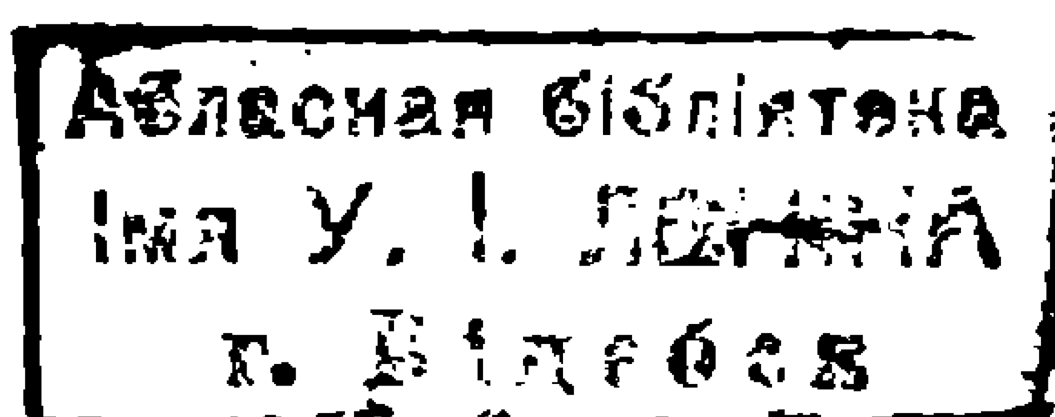
Беразоўскі. Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў. Мінск, 1928.

Гак Л. Аграрная палітыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі. Мінск, 1933.

Гольдштейн И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. М., 1940.

Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861—1914 гг. Минск, 1926.
Егоров Г. Западная Белоруссия. М., 1939.
Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Минск, 1929.
Западная Белоруссия под панским гнетом. Минск, 1940.
Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922—1926. Мінск, 1927.
Кон Феликс. Западная Белоруссия — колония панской Польши. М., 1928.
Лекаш Бернар. Польша без маски. М., 1928.
Лучанін М. Заходняя Беларусь пад панаваннем Польшчы. Мінск, 1926.
Минаев В. Западная Белоруссия и Западная Украина под гнетом панской Польши. М., 1939.
Народное (национальное) собрание Западной Белоруссии 28—30 октября 1939 г. Минск, 1940.
Минский Г. Под игом польских панов. М., 1939.
Перцаў В. Н. Заходняя Беларусь пад уладай Польшчы і ўз'яднанне беларускага народа ў адзіную Савецкую дзяржаву. Мінск, 1945.
Польская деревня в цифрах. М., 1955.
Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921—1939 гг.). Минск, 1966.
Чарвякоў А. Беларусь да X гадавіны Кастрычніка. Мінск, 1927.
Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск, 1927.
Якаўлеў Л. Заходняя Беларусь. Мінск, 1931.
Bandos A. Walki chłopckie 1937 roku. Warschawa, 1955.
Barański Władysław. Akcja gospodarcza na Ziemiach Północno-Wschodnich. Wilno, 1934.
Bossowski Franciszek. Służebności gruntowe. Prawo Ziem Wschodnich. Wilno, 1939.
Broda Stefan. Zadłużenia drobnych gospodarstw na dzień 1 lipca 1938 r. Warszawa, 1939.
Brzeski T. Rolnictwo i polityka agrarna. Warszawa, 1938.
Bułowski L. Kolonie dla Polski. Warszawa, 1932.
Dederko Bohdan. Najkorzystniejszy rozmiar gospodarstw wiejskich. Warszawa, 1925.
Gałasiewicz S. Ziemia Nowogródzka. Najpilniejsze gospodarcze i kulturalne potrzeby. Nowogródek, 1936.
Grabski Władysław. Wieś i folwark. Warszawa, 1930.
Grodzicki L. Polesie. Warszawa, 1936.
Grodzicki L. Struktura posiadania gruntów w województwie poleskim. Warszawa, 1936.
Henrykowski G. W sprawie naszej taktyki na wsi. Warszawa, 1935.
Humnicki S. Stan posiadania. Reforma rolna. Warszawa, 1929.
Jankowski T. Zarys stanu rolnictwa Ziemi Nowogródzkiej. Warszawa, 1927.
Korybutiak Z. J. Hodowla zwierząt domowych i pasterstwo w województwach Wileńskim i Nowogródzkim. Wilno, 1936.
Ludkiewicz Z. Polityka agrarna. Poznań, 1921.
Ludkiewicz Zdz. Ustrój rolny Polski i jego niedomagania. Warszawa, 1935.

Madajczyk Czesław. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1919—1939). Warszawa, 1956.
Mejer E. Gospodarcze i społeczne skutki scalenia gruntów w województwie Poleskim. Warszawa, 1936.
Mejer E. Gospodarstwa powstałe w wyniku przebudowy ustroju rolnego w województwach: Wileńskim, Nowogródzkim i Poleskim w świetlie cyfr z roku 1930/1931. Wilno, 1936.
Memoriał w sprawie stanu gospodarczego i najważniejszych potrzeb Ziem Północno-Wschodnich. Wilno, 1931.
Mieszczankowski Mieczysław. Struktura agrarna Polski międzywojennej. Warszawa, 1960.
Na drodze do dobrobytu Ziem Wschodnich. Warszawa, 1937.
Nowak Jerzy. Krzywda chłopska, czyli o tym jak tumaniono chłopów reformą rolną. Warszawa, 1924.
Ormicki W. Życie gospodercze Kresów Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej. Kraków, 1929.
Posłowie rewolucyjni w sejmie (lata 1920—1935). Warszawa, 1961.
Stefański E. Pracujące chłopstwo pod knutem dyktatury faszystowskiej. M., 1931.
Staniewicz Witold. Zagadnienia melioracji Polesia. Wilno, 1937.
Tomaszewski Jerzy. Z dziejów Polesia. 1921—1939. Warszawa, 1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЕКСЕЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
СОРОКИН

Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920—1939 гг.)

Издательство «Наука и техника»
Минск, Ленинский проспект, 68

Редактор Л. Булавинцева
Художник И. Славянин
Художественный редактор Л. Усачев
Технический редактор Г. Якубовская
Корректор Л. Андреева

АТ 15093. Сдано в набор 25/I-68 г. Подписано к печати 15/III-68 г. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 2. Физ. печ. л. 6,375. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 8,5. Изд. зак. 455. Тип. зак. 121. Тираж 1000 экз. Цена 51 коп.

Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета Совета Министров БССР по печати. Минск, Ленинский проспект, 68

Сорокин А. А.

С65 Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920—1939 гг.). Минск, «Наука и техника», 1968.

204 с. 1000 экз. 51 к.

В книге дается анализ распределения земельной собственности между помещиками и крестьянами, рассматривается аграрная политика эксплуататорских классов Польши, прослеживается развитие классовой борьбы в деревне, рост классового сознания и организованности трудящегося крестьянства.— Библиогр.: с 201—203 и в подстроч. примеч.

1-6-4 / 5-68 **9(С3)+9(И)7**

51 к.